

Leavenworth Papers №2

Nomonhan: Japanese-Soviet Tactical Combat, 1939

by Edward J. Drea

Combat Studies Institute

U.S. Army Command and General Staff College

Fort Leavenworth, Kansas 66027

JANUARY 1981

Эдвард Дж. Дри

НОМОНГАН: ТАКТИЧЕСКИЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ И ЯПОНСКИХ ВОЙСК, 1939

ПРЕДИСЛОВИЕ

Военная история в мирное время является лабораторией для профессионального солдата. Как напоминает нам Дю Пик¹, «лишь изучение прошлого может дать нам чувство реальности и показать, как солдат будет сражаться в будущем». Серьезное изучение нашей профессии помогает восполнить пробелы между обучением и боем. Публикация и распространение исследований тактики боевых действий является одним из основных направлений деятельности Научно-Исследовательского Института Боевых Разработок и серии *Leavenworth Papers*.

На первый взгляд, изучение боевых действий Японской Императорской Армии против советской Красной Армии в 1939 году имеет мало отношения к вопросам современной военной доктрины армии США. Огромный прогресс в военных технологиях, казалось бы, отодвинул Номонганский конфликт в старину, столь же отдаленную, как монгольская граница, на которой и произошло это сражение. Однако работа доктора Эдварда Дж. Дри «НОМОНГАН: ТАКТИЧЕСКИЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ И ЯПОНСКИХ ВОЙСК, 1939», являющаяся второй публикацией в серии *Leavenworth Papers*, выходит далеко за пределы простого повествования о далеком пограничном конфликте.

На базовом уровне это исследование позволяет разобраться в том, как две иностранные армии проводили боевые операции в дни, непосредственно предшествовавшие Второй Мировой Войне. Особый интерес представляет то, как японские стереотипные представления о советской тактике и доктрине оказали неблагоприятное влияние на операции японских войск. На промежуточном уровне эта работа описывает разработку оперативной доктрины Японской Императорской Армии и ее применение против Красной Армии. Исследование ясно демонстрирует, что доктрина должна быть динамической и в разработке и в применении; теоретические соображения должны быть актуальны применительно к реальности поля боя. И наконец, исследование позволяет нам рассмотреть влияние человеческого фактора в бою. Уступавшие противнику и в

¹ Шарль Ардан Дю Пик (1821-1870) – французский офицер и военный теоретик

численности, и в вооружении, и в возможности маневра, японские офицеры и солдаты 2-го батальона 28-го пехотного полка 7-й пехотной дивизии, несмотря ни на что, удерживали свои позиции, пока не получили приказ отступить. Традиции, войсковое товарищество, обучение и доктрина – все это внесло свой вклад в проявление необычайной храбрости перед лицом устрашающего превосходства противника.

Сегодня армия США акцентирует внимание на идее борьбы с численно превосходящим противником и победы над таким противником. Достижение столь нелегкого подвига потребует тщательной подготовки и напряженного реалистичного обучения до того, как начнется первый бой следующей войны. Данное описание того, как Японская Императорская Армия готовилась к своему «первому бою» должно помочь нам извлечь пользу из японского опыта борьбы с грозным противником – Советским Союзом. В монографии подчеркиваются ошибки, и в то же время указываются некоторые сильные стороны японской армии, позволившие противостоять самой крупной концентрации бронетанковых и механизированных войск того времени.

Генерал-лейтенант Уильям Р. Ричардсон

БЛАГОДАРНОСТИ

Многие люди внесли свой вклад, участвуя в создании этой монографии. Особые благодарности следует выразить персоналу военно-исторического отдела Колледжа Национальной Обороны Японии, чья любезная помощь позволила собрать значительную часть документов, использованных в этом исследовании. В частности, господин Тога Хироси, директор военно-исторического отдела и генерал-лейтенант в отставке, позволил мне получить доступ к архивам Японской Императорской Армии, имеющимся в распоряжении колледжа. Господа Кондо Синидзи и Арима Сэйити давали ценные советы и предложения и любезно согласились прочесть работу до публикации. Подполковник Иноуэ Мотому сопровождал меня в колледже и продолжает снабжать информацией по военной истории Японии. Без помощи таких квалифицированных профессионалов это исследование не было бы написано.

ВСТУПЛЕНИЕ

«Странная война» - констатировалось в редакционной статье «Нью-Йорк Таймс» от 20 июля 1939 г. о боях Японской Императорской Армии и советской Красной Армии в монгольских степях. «Нью-Йорк Таймс» высмеивала заявления об успехах обеих сторон, называя их явно преувеличенными, но неумышленно отметила характерную черту этого конфликта, описав бой, как «бушевавший в невероятно далеком углу мира, где он не мог привлечь большого внимания¹». География, строгая секретность, соблюдаемая обоими участниками конфликта, и последующее начало в сентябре 1939 Второй Мировой Войны – все это отодвинуло на задний план наиболее массовое использование в бою танков, зафиксированное до того времени. Советы задействовали в операции более 1000 танков под командованием генерала Георгия Жукова, продемонстрировавшего способности в области применения механизированных войск. Японская Императорская Армия, основу которой составляла пехота, не добилась успехов в той операции и стала жертвой двойного охвата советских войск.

Хотя эта «странная война» почти полностью забыта за Западе, Советы продолжают считать ее блестящим примером того, как следует побеждать в «ограниченных конфликтах». Во время пограничных стычек с армией Китайской Народной Республики в 1968 и 1969 гг. отнюдь не было совпадением, что в советских военных журналах стали появляться многочисленные статьи о пограничной войне 1939 года. В 1970-е в советской военной литературе вышло не менее десятка статей на эту тему. Советский опыт Номонганского конфликта, очевидно, и сейчас не утратил своего влияния.

Аналогичным образом, штабные офицеры Японской Императорской Армии впоследствии досконально изучали действия японских войск у Номонгана, и даже в наши дни этот бой служит предметом изучения в военных учебных заведениях японских Сил Самообороны. Такой интерес со стороны союзника и потенциального противника позволяет предположить, что армии США полезно будет знать, что же произошло у Номонгана/Халхин-Гола летом 1939 г.

Тем не менее, на английском языке по этой теме вышло мало работ. Кроме того, японские исследования и немногочисленные

англоязычные публикации обычно сосредотачивают внимание на действиях уровня дивизии и выше. Целью же этого исследования является изучение тактики уровня батальона и роты, использовавшейся японскими пехотинцами в боях с Красной Армией и степень успеха, достигнутого этой тактикой.

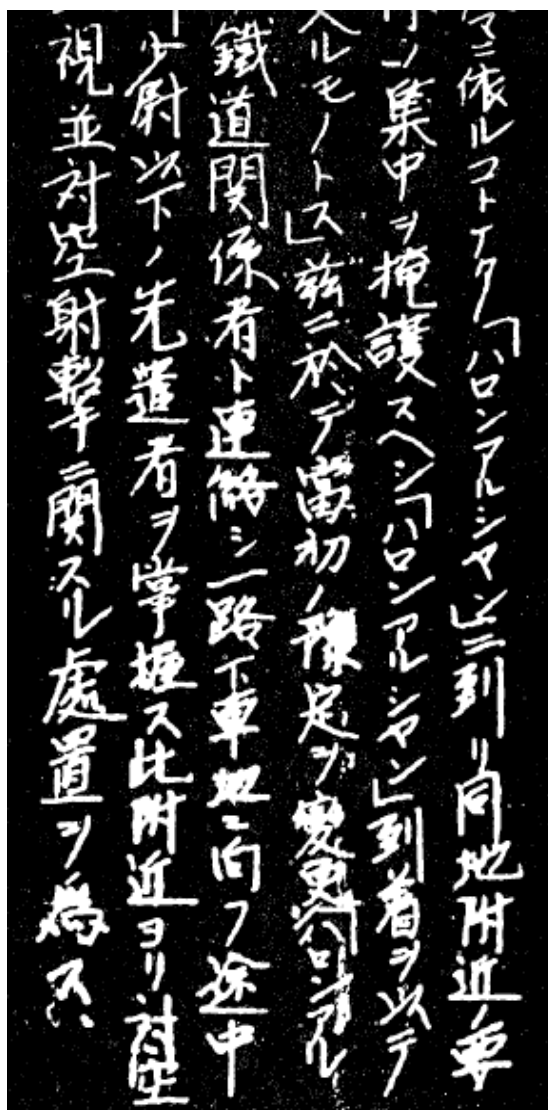
У всех современных армий есть тактическая доктрина – официально утвержденные методы ведения боя различными подразделениями. Японская Императорская Армия затратила много времени, средств и труда на разработку тактической доктрины, которая могла бы быть успешной против главного потенциального противника – Советского Союза, обладавшего значительным превосходством в живой силе и материальной части. Эта монография кратко описывает эволюцию тактической доктрины японской армии и представляет детальное исследование применения этой доктрины на примере боевых действий отдельно взятого японского пехотного батальона против советских войск летом 1939 г.

Изучение действий небольшого подразделения в бою позволяет историку проанализировать и исследовать доктрину в процессе проверки ее боем. При таком подходе, в свою очередь, рассматриваются вопросы гибкости, применимости и эффективности доктрины, что должно представлять интерес для всех армий.

Отчет о ежедневных действиях одного японского батальона в бою не является, однако, детальным исследованием Номонганского конфликта в целом. У обычных японских пехотинцев на фронте (как и у солдат любой другой армии) не было времени для размышлений о том, соответствуют ли используемые ими тактические приемы официальной доктрине Императорской Армии. Рядовой японский солдат, окопавшийся на песчаной дюне под артиллерийским обстрелом, не мог иметь ясного представления обо всем бое, так называемой «общей картины», которую может дать ретроспектива. Солдат получал приказы и выполнял их так, как его учили. Его взгляд на бой был ограниченным, но по-своему уникальным. Здесь приводится общий обзор Номонганской кампании, но главной темой исследования является тактика малых подразделений, и особое внимание сосредоточено на уровне батальона.

Предметом этого исследования служат действия 2-го батальона 28-го пехотного полка 7-й пехотной дивизии Японской Императорской

Армии. Есть несколько причин для выбора именно этого подразделения. Во-первых, журнал боевых действий 2-го батальона сохранился и содержит детальную информацию о действиях батальона против Красной Армии у Номонгана.

Выдержка из журнала боевых действий 2-го батальона 28-го пехотного полка

Во-вторых, батальон действовал как отдельное подразделение, временно включаемое в состав разных тактических групп для выполнения различных задач. В-третьих, батальон не настолько мал, чтобы его действия оставались в тени основной части (полка или дивизии), но и не слишком велик для изучения тактики малых подразделений. И наконец, батальон принимал участие и в наступательных и в оборонительных операциях против Красной Армии, что позволяет получить представление о тактике Японской Императорской Армии в разных ситуациях.

Основные документы, использованные в работе над этой монографией, являются частью архивов Японской Императорской Армии, открытых для общественности. Один сборник документов доступен на микрофильме в Библиотеке Конгресса США. Оригиналы документов хранятся в архивах Колледжа Национальной Обороны в Токио. Эти документы Японской Императорской Армии первоначально были засекречены, и при цитировании этих документов я упоминал об их первоначальном статусе секретности, чтобы отметить для читателя ту важность, которую командование Императорской Армии придавало этим документам. Все японские имена в монографии приводятся в соответствии с японской традицией – сначала фамилия, потом имя.

Эдвард Дж. Дри

НИИ боевых разработок

Командно-штабной колледж армии США

Форт Ливенуорт, Канзас

2. Солдаты, доктрина, оружие

Маньчжурия между двух огней

С начала двадцатого столетия Японская Императорская Армия своим основным потенциальным противником считала царскую Россию, а позже Советский Союз. Успехи японского оружия в Русско-Японской войне 1904-1905 гг. временно устранили русскую угрозу и позволили Японии разместить постоянные гарнизоны в Маньчжурии – основном районе боевых действий той войны. После создания в 1905 г. генерал-губернаторства (управляемого генералом Японской Императорской Армии) для охраны японских интересов в районе Южно-Маньчжурской железной дороги, части двух дивизий Японской Императорской Армии были оставлены в Маньчжурии для защиты жизни и имущества японских граждан. Со временем эти войска были возвращены в Японию, и к 1910 г. была сформирована отдельная гарнизонная часть из шести батальонов, укомплектованных резервистами, на которую была возложена ответственность за защиту японских интересов в Маньчжурии. В 1916 г. резервистов сменили кадровые военнослужащие, а в 1919 приказом по армии №12 был учрежден штаб Квантунской Армии для командования гарнизонными частями в Маньчжурии. Контингент японских войск в Маньчжурии насчитывал тогда около 10 000 солдат и офицеров.

Офицеры штаба Квантунской Армии считали себя защитниками границ Японии. В случае с Маньчжурией за эти границы было заплачено кровью более 160 000 японцев, погибших в Русско-Японской войне. Офицеры Квантунской Армии считали, что в Военном министерстве и Генеральном Штабе в Токио не вполне осознают опасность, которую представляет Советский Союз для японских владений в Маньчжурии. Чтобы противостоять этой угрозе, офицеры Квантунской Армии предприняли односторонние действия, создав повод для войны между Японией и маньчжурским военным диктатором Чжан Сюэляном, что, в конечном счете, позволило Квантунской Армии оккупировать всю Маньчжуриюⁱⁱ. После так называемого Маньчжурского инцидента 1931 г. командование Квантунской Армии в 1932 г. инициировало создание марионеточного государства под названием Маньчжоу-Го.

Хотя Квантунская Армия быстро завоевала Маньчжурию и столь же быстро создала марионеточное государство, ее конечный успех не мог быть гарантирован, пока Советский Союз угрожал новым японским владениям с трех сторон. Офицеры Квантунской Армии и – после принятия свершившегося факта оккупации Маньчжурии – их единомышленники в Генштабе в Токио считали создание Маньчжоу-Го промежуточным шагом в подготовке к войне с СССР. Японская Императорская Армия, используя природные богатства Маньчжурии, могла обновить и модернизировать свои силы для предстоящей борьбы. Однако в 1937 году японцы оказались втянуты в незапланированную войну с Китаем – классический случай не той войны не в том месте, не в то время и против не того врага.

Потери на китайском фронте продолжали расти (к декабрю 1937 г. было убито и ранено уже около 100 000 японских солдат), и Военное министерство и Генштаб пытались скорее завершить эту войну. В общих чертах японских офицеров можно было разделить на экспансионистов и анти-экспансионистов. Экспансионисты считали, что любое проявление японцами слабости лишь воодушевит дальнейшее сопротивление китайцев. Только военный разгром может убедить китайцев в ошибочности их курса. Анти-экспансионисты же считали войну с Китаем напрасной тратой сил, ослабляющей японскую армию, пока главный враг – СССР – продолжает наращивать военное присутствие на Дальнем Востоке и угрожать Маньчжурии с севера. Общим знаменателем для обеих групп было то, что те и другие продолжали считать Советский Союз врагом номер один. Экспансионисты полагали необходимым силой оружия уничтожить потенциальную китайскую угрозу японскому флангу в будущих операциях против СССР. Анти-экспансионисты предпочли бы прекратить бессмысленную трату ресурсов японской армии, чтобы использовать эти ресурсы для подготовки войны с СССР. Тем не менее, военные и гражданские лидеры Японии не смогли найти решение, которое бы позволило остановить эту войну, и к 1939 г. 25 пехотных дивизий японской армии – всего около миллиона человек – были вовлечены в боевые действия на бескрайнем китайском фронте.

Так как основная задача Квантунской Армии – защита Маньчжоу-Го от советской агрессии – оставалась прежней, главные силы Квантунской Армии не принимали участия в боевых действиях против Китая. Командование Японской Императорской Армии продолжало

усиливать войска Квантунской Армии, численность которой увеличилась почти в два раза – с пяти пехотных дивизий в 1937 г. до девяти в 1939. Число пехотных дивизий во всей японской армии выросло за это время с двадцати четырех до сорока одной. Для Квантунской Армии не представляло сложностей найти оправдания для такого усиления. Увеличивавшееся число пограничных инцидентов – нарушения границы, перестрелки, похищения – привело, в свою очередь, к усилению мер по охране 3000-мильной советско-маньчжурской границы – строительству новых долговременных огневых сооружений, заграждений из колючей проволоки, формированию новых подразделений для охраны границыⁱⁱⁱ. С 1936 г. в пограничных стычках между подразделениями Красной Армии и Японской Императорской Армии принимают участие механизированные войска и авиация.

Это превратилось в порочный круг. Силы Квантунской Армии росли, но так же увеличивалась и численность Красной Армии на Дальнем Востоке. С шести стрелковых дивизий в 1931 г. силы Красной Армии к 1936 г. увеличились до двадцати дивизий, насчитывая к тому времени более 1000 танков и примерно столько же самолетов. Особая Дальневосточная Армия стала слишком большой и начала восприниматься Сталиным как угроза для его власти. Вследствие этого после создания Забайкальского Военного Округа она потеряла свои западные элементы. После инцидента у озера Хасан в 1938 г. Сталин расформировал Особую Дальневосточную Армию, сформировав вместо нее 1-ю и 2-ю Особые Краснознаменные Армии, ответственные за оборону Уссурийской и Амурской областей соответственно. Обе армии подчинялись непосредственно Народному Комиссариату Обороны. Кроме того, в 1938 г. во Внешнюю Монголию был направлен 57-й Особый стрелковый корпус^{iv}.

В 1938 г. 19-я пехотная дивизия Японской Императорской Армии оказалась вовлечена в кровопролитные 12-дневные бои с войсками Красной Армии у высоты Чжангуфэн/озера Хасан, на границе Кореи и СССР^v. Хотя 19-я дивизия сумела удержать первоначально захваченные позиции, отразив несколько мощных советских контратак, она понесла тяжелые потери. Более 500 японских солдат были убиты и свыше 900 ранены. Потери советских войск, по некоторым данным, составили 236 убитых и 611 раненых^{vi}. Однако, по мнению штаба Японской Императорской Армии, Советы не

продемонстрировали инновационной тактики и искусства управления войсками, подтвердив, таким образом, мнение офицеров Квантунской Армии, что политические чистки Красной Армии серьезно ослабили ее эффективность. В результате этого, в начале 1939 г. штаб Квантунской Армии принял ряд более агрессивных правил задействования сил и средств с целью в будущем сокрушить любое советское вторжение на территорию Маньчжоу-Го.

Первые стычки

В апреле 1939 г. командование Квантунской Армии сформулировало новую оперативную директиву под названием «Принципы урегулирования спорных вопросов по советско-маньчжурской границе». Позже в том же месяце командир Квантунской Армии генерал Уэда Кенкити объяснил эти новые принципы на совещании с командирами корпусов^{vii}. С этого времени, согласно оперативной директиве №1488, подразделения Квантунской Армии могли предотвращать эскалацию пограничных инцидентов решительными действиями против советских нарушителей границы. Тем же приказом японским войскам давались полномочия входить на советскую или монгольскую территорию, если это требовалось для выполнения поставленных задач. В таких случаях всех убитых и раненых японских солдат следовало забрать с поля боя и, вместе с убитыми и пленными вражескими солдатами, доставить на территорию Маньчжоу-Го. От командиров на местах ожидалось решительные действия («агрессивное патрулирование»), и в случаях, когда граница была определена неточно, командиры имели право сами принимать решение о ее переходе^{viii}. Командиры дивизий Японской Императорской Армии, ответственные за охрану определенных участков длинной и неточно определенной границы были наделены весьма широкими полномочиями, и ожидалось, что они будут эти полномочия использовать.

11 мая, спустя две недели после вступления в силу новой директивы, около 70-80 монгольских кавалеристов, вооруженных легкими и тяжелыми пулеметами, пересекли реку Халха и оказались на территории, считавшейся маньчжурской, в поисках пастбища и воды для своих лошадей. Поблизости от деревни Номонган они напали на небольшую группу маньчжурских пограничников. На помощь

пограничникам подошли подразделения маньчжурской пехоты численностью до батальона. Маньчжуры контратаковали и отбросили монгольский отряд обратно за реку Халха. Монголы при отступлении оставили на поле боя пять убитых, четыре лошади и значительное количество стрелкового оружия и боеприпасов к нему.

На следующий день отряд монгольских солдат примерно той же численности перешел границу к юго-западу от Номонгана. Контратака маньчжурских подразделений, предпринятая 13 мая, на этот раз успеха не имела. Так начался конфликт, которые японцы назвали Номонганским инцидентом, а Советы – сражением у Халхин-Гола^{ix}.

Для генерал-лейтенанта Комацубара Мититаро, командира 23-й пехотной дивизии, расположенной в Хайларе, в чьей зоне ответственности произошел инцидент, последняя пограничная стычка показалась вполне типичной. Он считал, что быстрое применение достаточных сил позволит быстро решить инцидент. Первые донесения, сильно преувеличенные, сообщали, что границу нарушили около 700 монгольских солдат. Комацубара приказал выдвинуться в район инцидента силам быстрого реагирования, сформированным из разведывательных подразделений 23-й дивизии (одна кавалерийская рота, одна рота тяжелых броневых автомобилей и штабное подразделение – всего 593 человека) и 1-го батальона 64-го пехотного полка (за исключением двух рот) на автомобилях (около 100 машин) с взводом 37-мм скорострельных пушек^x.

Японские штабные офицеры с трудом даже смогли найти Номонган на своих оперативных картах, и, казалось, не было оснований полагать, что для решения незначительного инцидента могут понадобиться еще какие-либо дополнительные силы. Офицеры и солдаты 23-й дивизии после долгих месяцев учений были полностью уверены в своей подготовке и тактике, и с нетерпением ожидали возможности применить полученные навыки в бою.

23-я дивизия была относительно новым соединением, она была сформирована в июле 1938 г. и месяц спустя направлена в

Генерал-лейтенант Комацубара Мититаро, командир 23-й пехотной дивизии Японской Императорской Армии

Маньчжурию для боевой подготовки. Большинство ее военнослужащих рядового и унтер-офицерского состава были солдатами первого или второго года службы, призванными из южных японских городов (Кумамото, Фукуока, Хиросима и Оита). Солдаты, призванные из этих районов, традиционно считались хорошими бойцами, особенно в наступательных операциях. Императорский Генеральный Штаб первоначально намеревался использовать 23-ю дивизию для гарнизонной службы в оккупированных районах Китая. Однако, приняв во внимание требование о дополнительном усилении Квантунской Армии, Генштаб направил новую дивизию для обороны провинции Хэйлунцзян в северо-западном Маньчжоу-Го^{xi}. Несмотря на качество ее бойцов, штаб Квантунской Армии считал дивизию недостаточно подготовленной для противостояния главной – советской – угрозе.

Боевые подразделения дивизии трехполкового состава (каковой являлась 23-я) включали в себя одну пехотную бригаду, в состав которой входили три пехотных полка. Кадровые дивизии Квантунской

Армии, сформированные до 1937 г. (такие как 7-я пехотная дивизия, к которой относился и 2-й батальон 28-го пехотного полка) были четырехполковыми и включали в себя две бригады по два пехотных полка, в каждом полку – три батальона. В трехполковой дивизии по штату было 12 000 чел., а в четырехполковой – 15 000. Кроме того, в трехполковых дивизиях было недостаточно артиллерии для боя с советскими дивизиями первой линии. Например, в 23-й дивизии было только 65 орудий, в том числе семнадцать 37-мм скорострельных пушек. Для сравнения, в 7-й дивизии было шестнадцать 37-мм пушек и 64 орудия других типов^{xii}.

Оружие и доктрина

В командовании Японской Императорской Армии уже более 10 лет шли дискуссии, следует ли принимать трехполковую структуру дивизии как основную. Решающим фактором в пользу принятия трехполковой дивизии стало более быстрое увеличение числа дивизий в армии. В противном случае, при сохранении четырехполкового состава дивизий, Япония стала бы испытывать нехватку ресурсов и средств военного бюджета для дальнейшего увеличения армии. Формировать дивизии трехполкового состава было экономически более целесообразно. Реорганизация армии в 1936 г. путем принятия трехполкового состава дивизий позволила сформировать шесть новых пехотных дивизий из ресурсов, полученных за счет сокращения семнадцати уже имевшихся дивизий. Деньги, сэкономленные на формировании этих новых дивизий, были потрачены на развитие бронетанковых войск и ВВС. В ходе операций на китайском фронте так же подтвердилось, что «облегченные» дивизии предпочтительнее, так как китайские националисты использовали бронетехнику редко и неэффективно, а у китайских коммунистов бронетехники вовсе не было.

В обоих типах дивизий в японской армии наименьшим боевым подразделением, способным к проведению независимых операций, являлся батальон^{xiii}. Оптимально батальон состоял из группы управления, четырех стрелковых рот (в каждой 194 чел.), роты тяжелого оружия (8 тяжелых пулеметов калибра 7,7 мм) и батальонного артиллерийского взвода (две 70-мм гаубицы), предназначенного для поддержки наступающей пехоты и уничтожения

пулеметных гнезд противника. Каждая рота включала в себя три стрелковых взвода, а каждый взвод состоял из трех стрелковых отделений. Стрелковое отделение состояло из 11 стрелков, вооруженных винтовками, и расчета легкого 6,5-мм пулемета. Отделение тяжелого оружия включало в себя 11 стрелков и трех гранатометчиков, вооруженных 50-мм гранатометами (которые часто неправильно называют «коленными минометами»). Однако в батальоне отсутствовала организация штаба, и батальонный командир с его адъютантом должны были лично координировать все функции штаба – по материально-техническому обеспечению, управлению, разведке и связи.

Оптимально личный состав батальона насчитывал около 1000 человек, но во 2-м батальоне 28-го полка ко времени сражения у Номонгана насчитывалось около 80% штатной численности^{xiv}.

Войска Квантунской Армии, будь то кадровые дивизии, как 7-я, или недавно сформированные, как 23-я, большую часть времени своей службы в Маньчжурии занимались напряженной боевой подготовкой, готовясь к боям с Красной Армией. Подготовка солдат 7-й дивизии концентрировалась на боевых действиях пехоты, рукопашном бое, отработке тактики боя пехоты в противовес тактике общевойскового боя, и развитию высокого боевого духа. В последнем внимание акцентировалось на уверенности в победе, верности и патриотической преданности долгу, военной традиции и духе боевого товарищества. Все это было предпосылкой для воспитания наступательного духа в каждом солдате^{xv}.

Во всех японских уставах и наставлениях по боевой подготовке пехоты с 1909 до 1945 г. подчеркивалась особая важность наступления. Новое смертоносное оружие Русско-Японской войны и огромные потери японской армии обусловили необходимость разработки новых принципов ведения боевых действий, в соответствии с которыми пехотинец продолжал бы сражаться даже после того, как все его товарищи были убиты или ранены. Разработанный с учетом уроков той войны устав 1909 г. подчеркивал необходимость воспитания у личного состава всей японской армии моральных факторов, таких, как вера солдата в неизбежную победу и неослабевающий наступательный дух^{xvi}. Эта опора на нематериальные факторы требовала от каждого солдата еще более

высокого боевого духа и наступательного порыва, основанного на фанатичном патриотизме и духе боевого товарищества. Боевому духу, уже находившемуся на весьма высоком уровне во время Русско-Японской войны, впоследствии стало придаваться такое подчеркнутое значение, что японские командиры стали полагаться на эти «нематериальные факторы», чтобы компенсировать материальные и технологические недостатки. Эти принципы распространились в японской армии до такой степени, что к 1932 г. командирам дивизий рекомендовалось даже в случае, если противник неизбежно вынуждает перейти к обороне, всегда искать возможность «перейти в наступление и нанести противнику решительный удар»^{xvii}.

Японская Императорская Армия основывала свои принципы ведения боя на решительных наступательных операциях. Таким образом, следовало разработать тактику, пригодную для применения этих принципов против основного противника – Красной Армии. И Русско-Японская война и Первая Мировая продемонстрировали, что массированные соединения пехоты на поле боя стали смертельным анахронизмом. Однако японская армия полагалась на пехоту как на свою главную силу, силой, задачей которой было атаковать противника и уничтожать его в ближнем бою^{xviii}. Японские специалисты по тактическим вопросам должны были гарантировать, что атакующая японская пехота сможет достигнуть позиций противника с минимальными потерями. Вследствие этого, в японской армии в 1920-х – начале 1930-х гг. велись активные дискуссии по вопросу тактической доктрины.

К началу 1920-х гг. специалисты-тактики Японской Императорской Армии осознали необходимость эшелонировать и рассредоточивать боевые порядки пехоты, чтобы уменьшить потери при атаке обороняющегося противника, обладающего смертельной огневой мощью современного оружия. В переработанном издании «Боевого Устава пехоты» 1925 г. упор делался на тактику, разработанную, чтобы позволить атакующему достигнуть позиций обороняющегося противника. Эта тактика включала взаимодействие пехоты с другими родами войск, улучшенные средства связи для обеспечения лучшего управления и координации действий, ночной бой и маневр, сочетание огневых средств пехоты и рукопашного боя, а также большой расчет на способность младших офицеров и сержантского состава проявлять инициативу^{xix}.

Опора на командирские способности младших офицеров была центральной в новой тактике, но для нее требовались квалифицированные хорошо обученные офицеры, которые бы заботились о бытовом обеспечении и моральном состоянии своих солдат и совершенствовали навыки в ходе постоянной службы в составе своих полков. В мирное время, когда военное училище могло выпускать в среднем по 300-350 офицеров, и можно было давать офицерские звания унтер-офицерам для увеличения офицерских кадров, было возможно обучение достаточного числа решительных и инициативных младших командиров. Однако большие потери среди офицеров на китайском фронте, ускоренное обучение в военном училище (в среднем по 500 и более выпускников) и офицерские курсы, также выпускавшие младших командиров, привели к ухудшению уровня подготовки офицеров. Кроме того, способные младшие офицеры стали быстро продвигаться по службе, чтобы восполнить острую нехватку командиров уровня майора - подполковника, вызванную быстрым ростом Японской Императорской Армии в военное время. К 1941 г. только 36% из всех офицеров японской армии были выпускниками военного училища, а на уровне роты и ниже процент выпускников был еще меньше^{xx}. В то же время новые издания «Боевого Устава пехоты» требовали увеличения числа младших офицеров, способных к самостоятельному командованию и проявлению инициативы.

Переработанное издание «Боевого Устава пехоты» 1928 г. особенно подчеркивало использование укрытий и маскировки для защиты наступающей пехоты и уменьшения дистанции, которую необходимо было преодолеть одним броском под огнем противника с 50 до 30 метров. В значительной части изменений, внесенных в устав, упор делался на ночной бой и повышенные требования к обучению солдат ночному бою и маневренным действиям ночью^{xxi}. Действия в рассредоточенных боевых порядках днем и ночью требовали нового оружия, и в переработанном издании устава большое внимание уделялось применению легких пулеметов и гранатометов^{xxii}. Несмотря на эти изменения, японская армия по-прежнему полагалась на наступательные действия, кульминацией которых являлся рукопашный бой.

К 1930-м гг. японские стратеги осознали более чем когда-либо, что японская армия не сможет выиграть войну на истощение против

постоянно растущей мощи Советского Союза. В связи с этим была разработана тактика ведения короткой войны, направленная на быстрое и решительное достижение успеха (*sokusen sokketsu*). Целью *sokusen sokketsu* было окружение и уничтожение сил противника. В основу тактики, используемой для достижения этой цели, была положена подвижность войск, инициатива, ночные бои и маневренные действия ночью, а также взаимодействие пехоты и артиллерии^{xxiii}. В сочетании с психологической ценностью боевого духа, наступательного порыва и веры в абсолютное превосходство японского оружия, эта тактика сформировала одну из лучших пехотных армий мира. Однако это по-прежнему была пехотная армия, опора которой на нематериальные факторы (такие, как японский боевой дух), была результатом нехватки оружия, необходимого для современной войны^{xxiv}. То есть, это была армия, пытавшаяся с помощью доктрины компенсировать материальные недостатки.

К 1939 г. боевой опыт в Китае и в пограничных конфликтах с СССР, казалось, подтверждал правильность избранной японцами доктрины. В Китае японские войска снова и снова одерживали победы над численно превосходящими китайскими армиями. Исход боев с советскими войсками у высоты Чжангуфэн/озера Хасан не был столь однозначным, но так как эти бои тоже были признаны доказательством эффективности японской тактики, их стоит рассмотреть более подробно.

Бой, послуживший испытанием теорий японских штабных офицеров, начался рано утром 31 июля 1938 г. Солдаты 1-го батальона 75-го пехотного полка 19-й пехотной дивизии предприняли ночную атаку против советских войск, занявших 150-метровую возвышенность у Чжангуфэн/озера Хасан. Атакующие захватили позицию, и после жестокого рукопашного боя в темноте, советские солдаты в беспорядке бежали^{xxv}. Японские пехотинцы удерживали захваченные позиции двенадцать дней, несмотря на тяжелые потери. Что более важно, так как этот бой был первым применением японцами ночной атаки против Красной Армии, японские специалисты по тактике сочли его блестящим успехом, укрепившим их веру в тактику ночных атак^{xxvi}. Хотя все эти офицеры были сторонниками наступления, они уделили повышенное внимание урокам Чжангуфэна, касающимся обороны; в частности тому, что дивизия, занимающая сильную естественную или хорошо укрепленную позицию, смогла успешно сопротивляться

фронтальному наступлению трех дивизий противника^{xxvii}. Вместе с тем специалисты Японской Императорской Армии предпочли проигнорировать превосходящую огневую мощь советской пехоты и артиллерии и продолжали делать акцент на нематериальные факторы. Перефразируя официальную японскую историю Номонганского конфликта, основной причиной опоры японской армии на нематериальные факторы была нехватка огневой мощи, но во многом этому способствовала и абсолютная вера в успех ночного боя, особенно ночной атаки, кульминацией которой должна была стать рукопашная схватка с противником^{xxviii}.

Когда солдаты, направленные в 7-ю дивизию, проходили повышенную подготовку пехотинца на пыльных равнинах у Цицикара, их обучение было сосредоточено на отработке трех основных занятий: подготовке по штыковому бою, учебных стрельбах и маршах. Солдат, как и их предшественников, учили, что атака и схватка лицом к лицу с противником, чтобы убить его в штыковом бою, являются вершиной боя пехоты. Большинство солдат только заканчивали свой первый год службы. В течение этого года тридцать восемь недель уделялось подготовке по ночному бою, в среднем по десять часов в неделю. Солдаты обучались ночным атакам в различных боевых порядках, разграждению препятствий, обеспечению маскировки, звукомаскировочной дисциплине, ориентированию ночью, действиям разведывательных подразделений и действиям по боевому охранению^{xxix}. Офицеры учили их, что в ночных атаках наилучшим образом используются уникальные японские качества - храбрость, упорство, находчивость и инициатива^{xxx}. В мае 1939 г. бойцы 7-й дивизии, вероятно, завидовали своим товарищам из 23-й дивизии, готовившимся нанести первый удар по Красной Армии у Номонгана.

14 мая 1939 г. разведывательные части 23-й дивизии в составе роты броневых автомобилей и кавалерийского эскадрона под командованием подполковника Адзума Яодзо прибыли к Номонгану. На следующий день Адзума, надеясь поймать в ловушку монгольские части на восточной стороне реки Халха, начал маневр на окружение с двух направлений, во взаимодействии с маньчжурской кавалерийской частью (150 солдат), так же прибывшей из Хайлара. Атака началась в 13:00, но монгольские кавалеристы смогли ускользнуть из намечавшегося окружения, и отошли на западный берег реки Халха. Три эскадрильи японских самолетов произвели бомбардировку и

обстрел района, было повреждено около 20 монгольских юрт. Так как монголы отошли обратно на свою сторону границы, генерал-лейтенант Комацубара счел инцидент исчерпанным и приказал отряду Адзумы возвращаться в Хайлар^{xxx1}.

Японская кавалерия

Несколько дней спустя воздушная разведка и маньчжурские кавалеристы обнаружили, что около 60 монгольских солдат снова перешли реку Халха недалеко от места ее слияния с рекой Хольстен (Хайластын-Гол). 21 мая были обнаружены около 300-400 монгольских солдат при как минимум двух пушках и легких танках, укреплявшие оборонительные позиции и к северу и к югу от реки Хольстен. В тот же день генерал-лейтенант Комацубара приказал оперативной группе под командованием полковника Ямагата Такэмицу (командир 64-го пехотного полка 23-й дивизии) выдвинуться в район и уничтожить монгольский отряд. Оперативная группа была сформирована из 64-го пехотного полка (кроме двух батальонов), разведывательных подразделений дивизии под командованием подполковника Адзума, взвода радиосвязи, транспортного и медицинского подразделений.

Этим силам была поставлена задача найти и уничтожить нарушителей границы в каменистых пустынных степях вокруг Номонгана.

Местность

Землю в районе Номонгана покрывает слой тонкого песка, местами толщиной до 10 сантиметров (4 дюйма). Под этим песчаным слоем поверхность степи обычно достаточно твердая, чтобы позволять движение колесного транспорта. К югу от реки Хольстен встречаются эвкалиптовые деревья, но к северу растет только кустарник и иногда низкие (до метра в высоту) сосны. Немного разнообразия в пустынную местность добавляют дикие цветы и жесткая трава, но отсутствие естественных ориентиров и однообразие песчаных дюн затрудняют чтение карты. Пехотинцам было очень трудно находить хорошо определяемые ориентиры или сохранять правильное направление.

Вдоль восточной (японской) стороны реки Халха расположен район холмов на протяжении около сорока километров на север и юг и около пятидесяти километров на запад и восток. Высота над уровнем моря примерно 700 метров. Ландшафт представляет собой пустыню с характерными холмистыми дюнами высотой от двадцати до сорока метров с углублениями между ними от десяти до сорока метров. Эти особенности местности обеспечивают хорошую маскировку и укрытия для небольших подразделений пехоты, но представляют незначительное препятствие для бронетехники. Хотя дороги в регионе часто засыпаются зыбучим песком, в районе боевых действий местность не препятствует передвижению войск^{xxxii}. Западная (советская) сторона Халхи представляет собой пустынную равнину.

От деревни Номонган японские войска направились к Халхе по местности, имеющей форму котловины, в центре которой находилось слияние рек Халха и Хольстен. Река Хольстен не превышала в ширину три-четыре метра и не представляла собой препятствия для передвижения войск. Однако это был единственный источник питьевой воды в регионе. Болота, возникающие в результате внезапных наводнений, почти все соленые. В районе много родников, но большая их часть также загрязнена соленой водой.

Рекой, имеющей тактическое значение, является Халха. Это препятствие шириной от 100 до 150 метров с песчаным дном и скоростью течения до двух метров в секунду. По обеим сторонам от реки на 1-2 километра простирается полоса болотистой местности. Восточный (японский) берег пологий – 15-30 градусов, западный (советский) обрывистый - 75 градусов). В месте слияния Халхи и Хольстена, или там, где Халха была шириной до 60 метров, японцы предполагали, что солдаты смогут переходить реку вброд, но целым подразделениям будет трудно переправляться. Кроме того, западный берег Халхи был выше восточного, поэтому японские войска на восточной стороне реки были уязвимы для обстрела и наблюдения с противоположного берега.

Климат и интервалы температур в районе Номонгана так же суровы, как и ландшафт. С июня начинаются очень жаркие дни, но ночи при этом холодные, почти как зимой. В июле и августе температура днем достигает 30-40 градусов по Цельсию, но по ночам резко опускается до 17-18 градусов. На эти месяцы приходится так же пик сезона дождей, и сочетание промокшей от дождя формы и холодных ночей добавляло проблем солдатам. Днем людей терзали москиты, чей аппетит удивлял даже закаленных ветеранов, а по ночам шумели сверчки. По утрам обычно появлялись густые туманы, но южный или восточный ветер быстро рассеивал их. В июне световой день длился более шестнадцати часов, в июле пятнадцать с половиной, в августе 13-15 часов^{xxxiii}.

Примерно один час рассвета позволял японским пехотинцам полностью видеть близко расположенные цели, но на расстояниях от 700 до 1000 метров (средние расстояния, на которых обнаруживались вражеские пулеметы и легкая артиллерия) наблюдение было очень затруднено^{xxxiv}.

Неосвоенность региона оказывала сильное влияние на основную стратегию, материально-техническое обеспечение и выбор путей сообщения. Операции Японской Императорской Армии зависели от железных дорог, так как считалось общепринятым, что крупномасштабные операции с использованием нескольких дивизий не могут проводиться за пределами 200-километровой зоны от крупной базы снабжения, расположенной на железнодорожной линии. Номонган находился примерно в 200 км к югу от базы японской армии

в Хайларе, и в 750 км от ближайших советских операционных баз в Борзе (СССР) и Ондорхане (Монголия). Штабные офицеры Квантунской Армии, глядя на свои карты, предполагали, что крупномасштабные операции советских войск в районе Номонгана невозможны. Они считали, что огромные расстояния до ближайших советских конечных ж. д. станций не позволят Красной Армии сосредоточить значительные силы бронетехники, пехоты и артиллерии у Номонгана. Это, в свою очередь, означало, что советские войска в районе Номонгана могут быть представлены только 7-й бригадой пограничных войск. 23-я дивизия ожидала встретить только монгольские войска и слабые советские части. На основании этого предполагалось, что одной пехотной дивизии японской армии будет достаточно для успешного решения этого пограничного конфликта^{xxxv}.

4-й транспортный полк перевозит солдат по грунтовой дороге из Хандагая в Номонган, 2 июля 1939 г. От Номонгана к реке Халха грузовики двигались только по ночам и с выключенными фарами.

Дороги от японских конечных ж. д. станций шли к Номонгану с севера и юга. Северная дорога из Хайлара до Чаньчуньяо, района сосредоточения японских войск в десяти километрах к северо-востоку

от Номонгана, представляла собой неуллучшенную грунтовую дорогу, пригодную для движения колесного транспорта. Он была полностью открыта для воздушной разведки и ударов с воздуха. Другой путь, из Хайлара через Каньчжурмяо, также был грунтовым и уязвимым для ударов с воздуха. Кроме того, между Чаньчуньяо и Каньчжурмяо не было источников воды. На юге дорога протяженностью 65 км от конечной станции Хандагай до Чаньчуньяо с началом сезона дождей в конце июня превращалась в болото. Хотя мощение дороги бревнами позволяло грузовикам проехать, около 2/3 (примерно 40 км) дороги был подвержено затоплению, и дорога могла быстро превратиться в трясиину, в которой машины увязали по самые оси. Японская Императорская Армия использовала маршрут из Хайлара через Каньчжурмяо (последний использовался как промежуточный пункт и пункт сортировки)^{xxxvi}.

Солдаты отряда Ясуока вытаскивают увязший грузовик.

После того, как автоколонны снабжения достигали Чаньчунья, они могли двигаться дальше на юго-запад по так называемой Номонганской дороге, также грунтовой, но позволявшей движение грузовиков и танков. Дорога шла на юго-запад через Номонган и на север от реки Хольстен, к мосту Кавамата через реку Халха. К югу от реки Хольстен не было значительных дорог, хотя и с севера и с юга район пересекали многочисленные тропы. В это враждебный регион полковник Ямагата вел свой отряд.

Ямагата надеялся окружить силы противника, занимавшие восточный берег Халхи, которые он оценивал в несколько сотен советских пограничников и монгольских кавалеристов. Пока часть японских сил численностью до роты наносила отвлекающий удар с фронта, батальон 64-го полка должен был атаковать северный фланг советско-монгольских войск. Группа подполковника Адзумы, двигаясь параллельно отряду Ямагаты, должна была продвинуться впереди главных сил и заблокировать мост Кавамата – единственный путь отступления противника. Подполковник Адзума был так уверен, что вражеские солдаты запаникуют при появлении японцев, что не взял с собой 37-мм противотанковые пушки. Японцы ожидают встретить только легкую пехоту и кавалерию, но не танковые и моторизованные части Красной Армии.

Первое поражение японцев

К рассвету 28 мая группа Адзумы (220 солдат и офицеров) находилась примерно в двух километрах от цели, когда советские и монгольские пехотинцы в сопровождении десяти танков атаковали ее фланги. Обстреливать японцев начала и советская артиллерия с западного берега Халхи. У солдат Адзумы не было ни артиллерии, чтобы вести ответный огонь, ни даже шанцевого инструмента, чтобы окопаться, и им пришлось срочно копать неглубокие окопы в песке с помощью касок. Одновременно советские и монгольские войска атаковали батальон Ямагаты, не позволив ему прийти на помощь отряду Адзумы. К наступлению ночи у солдат Адзумы кончились боеприпасы. В довершение ко всему, почти все солдаты двух отделений подвоза боеприпасов из отряда Ямагаты, пытавшиеся под прикрытием темноты добраться до позиции Адзумы, были убиты.

29 мая 400 вражеских пехотинцев при поддержке 10 танков и артиллерии снова атаковали группу Адзумы. Подполковник Адзума, обнаружив, что его отряд оказался в окружении и потери продолжают расти, повел своих солдат в атаку в попытке прорвать окружение. Некоторым удалось вырваться, но самого Адзумы среди них не было – пуля советского пехотинца попала ему в сердце.

За два дня боя отряд Адзумы потерял 8 офицеров и 97 солдат убитыми и 1 офицера и 33 солдата ранеными, то есть потери составили 63%. На следующую ночь, 30 мая, японцы без помех со стороны противника подобрали тела своих убитых товарищей. Генерал-лейтенант Комацубара на основании полученных по радио донесений, приказал оперативной группе возвращаться в Хайлар^{xxxvii}.

Ожесточенность боя, казалось, застала японцев врасплох. Например, японские солдаты были удивлены, что в карманах убитых монголов не оказалось ни еды, ни сигарет, а были только патроны и ручные гранаты^{xxxviii}. Генерал-лейтенант Комацубара и штаб Квантунской Армии сочли, что бой завершился вничью, потому что полагали, что Номонганская пустыня не стоит дальнейшего пролития японской крови^{xxxix}. Однако участвовавшие в начале июня сообщения о советской и монгольской активности в районе Номонгана не позволяли игнорировать этот пустынный район. В середине июня японская разведка обнаружила наращивание советских и монгольских сил на обеих сторонах реки Халха. Кроме того, советские самолеты каждый производили разведывательные вылеты и прикрывали с воздуха советско-монгольские войска, производившие мелкомасштабные нападения на изолированные маньчжурские подразделения^{xl}. Сталкиваясь с такими все чаще повторявшимися инцидентами, генерал-лейтенант Комацубара, чья 23-я дивизия отвечала за оборону района, запросил разрешения у командования Квантунской Армии «выбить нарушителей»^{xli}.

Штаб дал разрешение на запрос Комацубары, главным образом потому, что штабные офицеры Квантунской Армии считали, что Советы понимают только силу. Так как первые действия 23-й дивизии не достигли успеха, в командование Комацубары были направлены два танковых полка (всего 73 танка и 19 броневых автомобилей) и 2-й батальон 28-го пехотного полка 7-й дивизии. Некоторые офицеры в штабе (например, майор Цудзи Масанобу) считали, что оперативное

управление силами и средствами в районе следует передать 7-й дивизии, элитному соединению Японской Императорской Армии в Маньчжурии. Сложность была в том, что передать дивизию из-под контроля Комацубары фактически означало отстранение его от командования – очень редкий случай в японской армии^{xlii}. Вместо этого, сохраняя командование всей 23-й дивизией, в поддержку которой были добавлены бронетанковые и артиллерийские части, Комацубара должен был получить достаточные силы для быстрой и решительной победы в короткой войне – *sokusen sokketsu*, в соответствии с идеями военных теоретиков Японской Императорской Армии.

Мобилизация 2-го батальона 28-го пехотного полка

2-й батальон 28-го пехотного полка, направленный на усиление 23-й дивизии, считался отличным подразделением. Его офицеры и солдаты происходили с северного Хоккайдо и южного Сахалина – регионов, которые, как считалось, давали армии упорных и хладнокровных бойцов. В июне 1939 г. когда батальон получил приказ направляться к Номонгану, он находился в Маньчжурии уже около 16 месяцев. Командир батальона майор Кадзикава Томидзи был выпускником Военного училища и мастером кэндо (фехтования). Также он был закаленным ветераном, в 1932 г. командовавшим 9-й ротой того же 2-го батальона 28-го пехотного полка в Северном Китае. Показателем степени напряженности боев в Китае является то, что из остальных офицеров батальона лишь четверо были выпускниками Военного Училища, шесть – выпускники краткосрочных школ для кандидатов в офицеры, а еще двенадцать были офицерами-резервистами, призванными на действительную службу^{xliii}. Большинство нижних чинов были солдатами первого года службы, проходившими подготовку и изучавшими славные традиции батальона, бравшие начало со времен Русско-Японской Войны.

Через пять минут после полуночи 20 июня солдаты 2-го батальона были разбужены в своих казармах в Цицикаре и получили срочный приказ на сосредоточение. Солдаты узнали, что будут служить силами прикрытия для бронетанковой тактической группы, направленной к Номонгану. Наутро они прибыли на железнодорожную станцию, где им

пришлось ждать отправления поезда еще около двух часов. Путь к Аршану был проделан без происшествий, некоторым оживлением стало только принятие офицерами мер по защите от воздушных налетов. До Аршана батальон добрался до полудня следующего дня и присоединился к тактической группе генерал-лейтенанта Ясуока (64-й пехотный полк, 3-й и 4-й танковые полки).

После получения информации об обстановке на фронте, все силы тактической группы под прикрытием темноты покинули Аршан в 2:20 23 июня. Хотя японская армия уже в некоторой степени была моторизована, значительной ее части по-прежнему приходилось пользоваться гужевым транспортом, полагаясь на вьючных животных для перевозки продовольствия, боеприпасов и буксировки артиллерийских орудий.

Сильные дожди в июне превратили дорогу на Хандагай в трясину, серьезно затруднив движение. Японский пехотинец нес на себе 65-фунтовый ранец, наполненный запасным бельем и обмундированием, пайками и инструментами. Кроме того, солдат нес 9,5-фунтовую винтовку, 60 обойм к ней, две ручных гранаты, флягу и противогаз^{xliv}. Пехотинцам, и так тяжело нагруженным, кроме того приходилось помогать вытаскивать из грязи увязающие автомобили и конские повозки.

Марш на 64 км под проливным дождем занял у 2-го батальона 24 часа. На марше ни один человек не отстал, хотя солдатам не разрешили обедать, потому что не ожидалось, что марш займет так много времени. После жалоб от солдат, офицеры разрешили им поесть галет, но это только вызвало жажду, и солдаты пили воду при каждой остановке.

Несмотря на долгий и тяжелый марш по грязи под холодным дождем, боевой дух японских солдат был исключительно высок^{xlv}. Шагая по грязи, они были уверены, что быстро разобьют Красную Армию.

Согласно исследованиям японских психологов, сделанным после боя, почти все японские солдаты в июне с нетерпением ждали боя с Красной Армией, но слабо представляли возможные последствия. Так как большинство японских солдат было невысокого мнения о Красной Армии, само присутствие у Номонгана частей Японской Императорской Армии означало для них, что успешное решение

инцидента уже почти достигнуто. Поэтому марш японских солдат к Номонгану больше напоминал маневры мирного времени, чем путь на войну. В частности, распространенным среди солдат было мнение, что, в отличие от разбитого отряда Ямагаты, «у нас достаточно артиллерии, поэтому ничего подобного случиться не должно»^{xlvi}. Такие заблуждения были результатом ментального багажа японского солдата, его представлений о его советских противниках и их ментальности.

Стереотипные представления японцев о советских солдатах

Впечатления японских офицеров о советских солдатах складывались под влиянием короткой секретной инструкции, озаглавленной «Как сражаться с большевиками», выпущенной в 1933 г. с официального разрешения начальника Генштаба Японской Императорской Армии принца Канин Котохито. Назначением этого 49-страничного документа было служить инструкцией для японских офицеров при планировании операций против Красной Армии. В первой главе, на которой и основывались все последующие рассуждения о тактике, анализировались характеристики советского народа и армии.

72-й пехотный полк 23-й дивизии на марше к Номонгану

Согласно инструкции, советские люди были послушными, покорными и склонными к слепому повиновению, а столкнувшись с слишком сильным давлением внешних обстоятельств, быстро впадали в уныние и отчаяние. Таким образом, советский солдат, так как ему были свойственны те же качества, что и всему народу, был вялым и апатичным, способным в лучшем случае лишь исполнять приказы, не проявляя никакой инициативы^{xlvii}. Недавние бои у Чжангуфэна/озера Хасан лишь продемонстрировали японским офицерам точность этих наблюдений^{xlviii}.

Японцы считали, что эти характерные черты советских людей являются причиной крупнейшего недостатка Красной Армии – неспособности советских подразделений наладить взаимодействие при окружениях или маневрах во фланг. В инструкции признавалось, что советский солдат может упорно оборонять позиции, но сильный удар по флангу советских войск, угрожающий их путям снабжения, способен привести их в беспорядок. Короче говоря, эта авторитетная инструкция предлагала извлекать преимущества из типичных недостатков советских солдат, чтобы нанести решительный удар, способный разгромить Красную Армию. Едва ли такие стереотипы могли развиваться независимо от тактической доктрины *sokusen sokketsu*. В инструкции «Как сражаться с большевиками» были соединены обе идеи, потому что молниеносный бой с Красной Армией, завершившийся решительной победой японских войск, должен был привести к слому морального духа советских солдат^{xlix}.

Таким образом, хотя японский пехотинец, готовившийся встретиться в бою с советскими солдатами, обладал высоким боевым духом, его непонимание и ошибочное представление о Красной Армии должны были обойтись ему очень дорого.

3. Июльские наступления Японской Императорской Армии

Обзор

Крупномасштабное сражение у Номонгана в июле и августе можно разделить на две фазы. Во время первой фазы (в течение июля) Японская Императорская Армия предприняла два крупных наступления, но не смогла выбить с позиций превосходящие силы советских войск. Потери в людях и технике в результате этих неудачных наступлений заставили японскую армию в конце июля перейти к обороне до конца кампании.

Руководствуясь рекомендациями офицеров штаба Квантунской Армии майора Цудзи Масанобу и подполковника Хаттори Такусиро, генерал-лейтенант Комацубара решил предпринять атаку с целью охвата фланга советских войск¹. Его главные силы (72-й и 73-й пехотные полки 23-й дивизии, 13-й артиллерийский полк, 23-й инженерный полк, 26-й пехотный полк 7-й дивизии в резерве) должны были разгромить советские войска в районе высоты 721, после чего перейти реку Халха и вести наступление в направлении моста Кавамата, уничтожая советские артиллерийские батареи и склады на западном берегу. Одновременно тактическая группа Ясуоки (64-й пехотный полк, 2-й батальон 28-го пехотного полка, 3-й и 4-й бронетанковые полки, 1-й отдельный полк полевой артиллерии, 24-й отдельный инженерный полк) атакует советские войска на восточном берегу Халхи, к северу от реки Хольстен. Соединившись, две японских тактических группы возьмут в клещи советские войска и уничтожат их. План отличался от предыдущего плана полковника Ямагаты в двух отношениях. Во-первых, японцы считали, что их движение во фланг заставит советские войска отойти с восточного берега Халхи. Во-вторых, японский маневр предусматривал нарушение международно признанной границы, которую сами японцы считали границей между Маньчжоу-Го и Монголией.

Северная японская тактическая группа захватила высоту 721 2 июля в соответствии с планом, и той же ночью переправилась через Халху. Японские войска добились успеха, заняв высоту Баин-Цаган, и

продвинулись на юг вдоль гряды холмов почти на 6 км. Однако дальше к югу наступающие японцы попали под сильный огонь превосходящей советской артиллерии, который велся с высоты Дунгар-Обо. Потом советские войска нанесли мощные контрудары с трех направлений, задействовав в бою более 450 танков и броневых автомобилей, вследствие чего японское наступление было остановлено. Тяжелые бои на западном берегу привели к большим потерям японцев в технике и личном составе и значительному расходу боеприпасов, резервы которых быстро истощались. Единственный понтонный мост, наведенный японцами через Халху, не справлялся с усилиями по подвозу снабжения, в котором нуждались подразделения японской армии, чтобы продолжать бой с полным напряжением сил^{li}. Оказавшись под угрозой окружения, японские войска отошли на восточный берег, завершив это отступление 5 июля. В течение тех же самых трех дней тактическая группа Ясуоки вела бои против столь же упорно сражавшихся советских войск на восточном берегу Халхи.

Генерал-лейтенант Ясуока Масаоми, командующий японскими войсками на восточной стороне реки Халха, получил задачу отбросить советские войска с восточного берега Халхи. Ясуока приказал 2-му батальону 28-го пехотного полка прикрывать правый фланг, а двум своим бронетанковым полкам поставил задачу преследовать противника, который, как считалось по ошибочным данным разведки^{lii}, уже отступал. Ясуока приказал срочно начать преследование. Он пожертвовал детальным планированием ради скорости. В процессе боя выяснилось, что он также пожертвовал взаимодействием между пехотой, артиллерией и бронетехникой.

Согласно японским принципам применения бронетанковых войск, танки были средством поддержки пехоты, предназначенным для уничтожения тяжелого оружия противника, разрушения препятствий и проволочных заграждений, и расчистки пути для наступающих пехотинцев^{liii}. В операциях по преследованию, японские танки должны были преследовать отступающего противника, с целью помешать его попыткам перегруппироваться. Но эта операция отличалась тем, что вследствие характера местности советская артиллерия, расположенная на высоком западном берегу Халхи, могла эффективно обстреливать (и легко наблюдать результаты стрельбы) японские танки, пытавшиеся подойти по котловинообразным склонам

к восточному берегу. Атака днем была бы губительна для танков, но ночью танки имели шанс прорвать позиции противника и достигнуть моста Кавамата. Однако темнота серьезно затруднила взаимодействие между наступающими японскими подразделениями, в особенности потому, что японцам не хватало средств радиосвязи, осветительных ракет и приборов наблюдения. Более того, танкисты имели лишь самые общие сведения о местонахождении противника, его силах и характере местности, которую им предстояло пересечь. Они ожидали, что преследование окажет «психологическое давление» на «отступающие» советские войска, и противник будет полностью дезорганизован^{liv}. Таким образом, ночью 2-3 июля началась неорганизованная ночная атака, для которой было характерно ведение боя отдельными подразделениями фактически независимо, результатом чего стала потеря почти половины японских танков.

Встречный бой

В предрассветной темноте 3 июля солдаты 2-го батальона 28-го пехотного полка готовились на рассвете тоже идти в атаку и прислушивались к огню артиллерии и стрелкового оружия, раздававшимся со стороны беспорядочного боя отряда Ясуоки. 2-й батальон выдвинулся из Чаньчуньяо на позиции на высоте 726 ночью 2 июля, имея приказ срочно догнать уже направленную в бой группу Ясуоки. Задачей батальона было прикрывать правый фланг главных сил Ясуоки и провести разведку боем позиций противника на восточном берегу Халхи. Крупномасштабных карт района Номонгана не было, поэтому разведка боем должна была также стать разведкой местности для будущих наступательных операций. Для защиты от советских танков штаб полка временно передал в распоряжение батальона батарею 37-мм противотанковых пушек. 3 июля в 6:00 2-й батальон 28-го полка, как записано в истории подразделения, «решительно намереваясь вступить в бой, направился на звуки выстрелов»^{iv}.

Батальон продвигался в соответствии с уставом. Стрелковые отделения, солдаты которых замаскировали себя ветвями кустарника, обеспечивали передовое и фланговое охранение, а главные силы – три стрелковых роты – продвигались так: две роты впереди, одна в резерве. На левом фланге 6-я рота под командованием капитана

Цудзи, усиленная двумя тяжелыми пулеметами, двигалась в юго-восточном направлении, а 5-я рота под командованием капитана Аояги, также усиленная двумя тяжелыми пулеметами, следовала параллельным курсом на правом фланге. Взвод 5-й роты прикрывал западный т. е. правый фланг наступления. 7-я рота старшего лейтенанта Сайто шла в арьергарде. Батальонная артиллерия и противотанковые пушки двигались вместе с передовыми ротами, готовые быстро вступить в бой и подавить огонь противника, если возникнет необходимость.

Когда неопытные пехотинцы осторожно продвигались по грядам холмов и тропам к реке Халха, они увидели, как японские истребители ведут бой с примерно двадцатью советскими самолетами, пытавшимися бомбить и обстреливать с малой высоты японские пехотные части. Когда один советский самолет упал и взорвался, остальные улетели за Халху. Воодушевленные успешным завершением первого воздушного боя, который они наблюдали, солдаты ускорили шаг и преодолели местность в районе холмов быстрее, несмотря на огонь единичных снайперов. Жаркое пустынное солнце и температура 34° C (94° F) доставляли больше проблем, чем советские войска.

Несмотря на удушающую жару, батальону приходилось двигаться быстро, потому что движение ночью по незнакомой местности серьезно задержало прибытие на исходный рубеж. Вследствие этого 2-й батальон смог подготовиться к атаке на несколько часов позже танков и выдвинулся в бой спустя 12 часов после того, как танки ушли вперед. Это отставание становилось все более значительным, потому что отряд Ясуоки рассчитывал на разведку боем предполагаемого левого фланга противника и обеспечение разведывательной информацией для проведения последующих операций. При отсутствии связи с 64-м пехотным полком, находившимся на правом фланге группы Ясуоки, 2-й батальон не смог предоставить командованию группы эту важную информацию в тот момент, когда главные силы Ясуоки более всего в ней нуждались^{lvi}.

Японские пехотинцы на поле у реки Халха.

Позже в этот же день, когда отдельные вражеские пулеметы и группы из 2-3 стрелков пытались задержать продвижение батальона, тяжелые пулеметы и 70-мм батальонные гаубицы разворачивались как на учениях и подавляли огонь противника, позволяя пехоте двигаться дальше. Офицеры предполагали, что это незначительное сопротивление, которое оказывали, вероятно, солдаты пулеметного батальона советской 9-й танковой бригады, связано с тем, что противник сосредотачивает всю свою артиллерию против 23-й дивизии, наступающей с севера.

После целого дня, проведенного в преследовании отдельных советских солдат, батальон занял ночные оборонительные позиции, все три роты сформировали оборонительный периметр в виде полукруга. Были поставлены палатки. Стрелковые отделения по флангам и в арьергарде обеспечивали охранение, а рота тяжелых пулеметов, батальонная артиллерия и штаб располагались в центре позиции. Согласно японским схемам ведения огня, предполагалось, что к ночи 3 июля 2-му батальону противостоят около двух рот советской пехоты при поддержке 5-6 танков.

После этого майор Кадзикава направил разведчиков на поиски отряда Ясуоки. Разведчики выполнили эту задачу и установили связь с 8-й ротой 64-го пехотного полка (правый фланг отряда Ясуоки). Таким образом, день 4 июля начался хорошо, и утром батальон, не встретив сопротивления противника, продвинулся еще на 1000 метров к югу от своих ночных позиций. Действиям батальона не помешало и внезапное появление советского истребителя, обстрелявшего японцев с малой высоты, когда они завтракали. Когда японские солдаты поднялись с земли и обнаружили, что никто не ранен, они стали шутить насчет плохо обученных советских пилотов, что еще больше подняло их боевой дух.

После полудня продвижение батальона продолжалось, стрелки и пулеметчики двух передовых японских рот при поддержке 70-мм гаубиц рассеяли отступавших советских пехотинцев. Солнце снова оказалось более серьезным врагом, чем советские солдаты. Японцам пришлось преодолевать обжигающую жару 40°C, жажду и усталость, но лишь немногие японские солдаты приняли участие в стычках с отступающими советскими арьергардами. В тот день японцы подобрали восемь трупов советских солдат и взяли одного пленного. Также они обнаружили пять разбитых грузовиков и одну 45-мм противотанковую пушку. Однако запасы воды подходили к концу – жара, пыль и напряженность марша и боевой операции усиливали жажду и опустошали фляги.

Советское сопротивление казалось исключительно слабым. Противник не проявлял намерения упорно сражаться. Майор Кадзикава и его адъютант старший лейтенант Муранака считали, что столь неэффективные действия противника являются результатом успешного наступления 23-й дивизии и отряда Ясуоки, которое, как предполагали японские офицеры, обнаружило слабые участки в обороне противника и дезорганизовало сопротивление советских войск. Чтобы усилить смятение в тылу противника, Кадзикава ночью направил диверсионные группы за линию фронта с целью уничтожения моста Кавамата – основного пути подвоза снабжения советских войск на восточном берегу Халхи.

Диверсионная команда состояла из двух групп, в каждой по три человека. Первую группу из двух солдат 5-й роты возглавил капитан Аояги, их ротный командир. Второй группой (двое солдат из 7-й роты)

командовал сержант Хираи. Поблизости от моста сержант Хираи заметил советский пулеметный взвод, а вторая группа обнаружила советские танки и бронев автомобили. Пройти к мосту через такую охрану не было возможности, и группа Хираи проползла в пятидесяти метрах от советской позиции и поставила две мины на дороге, ведущей к востоку от моста. Вскоре после этого по мосту проехали советские танки, направляясь на восток параллельными колоннами. Группа видела, как первый танк наехал на мину и взорвался. Проснулся советский пулеметный пост, открыв беспорядочный огонь в предрассветной темноте^{lvii}. Пользуясь темнотой, трое японцев укрылись в кустах на берегу реки и с помощью касок выкопали окоп достаточно большой, чтобы укрыться и замаскироваться листьями. Они провели там целый день, слыша, как советские патрули обыскивают район. На следующую ночь группа сержанта Хираи смогла вернуться к своим^{lviii}.

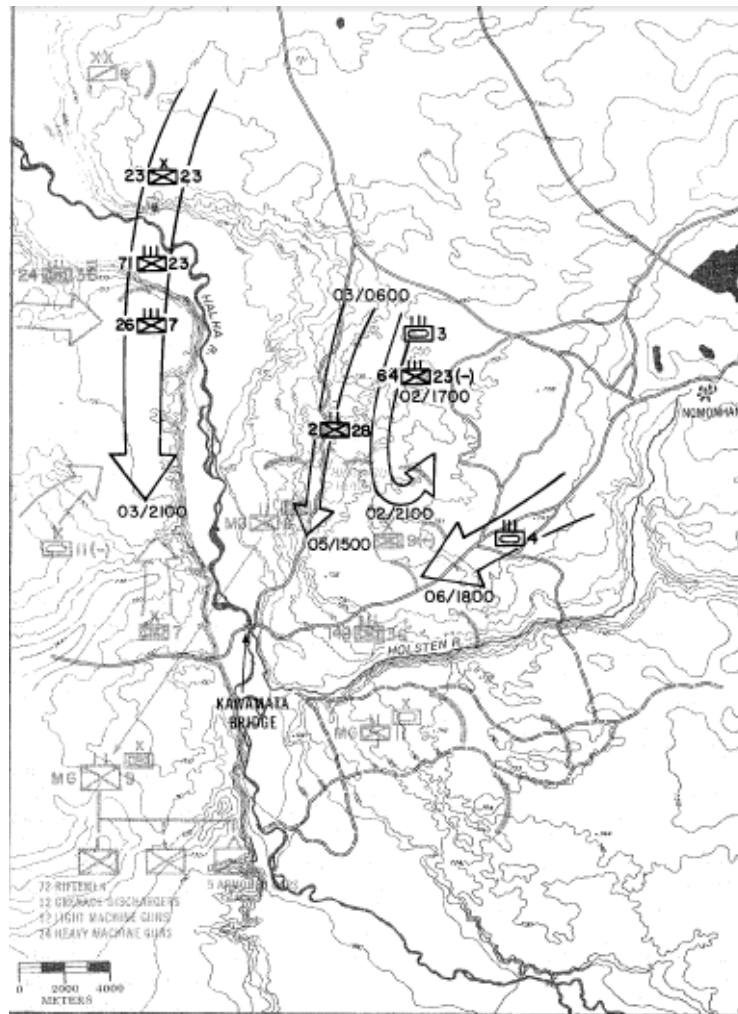
Тем временем другие разведывательные группы ночью 4-5 июля сообщили командиру 2-го батальона, что мост Кавамата, по-видимому, слабо защищен. Советские войска, очевидно, считали, что мост достаточно защищают проволочные заграждения, которые японцы прозвали «рояльными струнами». Эта тонкая, почти невидимая проволока лежала свернутой в траве или в углублениях в земле, и могла опутать ноги не заметившего ее пехотинца, или, если он полз, его плечи и торс. Хотя японцам приходилось сталкиваться с подобными заграждениями у Чжангүфэна почти год назад, они, похоже, так и не разработали адекватных контрмер, чтобы ускорить преодоление солдатами этих препятствий, способных причинить болезненные травмы.

На основании этих разведанных майор Кадзикава назначил атаку на предрассветное время 5 июля. В условиях плохой видимости из-за небольшого дождя на рассвете Кадзикава направил вперед свои 5-ю и 7-ю роты. По оценкам японских офицеров им противостояли до трех рот советских солдат при поддержке 15 танков. 7-я рота вскоре установила связь с подразделениями 64-го пехотного полка на своем левом фланге. Майор Кадзикава, верхом на коне для большей мобильности, принял прямое командование 7-й ротой, чтобы лично контролировать проведение атаки и поддерживать связь с 64-м полком.

Используя складки местности, песчаные дюны и низины для укрытия, 5-я и 7-я рота с применением тактики огня и маневра продвинулись примерно на 1500 метров. Стрелкам приходилось занимать ближайшие подходящие укрытия и оттуда вести огонь по вражеским огневым точкам, чтобы прижать огнем советские пулеметные расчеты и позволить другим японским солдатам продвигаться дальше.

После стычек двух предыдущих дней бой 5 июля оказался для японцев совсем другим. На этот раз советские войска сражались упорно и решительно. Когда 5-я рота попыталась обойти левый фланг противник примерно в 2000 метров к северу от моста Кавамата, на нее обрушился сильный артиллерийский огонь. Потом появились советские танки и начали из пушек и пулеметов обстреливать наступающих японцев. 7-я рота при поддержке тяжелых пулеметов, действуя на правом фланге советских войск смогла прорвать две линии обороны советских внешних позиций, но усиливавшийся огонь танков и артиллерии также наносил атакующим тяжелые потери.

Огонь советской артиллерии продолжал усиливаться, особенно артиллерии с высокого западного берега Халхи, обстреливавшей продольным огнем 2-й батальон по оси атаки. Обстрел был так силен, что отряд Ясуоки прекратил наступление и отошел на исходные позиции. 2-й батальон 28-го полка продолжал наступление, и ему удалось подойти примерно на 1800 метров к цели – мосту Кавамата, но к тому времени потери японцев, особенно от огня советской артиллерии, были высоки. Младший лейтенант Нисиномэ, командир 2-го взвода 6-й роты был убит пулеметным огнем, когда вел свой взвод в атаку на советскую траншею. Кроме того, люди были сильно измучены из-за тяжелой жары (34°C). Жара, яркое солнце и клубящаяся пыль и песок, поднятые разрывами снарядов, вызывали мучительную жажду, которую невозможно было утолить во время напряженного боя на истощение.

Map 10. Japanese offensive 3-5 July 1939.

Японское наступление 3-5 июля 1939 г.

5 июля, когда 2-й батальон испытал на себе всю силу советской обороны, противоречия между доктриной и реальностью поля боя стали очевидны. У Чжангунфэна японские пехотинцы прорывали слабо защищенные советские позиции, вытянутые в одну линию. У Номонгана же советская оборона состояла не из одной линии. Японцы наткнулись на эшелонированную оборону. Прорвать внешнюю линию не означало добиться успеха, потому что советские солдаты отходили на подготовленные позиции под прикрытием огня автоматического оружия по перекрывающим участкам. После этого советская артиллерия, пристрелянная по оставленным позициям, могла обстреливать занявших их японцев, увеличивая их потери.

После того, как японцы прорвали внешнюю оборону, сопротивление противника усилилось, советские войска получили подкрепления, вероятно, из 149-го мотострелкового полка 36-й мотострелковой дивизии. 15 советских танков контратаковали 5-ю роту, но батарея из

четырёх 37-мм пушек, включенная в состав 2-го батальона, стреляя с дальнего расстояния, добились попадания в один танк, который загорелся. Комбинация сильной жары, пожароопасного бензина и уязвимых двигателей на советских танках стала причиной больших потерь советских войск в танках на ранних стадиях боя. Остальные танки отошли, но советская артиллерия обстреливала японскую пехоту, не давая передышки. Отойдя из-под огня 37-мм пушек, танки стали обстреливать японских солдат из своих пушек и пулеметов, нанося новые потери.

Не менее серьезной проблемой оказался тот факт, что 2-й батальон расходовал боеприпасы так быстро, что они должны были скоро закончиться. Нормальный запас боеприпасов батальона, возимый гужевым транспортом, был рассчитан на пять дней. Но в этом бою у 2-го батальона оказался только половинный запас боеприпасов, потому что обозы задержались из-за сильной грязи на дорогах между Аршаном и Номонганом, и не успели подойти вовремя^{lix}.

Продовольствия и питьевой воды также оставалось мало. Советская контратака угрожала уничтожить слишком растянутые силы 2-го батальона. Адъютант батальонного командира писал: «Даже если бы мы еще смогли продвинуться вперед, в этом положении нам пришлось бы отбиваться от врага и с фронта и с обоих флангов^{lx}».

Чтобы сберечь бронебойные снаряды к 37-мм пушкам, двум батальонным 70-мм гаубицам было приказано открыть огонь по советским танкам, обстреливавшим японские позиции, но фугасные снаряды батальонных гаубиц на таком расстоянии были неэффективны против бронетехники. Наблюдая все это, пехотинцы 5-й и 7-й рот уже примкнули штыки – частично в ожидании штыкового боя, частично же потому, что из-за песка и пыли заклинило много винтовок и вышло из строя много легких пулеметов (примерно пятая часть^{lxi}).

Советские танки БТ не пытались снова атаковать, но остановились примерно в 1500 метрах от японских позиций, частично за естественными укрытиями, откуда были видны только их башни, и продолжали обстреливать японские передовые позиции. В сочетании с непрерывным огнем артиллерии это вызывало новые потери – японские солдаты падали один за другим убитыми или ранеными. Связь с 64-м пехотным полком была потеряна, и советская пехота

вновь угрожала обоим флангам батальона. Однако в 12:00 штаб отряда Ясуоки приказал батальону удерживать эти уязвимые позиции в течение оставшегося дня, и подготовиться ночью перейти на новые позиции. Уже в момент получения это приказа советские танки и пехота начали атаку под прикрытием мощного огневого вала.

Основной контрудар советских войск пришелся по 5-й роте, оборонявшейся на левом фланге батальона. Резервный взвод 6-й роты был направлен вперед, чтобы прикрыть незащищенный левый фланг 5-й роты, когда численно превосходящие силы вражеской пехоты (по японским оценкам более 500 человек) попытались обойти его. Двигаясь вместе с танками, прикрывавшими пехоту огнем, советские пехотинцы решительно атаковали японцев, которым пришлось поспешно окапываться под ураганным огнем. Используя низменности и другие естественные укрытия, советская пехота достигла японских позиций, но в ожесточенном ближнем бою японцы, сражавшиеся штыками, мечами и кулаками, не позволили противнику захватить позицию.

Пока 5-я и 7-я роты сражались с советской пехотой в раскаленных песках, советские танки снова начали атаку. Расчеты японских 37-мм пушек, отказавшись от требуемого командованием соблюдения принципа «один выстрел – одно попадание», расстреливали оставшиеся бронебойные снаряды так быстро, как только успевали перезаряжать. Сосредоточенный огонь четырех 37-мм пушек поджег два советских танка и подбил третий, который потерял ход. Это временно остановило танковую атаку. После этого несколько советских танков, искусно используя особенности местности для маскировки своего маневра, обошли японские позиции и оказались на левом фланге 7-й роты. Солдаты «отделения ближнего боя»^{lxii} 7-й роты попытались подобраться ближе к танкам и поджечь их коктейлями Молотова или подорвать минами, но были убиты пулеметным огнем. Советские танки атаковали открытый фланг. В этот момент появились несколько японских самолетов, который нанесли бомбовый удар по наступающим танкам. Эта неожиданная, но очень своевременная поддержка с воздуха предотвратила намечавшееся окружение 7-й роты. Танки повернули назад, за ними стала отходить к югу и советская пехота. 7-я рота удержала позиции, но лишь едва.

5-я рота, уже понесшая большие потери в ходе утренней атаки, продолжала вести неравный бой с советской пехотой и бронетехникой. Командир роты капитан Аояги, руководивший обороной, был убит. К противнику через Халху подходили новые подкрепления. Около 100 советских солдат при поддержке танков попытались обойти японский правый фланг, защищаемый одним взводом 6-й роты. Эта новая угроза, все увеличивавшееся неравенство сил и непрерывный огонь советской артиллерии поставили 5-ю роту под угрозу полного уничтожения.

Уцелевшие солдаты и офицеры 5-й роты должны были отступить. Собрав своих убитых и раненых, они начали отступление, прикрываемые огнем 37-мм пушек батальона, стрелявших фугасными снарядами, и тяжелых пулеметов. В 19:40 без преследования со стороны противника 6-я и 7-я роты тоже начали отходить, чтобы закрепиться на ночных оборонительных позициях в 300 метрах к северу от высоты 731. Батальон отошел на исходный рубеж, с которого начинал атаку 3 июля.

В 23:30 5 июля начался дождь. Японские солдаты собирали дождевую воду в каски, фляги, брезент от палаток и во все доступные емкости. Промокшая форма в холодном ночном воздухе была лишь одной из проблем, наряду с нехваткой продовольствия и боеприпасов, мучивших голодных и усталых солдат, тяжело переживавших поражение в бою. Противник иногда пускал осветительные ракеты или снаряды, освещавшие темный ландшафт, обгорелые корпуса танков, туши убитых животных и раздувшиеся трупы людей, покрытые мухами. В 1:30 6 июля майор Кадзикава обратился к своим солдатам, сказав, что выход из боя был тактическим маневром, необходимым для выполнения основной задачи (разведка боем). Он ободрил офицеров и солдат, призвав их не терять уверенности в победе, в славных традициях 28-го полка.

Такие ободряющие речи для поднятия боевого духа ожидалось от японских офицеров на поле боя. По мнению японцев, подразделение могло быть хорошим только под командованием хорошего офицера. Солдаты хорошо сражались потому, что ими хорошо командовали офицеры. Офицер был со своим подразделением все время, руководя им двадцать четыре часа в сутки и разделяя с солдатами все тяготы и опасности, и ожидалось, что офицеры будут поддерживать боевой дух

солдат на высоте. Хороший командир, как Кадзикава, по возможности информировал своих подчиненных об общем плане операции, по крайней мере, в той степени, как его понимал, учитывая плохое состояние связи в японской армии. Если бы у офицеров не было таких качеств, подразделение, не выдержав постоянной напряженности боя, быстро утратило бы боеспособность. Таким образом, командир был действительно сердцем подразделения^{lxiii}.

За эти три дня напряженных боев батальон хорошо проявил себя в противостоянии с Красной Армией. По японским оценкам около трехсот советских солдат было убито или ранено, уничтожено или повреждено четыре танка (утром разведчики обнаружили еще два подбитых советских танка), захвачено два тяжелых и три легких пулемета и более десятка винтовок. Доктрина и подготовка принесли свои плоды, и японская оценка того, как будут сражаться их советские противники, также казалась точной.

Например, советское командование использовало бронетехнику для непосредственной поддержки пехоты, как и говорилось в японском переводе советского устава 1936 г. – танки небольшими группами распределялись по ротам и вели наступление впереди пехоты, которая, в свою очередь, прикрывала танки. Также танки быстро маневрировали, чтобы уменьшить потери. Японцы ожидали, что советские танки будут вести в атаку пехоту, и именно так и было^{lxiv}. Советский артиллерийский огонь был очень силен, но японцам также было ранее известно, что основой Красной Армии является артиллерия^{lxv}. Советский солдат продемонстрировал упорство в обороне, но недостаток инициативы, подтвердив японские стереотипы об апатичной природе русских. Все же японцы понесли тяжелые потери, во многом, вероятно, являвшиеся результатом недостатков и промахов японского командования^{lxvi}.

Впоследствии, оценивая результаты боя, японские офицеры честно признали, что отсутствовало взаимодействие между полковой артиллерией и пехотными подразделениями полка^{lxvii}. Кроме того, отдельные подразделения в основном вели бой изолированно, без взаимной поддержки со стороны соседних подразделений. В случае 2-го батальона 28-го полка, как только батальон вступил в бой, он быстро потерял взаимодействие с 64-м полком на своем левом фланге и таким образом оказался уязвим для танковой атаки с этого

фланга, едва не завершившейся разгромом батальона. Нехватка современных средств связи означала, что у подразделений Кадзикавы просто не было быстрой и надежной возможности связаться с частями генерал-лейтенанта Ясуоки. Хотя батальонные связные проявляли большую храбрость под огнем противника, с одной лишь их помощью невозможно было обеспечить своевременное взаимодействие подразделений в быстро изменяющихся условиях боя.

Если системы командования и управления в японской армии проявили свою неэффективность в условиях современного общевойскового боя, то система тылового обеспечения оказалась неэффективной в еще большей степени. Половина табельного комплекта материальных средств 2-го батальона завязла на размокших дорогах к Номонгану. Служба тыла дивизии также не смогла в должной степени обеспечить подвоз снарядов полковой артиллерии в связи с неожиданно большим их расходом^{lxviii}. Солдатам, кроме того, пришлось страдать от голода, потому что продовольствие не было доставлено вовремя, и от дизентерии, вследствие питья грязной воды, потому что только такая вода была доступна. Наконец, их все время преследовал страх того, что боеприпасы к их стрелковому оружию тоже скоро закончатся.

Тактически советская артиллерия, расположенная на возвышенностях западного берега Халхи, сыграла еще более важную роль, потому что как только японская артиллерия на восточном берегу обнаруживала свою огневую позицию, она подвергалась мощному ответному огню советской артиллерии.

Несмотря на все это, штаб 23-й дивизии приказал возобновить наступательные операции на следующий день, 6 июля.

На решение продолжать наступление, вероятно, повлияли три фактора. Во-первых, разведка на нижестоящих уровнях действовала неудовлетворительно, что не позволяло штабу дивизии точно оценить обстановку на поле боя. Во-вторых, офицеры оперативного отдела штаба Квантунской Армии майор Цудзи и подполковник Хаттори настаивали на продолжении наступления, а оперативный отдел в вопросах планирования операций имел куда больше влияния, чем разведывательный отдел^{lxix}. И в-третьих, японцы полагали, что советские войска, особенно артиллерия, не смогут долго поддерживать ту же интенсивность огня, которая была характерна для начала боя.

На рассвете 6 июля батальон снова начал наступление с высоты 731 к югу, по направлению к мосту Кавамата. 7-я рота оставалась в резерве вместе с 37-мм пушками, 6-я рота возглавила наступление, фланги прикрывали уцелевшие солдаты 5-й роты. На японцев сразу же обрушился сильный и точный огонь вражеской артиллерии. Японцы сначала думали, что советские артиллеристы просто удачно угадали время, но потом заметили в небе советский самолет, очевидно, обнаруживавший цели для артиллерии. Это символизировало фундаментальные различия между двумя противостоявшими армиями. Японцы в выполнении боевых задач полагались почти исключительно на людей, Советы же в не меньшей степени полагались на машины, помогавшие людям выполнять задачи.

После продвижения примерно на 1000 метров, передовое отделение обнаружило, что советские войска укрепляют новые позиции на расстоянии около 2000 метров. С резервной позиции был протянут полевой телефон, и на этот раз 2-й батальон мог взаимодействовать с поддержкой своей незначительной артиллерии и роты тяжелых пулеметов, чтобы помешать работе противника. Однако усиленная советская оборона сделала дальнейшее наступление невозможным, фактически даже продвижение на первые 1000 метров было трудным^{lxx}.

Оставшуюся часть дня батальон занимал позиции на гряде холмов, с которых японские солдаты наблюдали за противником. Были предположения, что советские танки пытаются обойти фланг батальона, но в отсутствие связи с 64-м полком точных сведений никто не знал. Советская артиллерия и танки продолжали обстреливать позиции батальона. В сумерках две передовые роты стали окапываться на ночь.

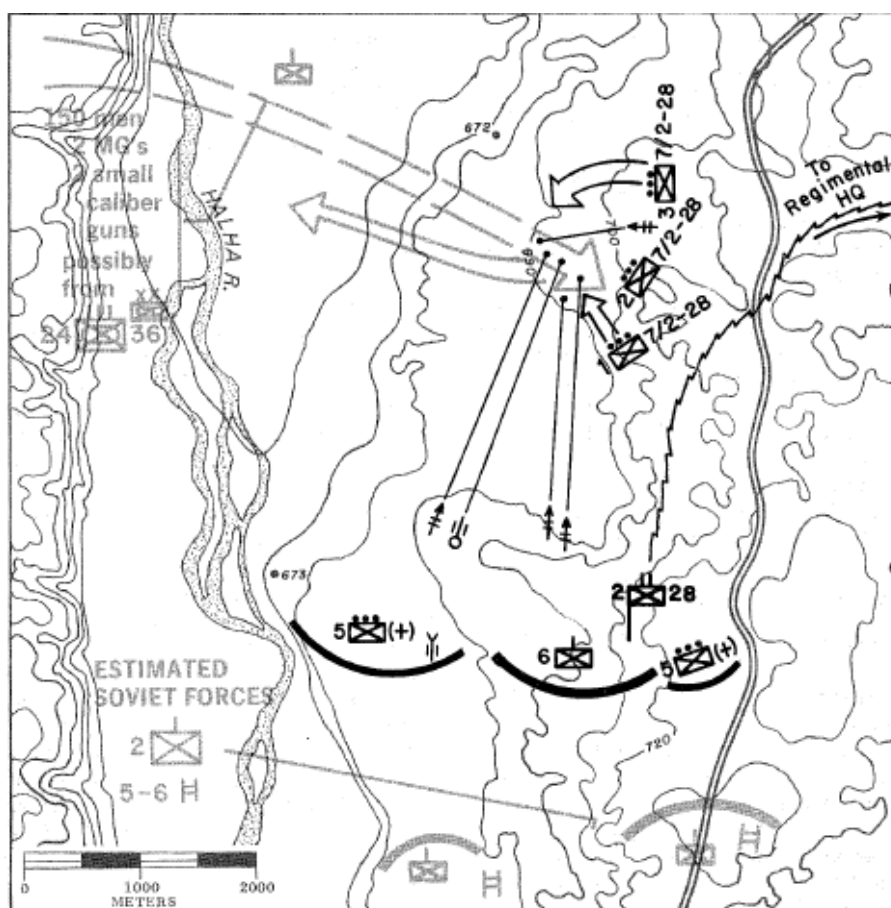
На следующий день, 7 июля, батальон Кадзикавы готовился возобновить наступление на советские позиции. День был жарким и сырым, после полудня аванпосты сообщили, что около 150 советских солдат с двумя пулеметами и двумя орудиями пытаются, форсировав Халху, подойти к позициям батальона. Старший лейтенант Сайто, командир 7-й роты, действовал быстро, направив свои 1-й и 2-й взводы обойти подходившую группу противника с тыла. 3-й взвод остался в качестве сил прикрытия.

Взводы 7-й роты искусно замаскировались от приближавшегося врага, а лейтенант Сайто по полевому телефону связался с ротой тяжелых пулеметов и батальонной артиллерией, чтобы перенацелить их на север, и вызвал их огонь на правый фланг советского отряда.

Ошеломленные внезапным огневым налетом, уничтожившим один их пулемет, советские солдаты рассеялись в поисках укрытий. Тем временем 1-й взвод под командованием сержанта Накахару, подошел вплотную к противнику, который был прижат огнем. Когда огневая поддержка закончилась, 1-й взвод атаковал дезорганизованного противника, застрелив и заколов штыками тех советских солдат, которые остались на месте, и обратив остальных в бегство. Командир 3-го взвода младший лейтенант Судзуки был убит советским снайпером, когда вел свой взвод отрезать противнику путь отступления. Японцы отомстили за убитого офицера, когда ротное отделение гранатометчиков под командованием сержанта Иваки обстреляло бегущего противника, довершив разгром советского отряда. У японских позиций осталось 102 трупа советских солдат, японцы захватили два орудия, два пулемета и двадцать винтовок.

Остаток дня батальон находился в боевой готовности, наблюдая за движением транспорта противника на западном берегу Халхи. Огонь советской артиллерии усиливался в течение дня, японские разведчики докладывали, что противник активно чинит проволочные заграждения на своих позициях. Кроме того, к советским войскам подходили подкрепления. Вскоре начался сильный дождь. После неудачной советской атаки японские патрули вели разведку у Халхи и сообщили, что уровень воды в реке поднимается, и пехоте (но не танкам) будет трудно переходить реку вброд. У высоты 673 было оставлено охранение на случай новых попыток противника перейти реку.

Примерно за полчаса до того, как был обнаружен советский отряд, пытавшийся подойти к японским позициям, майор Кадзикава приказал готовиться к атаке в сумерках, целью которой было захватить и удержать оба берега в месте слияния двух рек. Согласно показаниям советского пленного, взятого после полудня, советские войска готовились атаковать позиции 2-го батальона. Когда Кадзикава узнал о готовившейся советской атаке, он в 20:00 отдал новые приказы, отменив атаку и приказав использовать оставшееся до ночи время для укрепления ночных оборонительных позиций и рытья траншей и окопов^{lxxi}.

Map 11. 7th Company, 2/28th Infantry's destruction of attempted Soviet infiltration 7 July 1939.

Отражение 7-й ротой попытки просачивания советских войск на японские позиции 7 июля 1939 г.

Ночь прошла спокойно, хотя солдатам пришлось терпеть холодный дождь. Батальон оставался в боевой готовности до утра 8 июля. В 10:00 генерал-лейтенант Ясуока по телефону сообщил майору Кадзикаве, что противник отступает по мосту Кавамата, и приказал батальону энергично преследовать отступающего противника и отрезать ему путь отступления. Старший лейтенант Савада, командир взвода тяжелого оружия 5-й роты возглавил преследование со своим взводом и 6-й ротой. Огневую мощь для операции по преследованию обеспечивали два тяжелых пулемета, две 37-мм пушки и две 70-мм батальонных гаубицы.

В 11:00 Савада начал наступление, но обнаружил, что, вопреки сведениям генерала, противник не только не отступает, но и явно получил сильные подкрепления. Сообщение Савады только подтвердило личные наблюдения Кадзикавы. Оказавшись под сильным огнем вражеской артиллерии, Савада, продвинувшись примерно на 2000 метров, остановил дальнейшее продвижение и занял высоты Хиномару, выбив оттуда вражеское охранение^{lxxii}. По оценке японцев, батальону противостояли около 300 советских

солдат, пять танков и до десяти орудий, вероятно, эти силы относились к пулеметному батальону 149-го стрелкового полка, с которым японцы сражались на прошлой неделе.

Первая ночная атака и ответные действия советских войск

Укрывшись в поспешно вырытых окопах за песчаными дюнами и в складках местности, солдаты Савады после полудня переждали артиллерийский обстрел. Сам Савада считал эту позицию выгодной, потому что она находилась достаточно близко к противнику для проведения ночной атаки. Через связного он сообщил Кадзикаве о своих намерениях. Получив сведения об этих планах, майор Кадзикава, в свою очередь, решил провести ночную атаку силами всего батальона, чтобы отсечь фланг противника.

И снова динамика боя потребовала поспешной импровизации. В 22:30 охранение Савады сообщило о двух ротах пехоты противника, выдвигавшихся в темноте для атаки высот Хиномару. Солдаты Савады на исходных позициях сами готовились к ночной атаке, но им срочно пришлось отражать вражескую разведку боем. Савада расположил свой взвод тяжелого оружия 5-й роты и тяжелые пулеметы на гребне высот Хиномару, а 6-ю роту направил вниз по восточному склону, чтобы атаковать наступающего противника во фланг.

Поднимаясь по склону, советские солдаты открыли прикрывающий огонь из тяжелых и легких пулеметов и запустили осветительные ракеты, чтобы осветить путь. Японские стрелки и расчеты тяжелого оружия сразу же ответили еще более сильным огнем, нанеся потери ошеломленным атакующим, которые считали, что на их стороне тактическая внезапность. Пока советская атака на секунду остановилась, старший лейтенант Савада лично повел 6-ю роту в атаку на открытый правый фланг противника и быстро заставил его отступить в беспорядке.

Савада преследовал бегущих советских солдат до их позиций. Такой вид ночного боя полностью был в духе японской армии, и японцы преследовали советских солдат с большим энтузиазмом. Хотя в

последующих работах специалистов Японской Императорской Армии по тактике малых подразделений этот бой отмечался за смелую импровизацию и бесстрашный наступательный дух, сама ночная атака представляла собой беспорядочную рукопашную схватку в темноте под пулеметным огнем и вспышками советских осветительных ракет.

Солдаты 2-го батальона, многие из которых только начинали второй год службы и не успели завершить курс интенсивной подготовки по ночному бою, не смогли в полной мере использовать преимущества, которые предоставила им неудачная советская атака^{lxxiii}. Их трудности были характерными проблемами, с которыми приходилось сталкиваться всем японским пехотинцам в Номонганской кампании, или же являлись особенностями ночного боя. Умение ориентироваться на местности с очень малым количеством легко узнаваемых ориентиров было трудным делом. К тому времени когда 6-я рота достигла советских позиций, она сама была дезорганизована. Японским пехотинцам пришлось держаться плотными группами, чтобы не потеряться в темноте, но это сделало их уязвимыми для ручных гранат противника. К счастью для японцев, огонь советского стрелкового оружия по большей части шел мимо, но осколками гранат ранило многих^{lxxiv}.

После боя на разборе результатов выяснилось, что когда несколько неточно брошенных советских гранат падали поблизости от японцев, то японские солдаты прекращали продвижение вперед и залегали из-за ложного чувства защищенности. Огонь стрелкового оружия противника, хотя в основном не попадал в цель, имел схожий эффект. Некоторые японские солдаты проявили выдающуюся доблесть, как, например, сержант Ивакоси, лично заколовший штыком двенадцать вражеских солдат, прежде чем тринадцатый застрелил его. Саваде приходилось постоянно перегруппировывать своих солдат и указывать точное направление. Таким образом, обстановка требовала постоянного личного руководства командира.

В темноте вражеские окопы и ходы сообщения препятствовали любым попыткам взаимодействия и сосредоточенного маневра подразделения. Поспешно собранные отделения, оказавшись в советских окопах, снова были дезорганизованы. Некоторые солдаты получили вывихи и переломы конечностей, упав в темноте во вражеские траншеи. Кроме того, после этой атаки и захвата первой

линии советских окопов у солдат 6-й роты больше не было четких задач.

После боя психологи японской армии выделили четыре элемента боя, которые наибольшим образом воздействуют на моральный дух атакующих солдат: расстояние до цели, ясность для солдат поставленной задачи, внезапная смена задач и неожиданные потери в процессе их выполнения^{lxxv}. В случае с боем 6-й роты, после успешного нападения из засады на атакующих советских солдат рота внезапно получила новую задачу, но не было вполне ясно, что следует делать после занятия первой линии советских позиций. В ходе атаки японцы потеряли около трети своих солдат – достаточно высокие потери для любого боя. Эти факторы заставили более трезво относиться к результатам боя, в котором, по японским оценкам, было убито до 150 советских солдат.

С периметра главных сил Кадзикавы атака Савады была похожа на яркий фейерверк у советских позиций. Советские пулеметы стреляли трассирующими, из траншей пускали множество осветительных и сигнальных ракет. Глядя на зрелище разноцветных взрывов и сияния ракет, остальные силы батальона Кадзикавы выдвинулись для прикрытия правого фланга Савады. Около 3:00 9 июля уставшие бойцы Савады вернулись на высоты Хиномару. Они забрали с собой почти всех своих убитых (около 30 человек) и раненых.

Оставшиеся боеспособными солдаты 6-й роты (их осталось менее двух взводов) и обескровленный взвод 5-й роты под прикрытием батальонной артиллерии и тяжелых пулеметов окопались для обороны высот Хиномару. Тем временем майор Кадзикава, воспользовавшись темнотой и тем, что внимание противника было отвлечено атакой Савады, направил 7-ю роту и один взвод 5-й роты на 750 метров к югу, чтобы обеспечить оборону фланга высот Хиномару.

Советские войска, очевидно, уязвленные своими потерями предыдущей ночью, 9 июля провели сильную контратаку на позиции 2-го батальона. Около 300 советских пехотинцев при поддержке пяти танков атаковали японские позиции под прикрытием огневого вала. Они дошли до подножия высот Хиномару и выдвинули вперед тяжелые пулеметы для прикрытия стрелков, которые начали там окапываться. Пока рылись окопы, танки (каждый танк сопровождали 5-

6 пехотинцев, в том числе два снайпера) вели огонь по японским позициям^{lxxvi}. Только 7-я рота сумела не позволить атакующим на правом фланге подойти близко, остановив их в 700 метрах от своих позиций.

У подножия высот Хиномару, после завершения временных окопов, половина советских пехотинцев начала короткими бросками подниматься по склону высот, а остальные стрелки, пулеметчики и танки прикрывали их огнем. Подойдя на расстояние около тридцати метров к японским позициям, советские пехотинцы начали бросать гранаты, но в штыковой бой не шли. Снайперы противника, прятавшиеся за естественными укрытиями, также осыпали пулями японские траншеи, убивая неосторожных солдат. Японцы с помощью ручных гранат и еще более эффективных в этой ситуации гранатометов выбили противника из укрытий и отогнали вниз по склону. Но советские солдаты, перегруппировавшись, атаковали снова. Вероятно, Советы надеялись воспользоваться ослабленным состоянием противостоявших им японских подразделений, и поэтому повторяли атаки на высоты Хиномару несколько раз. Чтобы убедиться, что никто из советских солдат не уклоняется от исполнения долга, за их действиями наблюдали агенты ГПУ², расстреливавшие каждого, кто не выполнял приказ^{lxxvii}. К наступлению ночи на склонах высот осталось лежать около 100 убитых советских солдат и два сгоревших танка. Но японские защитники высот Хиномару были обескровлены и едва смогли сдержать советские атаки.

Перегруппировка

Еще раньше днем майор Кадзикава получил сообщение, что тактическая группа Ясуоки расформирована, и с этого времени Кадзикава действует под командованием полковника Суми Синитиро, командира 26-го полка 7-й дивизии^{lxxviii}, заменившего разбитые части Ясуоки на левом фланге 2-го батальона. Согласно приказу, разведчики 6-й роты после полудня установили связь с пулеметной ротой 1-го батальона 26-го пехотного полка.

Поражение отряда Ясуоки, частью которого был 2-й батальон, серьезно повлияло на планы японского командования на все

² Так в оригинале

оставшееся время боевых действий. Но в случае генерала Комацубары это влияние, возможно, было еще более пагубным. Глядя на поле боя, он видел усыпавшие его трупы людей и лошадей. Снаряды разрывались и свистели над головой, черный дым застилал все. Это напомнило Комацубаре картину пожара Москвы, которую он когда-то видел в музее, и он признался в своем дневнике: «Поле боя – место страданий»^{lxxix}. Хотя такое настроение едва ли ожидалось от генерала, оно вполне соответствовало атмосфере среди японских рядовых солдат, возникшей после поражения. К середине июля японцы уже не ждали с нетерпением новых боев с Красной Армией. Японские солдаты продолжают сражаться храбро и упорно, исполняя приказы, но их прежний оптимизм и уверенность, подобно танкам отряда Ясуоки, сгорели на песчаных дюнах^{lxxx}.

Весь жаркий пыльный день 10 июля советская артиллерия обстреливала позиции 2-го батальона. 6-я рота едва удержала высоты Хиномару, с помощью пулеметов, 37-мм пушек и 70-мм гаубиц сумев отбить несколько советских атак. Советские позиции представляли собой выступ, вклинившийся от моста Кавамата в позиции батальона. Если бы советские войска взяли высоты Хиномару, это создало бы разрыв в японской позиции, и 2-й батальон оказался бы прижат к берегу Халхи. Японцы должны были удержать высоты Хиномару против превосходящих сил советских войск – или отступить.

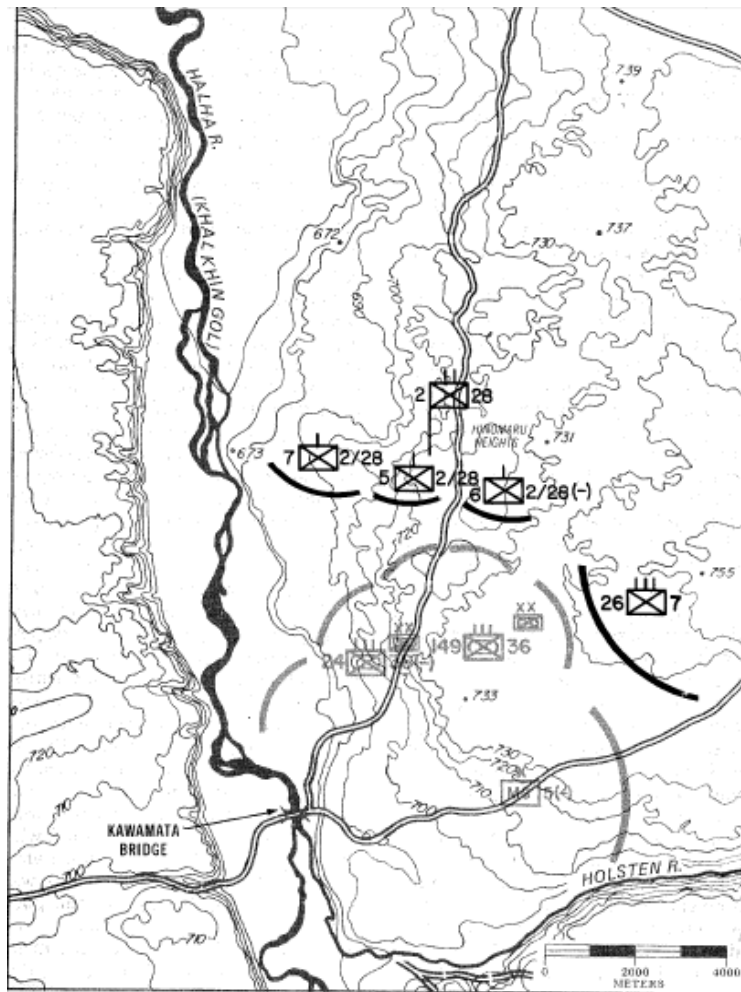
Чтобы улучшить позиции и обеспечить лучшую взаимную огневую поддержку, Кадзикава назначил на ночь 10 июля ночную атаку с целью отбросить советские войска, закрепившиеся поблизости от японских позиций. Скоординировав огневую поддержку с пулеметной ротой 1-го батальона 26-го полка, Кадзикава приказал продвинуться до линии около 2000 метров к северу от моста Кавамата. Под прикрытием темноты и дымовой завесы (из-за лунного света) правый фланг батальона (7-я рота) продвигался, не встречая сопротивления противника. Рота также смогла доставить подкрепления и боеприпасы обескровленным защитникам высот Хиномару. Чтобы преодолеть 700 метров понадобилось около двух часов.

К рассвету 11 июля подразделения батальона располагались на новых позициях следующим образом: 6-я рота с 37-мм пушками и тяжелыми пулеметами на правом фланге, 7-я рота с 37-мм пушками

на левом фланге, и один взвод 5-й роты обеспечивал прикрытие левого фланга. Остатки 5-й роты находились в 200 метрах в тылу, со штабом батальона.

Когда советские войска начали оборудовать свои пулеметные гнезда и окапываться перед японскими позициями, тяжелые пулеметы и артиллерия батальона открыли огонь, уничтожив один советский пулемет и рассеяв вражескую пехоту. Почти сразу же советская артиллерия начала сильный обстрел позиций батальона, но батальонные 70-мм гаубицы ответили эффективным контрбатареинным огнем, и советский обстрел вскоре прекратился. В течение дня советские танки и пехота проявляли активность перед позициями батальона, и советская артиллерия иногда возобновляла обстрел.

Ночью обе стороны работали над укреплением своих позиций. Японцы маскировали свои окопы брезентом и растениями. Следующим утром 12 июля с 9:00 советская артиллерия в течение часа обстреливала японские позиции. Артиллерия батальона снова отвечала огнем, хотя ее огневая мощь не могла сравниться с советской. Батальонные пулеметы вели огонь по советским орудиям (вероятно 45-мм пушкам), расположенным на передовых позициях вместе с советской пехотой. Около 10:00 обстрел прекратился, и остальную часть дня японцы устраняли повреждения, причиненные обстрелом и реорганизовывали оборону. После полудня 2-й взвод 5-й роты под командованием младшего лейтенанта Сано проводил разведку бродов через Халху у высоты 673.

Map 12. 2/28th Infantry's situation 10 July 1939.

Положение 2-го батальона на 10 июля 1939 г.

Они не обнаружили признаков активности противника, но сообщили, что из-за уровня воды 1,33 м пехоте будет трудно переправляться через реку, и у танков также могут возникнуть сложности. Ночью 12-13 июля батальон слегка улучшил свои позиции, главным образом, чтобы затруднить пристрелку вражеским артиллеристам.

С 9:00 артиллерия снова начала обстреливать японские позиции. Когда обстрел прекратился, пехотинцы с противостоящих высот вели перестрелку из стрелкового оружия с дальнего расстояния. Расстояние между советскими и японскими позициями варьировалось от 450 до 1000 м, и стрелки, вероятно, проводили огневую разведку, чтобы выяснить, отошел противник или нет.

В полдень майор Кадзикава встретился с полковником Суми и получил приказ занять новые позиции северо-восточнее поблизости от высоты 731, фактически это означало отход с высот Хиномару. Генерал-лейтенант Комацубара принял решение отступить после тяжелого боя

ночью 11 июля и ранним утром 12 июля. 64-й пехотный полк потерял 77 человек убитыми, 29 пропавшими без вести и 160 ранеными. Согласно Комацубаре, полк также утратил наступательный дух. Запись в дневнике генерала от 12 июля гласит: «Обстановка на поле боя не внушает оптимизма»^{lxxxii}.

Сильный дождь после полудня помог замаскировать приготовления батальона к смене позиций. В сумерках батальон открыл огонь по вражеским позициям, но ответного огня не последовало. Воспользовавшись этим затишьем, батальон покинул с таким трудом взятые и удержанные позиции вокруг высот Хиномару и ночью перешел на промежуточную позицию. Огонь вражеской артиллерии 14 июля серьезно затруднил любые передвижения днем, и поэтому батальону пришлось ждать за песчаными дюнами и другими естественными укрытиями наступления ночи, чтобы продолжить движение.

Потом батальонный посыльный, вернувшийся из штаба полка, доложил, что полковник Суми планирует ночную атаку на мост Кавамата, потому что японцы считали, что советские войска отступают на правый берег Халхи, а на левом берегу остались только небольшие силы арьергарда. Вероятно, это предположение возникло из-за случая с советским 603-м полком 12 июля. 603-й стрелковый полк 82-й стрелковой дивизии переправлялся тогда на восточный берег Халхи. Полк прибыл на фронт в начале июля, и это был его первый боевой опыт. Оказавшись под сильным огнем японской артиллерии, солдаты запаниковали, но командир и комиссар полка смогли восстановить порядок. Позже ночью 603-й полк был отведен в резерв на западную сторону Халхи, где проходил более основательную боевую подготовку.

Полковник Суми надеялся воспользоваться этим возникшим беспорядком, выдвинуться к Халхе и разгромить советские войска, еще остававшиеся на восточном берегу. Батальон Кадзикавы в качестве резерва 26-го полка должен был вернуться к высотам Хиномару и снова занять их^{lxxxiii}. Движение обратным путем было трудным, и к рассвету батальон еще не достиг своей цели. Майор Кадзикава направил разведчиков на разведку высот Хиномару, но они не вернулись^{lxxxiii}.

Солнце уже всходило, а разведчики все не возвращались, и Кадзикава приказал батальону двигаться к высотам Хиномару. Примерно час спустя отделение передового охранения встретило отступающих солдат полка Суми. Получив сведения, что, вопреки предыдущим сообщениям, советские войска не отступают, но напротив, усиленно укрепляются, Комацубара после совещания с офицерами штаба Квантунской Армии решил отменить атаку и дожидаться усиления своей тяжелой артиллерии, прежде чем возобновлять наступление. Полковник Суми отступал, чтобы улучшить и сократить свои позиции и пополнить силы и запасы снабжения для предстоящего наступления. Кадзикава понял, что его батальон подвергается серьезной опасности в случае советской контратаки оказаться отрезанным на высотах Хиномару, и просил отменить приказ на их занятие, что и было разрешено^{lxxxiv}.

Той ночью батальон расположился за песчаными дюнами между высотой 731 и высотами Хиномару, чтобы избежать внимания вражеских наблюдателей и артиллерийского огня. 15 июля батальон на рассвете провел разведку и к полудню располагался лагерем за песчаными дюнами к северо-востоку от высот Хиномару.

Японские солдаты с посылками от обществ помощи армии

Батальон оставался там и 16 июля, когда с колонной транспорта снабжения был доставлен приказ генерал-лейтенанта Комацубары об отведении батальона в резерв. Передышка обрадовала усталых и измученных солдат, но еще больше они обрадовались посылкам, присланным из Хайлара от гражданских организаций помощи армии. Мешки с посылками, содержащими разные полезные мелочи, такие как мыло, полотенца, туалетная бумага, зубные щетки, шоколад и сахар, распределялись по одному мешку на пять человек. Особенно удачливый солдат, открыв посылку, обнаруживал там эротические открытки и приглашение в увеселительное заведение в тылу^{lxxxv}.

Ночью 17 июля батальон перешел на новые позиции на высоте 731, завершив выдвижение к утру 18 июля. Следующие два дня солдаты укрепляли высоту, страдая от частых обстрелов советской артиллерии. Потом пришел приказ из штаба дивизии отвести батальон в резерв для предстоящего наступления. Утром 20 июля солдаты 2-го батальона прибыли к штабу 23-й дивизии усталые и промокшие после ночного марша под сильным дождем с бурей. Батальон оставался в резерве с 20 до 27 июля, на весь период японского наступления, начавшегося 23 июля.

4. Тупик и битва на истощение

Высоты 742 и 754

64-й и 72-й пехотные полки стали авангардом японского наступления на советские оборонительные позиции у моста Кавамата, которое началось 23 июля. Для поддержки этого наступления были задействованы дополнительные артиллерийские части, прибывшие из Японии, и подразделения артиллерийской школы в Хайларе – таким образом японское командование пыталось подавить советские войска массированным артиллерийским обстрелом. 23 июля японские орудия выпустили по противнику 15000 снарядов, но советская артиллерия ответила еще более мощным заградительным и контрбатарейным огнем^{lxxxvi}. С 23 по 25 июля японская артиллерия израсходовала половину двойного десятидневного запаса боеприпасов, и неспособность восполнять расходуемые боеприпасы стала главной причиной отмены общего наступления 25 июля^{lxxxvii}.

После неудачной попытки выбить советские войска с восточного берега Халхи, генерал-лейтенант Комацубара приказал своим войскам окапываться. Он планировал сначала отразить ожидаемую советскую атаку, а потом снова контратаковать и разгромить деморализованного противника. 72-й и 64-й пехотные полки закрепились на позициях около двух километров к северу от высоты 733 и к югу от реки Хольстен. Эта местность возвышалась над восточным берегом Халхи к северу от Хольстена и позволяла японцам наблюдать за передвижением советских войск в этом районе.

Чтобы защитить открытый южный фланг 72-го и 64-го полков, Комацубара приказал 71-му пехотному полку полковника Нагано Эйдзо занять высоты Норо, господствовавшие над районом к югу от реки Хольстен. Потом Комацубара решил, что дополнительные японские силы должны занять и укрепить господствующие высоты к югу от высот Норо, в частности, высоты 754 и 742.

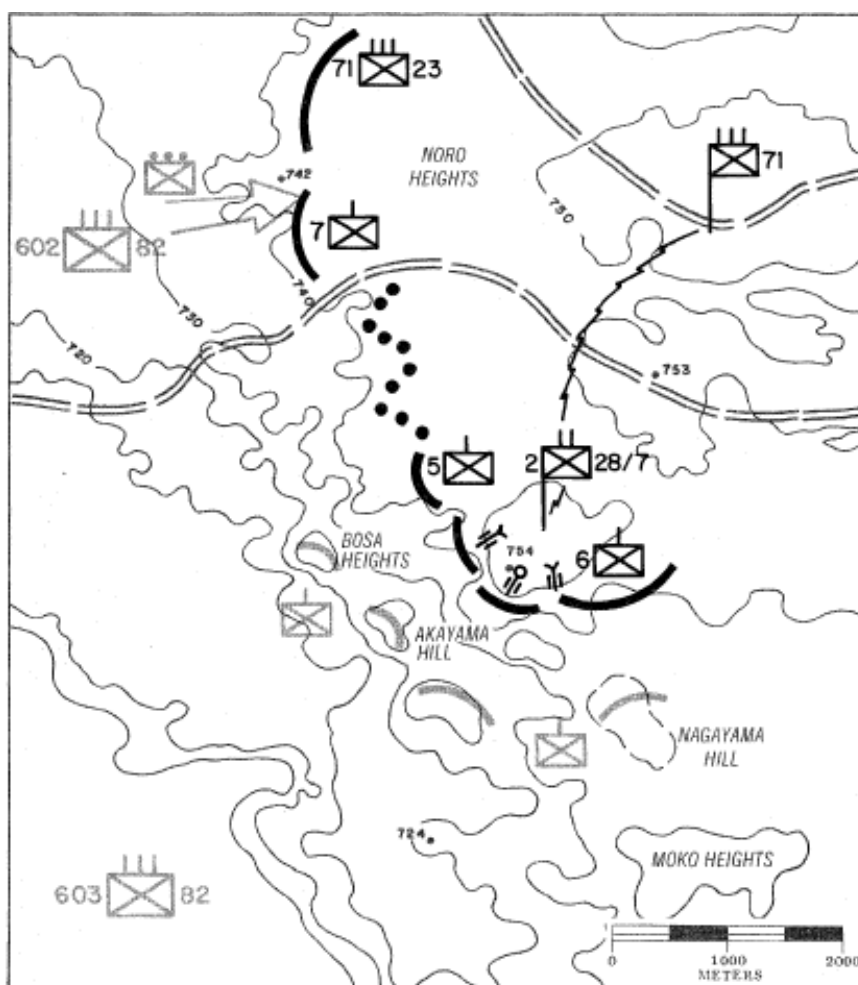
После безуспешной попытки наступления штаб 23-й дивизии приказал батальону Кадзикавы (в обескровленную 5-ю роту которого прибыли пополнения – 40 солдат) укрепить левый фланг отряда Нагано (71-й пехотный полк, 1-й батальон, 13-й полк полевой артиллерии), оборонявшего высоты Норо и район вокруг высоты 742. 28 июля батальон на грузовиках через Номонган и далее по дороге Хонмацу был доставлен на расстояние 2500 м к цели. Выгрузившись из грузовиков на раскаленный песок, батальон занял позиции на восточном (обратном) склоне высот для защиты от вражеского огня.

Разведчики провели разведку вражеских позиций и местности, которую батальон должен был защищать. Также была установлена связь с отрядом Нагано. Когда разведчики доложили майору Кадзикаве, что полковник Нагано хочет передислоцировать батальон, батальонные офицеры перевели солдат на исходный рубеж ближе к новым позициям. Кадзикава решил подождать наступления сумерек и вечером солдаты батальона, двигаясь бегом, быстро перешли на новые позиции. Эта тактика была использована, чтобы ввести противника в заблуждение насчет сил батальона и уменьшить потери от артиллерийского огня. Несколько снарядов упали среди бегущих солдат, но потерь не было. Добравшись до новой позиции, солдаты быстро оборудовали командный пункт батальона и сомкнутые позиции для круговой обороны. Спустя три часа, уже в полной темноте, прибыли три грузовика, доставив продовольствие, воду и боеприпасы.

Примерно в это время советские пехотинцы, вероятно, из недавно сформированной (июнь 1939 г.) 82-й стрелковой дивизии атаковали правый фланг отряда Нагано, и солдаты Кадзикавы ясно слышали звуки боя. 7-я рота у высоты 742 действительно помогала частям отряда Нагано отражать атаку. Тем временем, по оценкам офицеров 5-й и 6-й рот около 200 солдат противника проявляли активность в 250 метрах от японских позиций вокруг высоты 754 (примерно в 2000 м от высоты 742). Эти советские солдаты, вероятно, также были из 82-й дивизии.

Однако в остальном остаток ночи прошел без происшествий. Связисты проложили кабель полевого телефона внутри дуги, которую образовывали позиции 5-й и 6-й рот, и между штабом батальона и штабом отряда Нагано. По оценкам японцев, им здесь противостояли

около 300 советских солдат при поддержке четырех тяжелых пулеметов, четырех полевых пушек, двух танков и двух гаубиц.

ESTIMATED SOVIET FORCES

200 - 300 Infantry

2

14 - 15

Map 13. 2/28th Infantry redeployment south of the Holsten River 28 July 1939.

Передислокация 2-го батальона к югу от реки Хольстен 28 июля 1939 г.

После наступления дня 29 июля батальон реорганизовывал оборону и укреплял новые позиции. Легкие пулеметы противника обстреливали гряду холмов вокруг высоты 754, артиллерийские батареи обменивались выстрелами – каждая сторона прощупывала силы другой. Следующий день 30 июля был жарким и сырым, но работа по укреплению позиций продолжалась. Солдаты работали, пытались найти хоть немного дерева, чтобы укрепить окопы и траншеи, вырытые в осыпающемся песке. Днем советская артиллерия обстреливала 5-ю и 6-ю роты примерно в течение часа, и вечером 2-й взвод 7-й роты младшего лейтенанта Такасимы на высоте 742 также

подвергся артиллерийскому обстрелу. Потери, по данным японцев, были незначительными.

Высота 742 была связующим звеном японской обороны к югу от реки Хольстен. И майор Кадзикава, и полковник Нагано понимали, что этот ключевой участок следует оборонять любой ценой. Но даже при сильно укрепленных позициях, ширина участка, который должен был защищать 2-й батальон, составляла более 4000 м, примерно вдвое больше предписываемой уставом. Опасные незащищенные участки, которые советские войска могли использовать для просачивания и изоляции японских узлов сопротивления, серьезно снижали общую эффективность японской обороны. Три роты, и так обескровленные потерями, пришлось бы растянуть до предела, чтобы прикрыть все бреши в обороне. Вместо того чтобы так растягивать силы, Кадзикава и подполковник Адзума, исполняющий обязанности командира подразделений 71-го пехотного полка к северу от высоты 742, пришли к решению разделить между своими силами защиту ключевых позиций, по одной роте на батальон, занимающий высоту 742. В дневные часы японцы намеревались использовать свои огневые средства, чтобы прикрывать разрывы между позициями, а ночью их должны были прикрывать небольшие патрули. Это импровизированное решение было целесообразным и соответствующим обстоятельствам, потому что, как отмечено в журнале боевых действий батальона «нам не хватало солдат, чтобы выполнять эту задачу так тщательно, как хотелось бы»^{lxxxviii}.

Первый день августа начался ясным и жарким. Солдаты, обливаясь потом, копали укрепления под обжигающим солнцем. Были выкопаны блиндажи в рост человека, со стенами, укрепленными пустыми ящиками из-под боеприпасов и крышами, сделанными из досок, которые тоже были изготовлены из пустых ящиков. Позже днем начал дуть сильный северо-западный ветер, предвещающий наступление осени^{lxxxix}. Солдаты утешались тем, что примерно через пару недель погода должна стать прохладнее.

Японские солдаты, наблюдавшие в бинокли за пространством между своими позициями и рекой Халха к востоку и югу, не замечали перемен в расположении советских войск. Днем обе стороны вели артиллерийский огонь, но крупных боев не происходило. Ночью 1-2 августа около 50 вражеских пехотинцев попытались подойти к высоте

742. Пока одна группа обеспечивала огневое прикрытие из винтовок и автоматического оружия, около 30 советских солдат, бросая ручные гранаты, атаковали взвод младшего лейтенанта Такасимы. Бойцы Такасимы ответили своими ручными гранатами и огнем легких пулеметов и гранатометов, не позволив противнику подойти к своим траншеям. Японцы смогли отогнать атакующего противника. По японским данным были убиты около тридцати советских солдат, свои же потери японцы описали как «незначительные», используя эвфемизм, который в последующие несколько недель им предстоит повторить еще много раз.

Советское командование также поняло, что высота 742 является ключевым пунктом японской обороны. На следующий день 2 августа вражеские попытки разведки боем все время держали в напряжении взвод Такасимы. Младший лейтенант Такасима запросил поддержку 70-мм батальонных гаубиц, чтобы подавить беспокоящий и иногда наносящий потери огонь советского стрелкового оружия и пулеметов, но Советы ответили мощным контрбатареинным огнем. Японские потери снова были описаны как «незначительные»^{xc}.

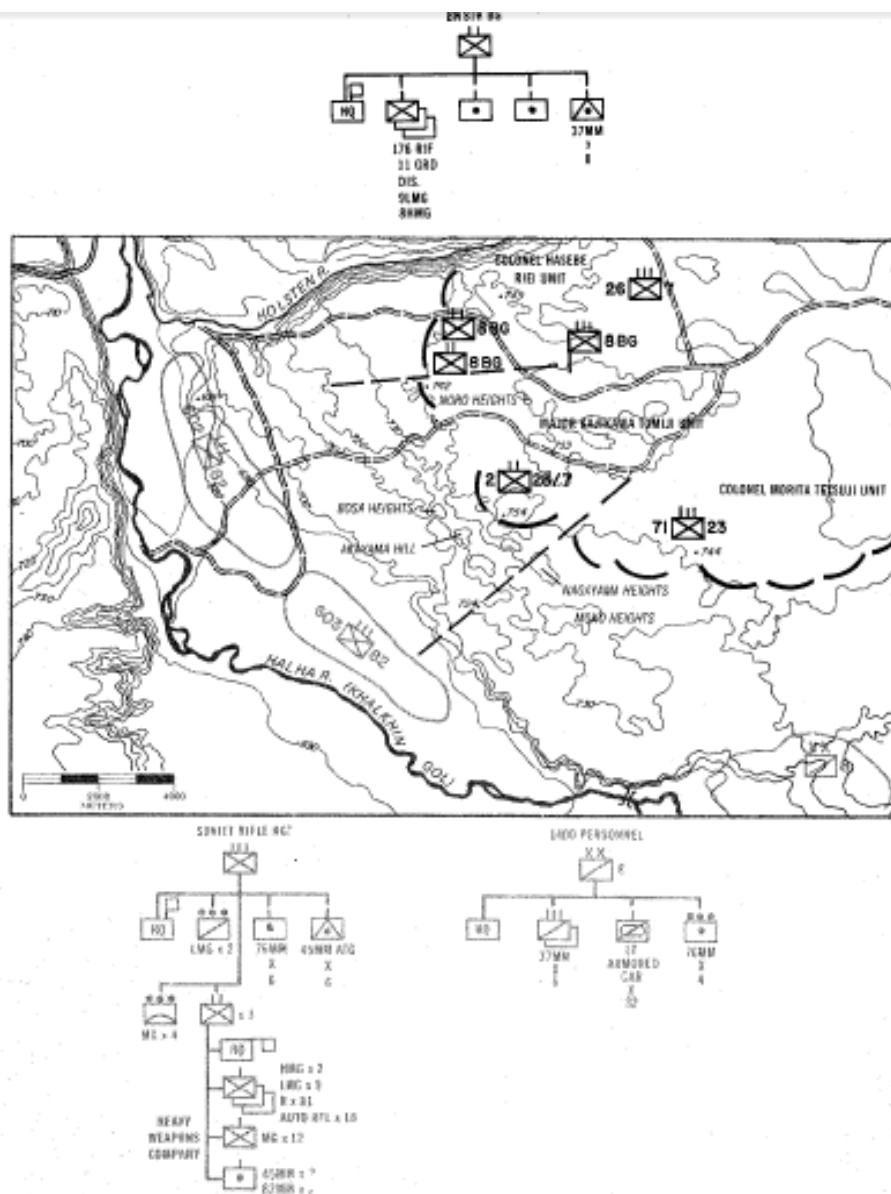
Это стало для японцев смертельной повседневностью. Каждый день советская артиллерия выпускала почти 2000 снарядов, японцы о таком расходе боеприпасов не могли и мечтать^{xcⁱ}. В начале августа противник начал использовать железные снаряды, вероятно, потому, что из-за слишком активного использования артиллерии расход снарядов превзошел даже советские производственные возможности^{xcⁱⁱ}. Не пытаясь сравниться с расточительным применением советской артиллерии японские артиллерийские командиры просили командиров полков и батальонов быть более экономными с боеприпасами. Тем не менее, пехотные офицеры на фронте говорили командиру Квантунской Армии генералу Уэде (когда он посетил фронт 29 июня), что больше всего они хотели бы, чтобы их артиллерия была значительно усилена и в должной мере обеспечена боеприпасами^{xcⁱⁱⁱ}. Что более важно, Красная Армия смогла втянуть японцев в затяжной бой на истощение, который японская армия не могла выиграть. Пока японская пехота не использовала свою наступательную доктрину, а рыла траншеи для статичной обороны, Советы выигрывали битву у Номонгана.

В следующие два дня, 3-4 августа, 2-й батальон 28-го полка продолжал укреплять свои оборонительные позиции, и рыл ходы сообщения между позициями 5-й и 6-й рот и высотой 742. 4 августа советская пехота снова попыталась провести разведку боем высоты 742, но взвод Такасимы использовал гранатометы, чтобы прикрыть мертвые пространства, и отбил атаку. В тот же день командир батальона получил приказ, что батальон теперь находится в оперативном подчинении отряда Хасебе, сектор обороны которого тянулся от высоты 742 на север до реки Хольстен. Батальонные связисты проложили телефонный кабель от штаба батальона на высоте 754 до штаба отряда Хасебе северо-восточнее высоты 742. Кроме того, после полудня санитарные команды кремировали убитых японских солдат на погребальных кострах, дым от которых закрывал небо.

Тем временем советские войска также активно окапывались, готовясь к продолжительным боевым действиям. 5 августа они начали укреплять высоты Моко, примерно в 1200 м от левого фланга 2-го батальона. Японские 70-мм батальонные гаубицы своим огнем временно прервали их работу, но после наступления темноты советские солдаты вернулись и закончили сооружение укреплений. Майор Кадзикава, приняв во внимание новую угрозу, направил один взвод 5-й роты в резерв, а один взвод 6-й роты использовал для укрепления своего левого фланга. Хотя японцы пока не обнаруживали значительных перемен в обстановке на советской стороне, противник был очень активен, и, казалось, «что-то замышлял»^{xciv}.

Данные разведки, вероятно, из перехваченных советских сообщений радиосвязи, подтверждали эти подозрения. Согласно этим сведениям, советские войска планировали крупномасштабное наступление, чтобы отметить первую годовщину боев у Чжангугфэна/озера Хасан. Поэтому весь день 6 августа японцы провели в напряжении, ожидая на позициях в боевой готовности.

День начался странно. Не было привычного воя снарядов советской артиллерии. В чистом небе не было вражеских самолетов. Японские колонны транспорта снабжения свободно передвигались днем, подвозя столь необходимое продовольствие и боеприпасы. Но для солдат на позициях эта тишина была тревожной^{xcv}.

Map 14. General situation south of the Holsten River early August 1939.

Общая обстановка к югу от реки Хольстен, начало августа 1939 г.

Советская тактика

Тревога солдат была оправдана, потому что Советы действительно «что-то замыслили». В 4:00 7 августа советская артиллерия начала мощную бомбардировку позиций отряда Хасебе, за которой последовала сильная атака советской пехоты. Хотя 2-й батальон напрямую не участвовал в ее отражении, майор Кадзикава направил резервный взвод на укрепление правого фланга на высоте 742. Когда советские осветительные снаряды повисли над японскими окопами, советская пехота бросилась вперед на позиции отряда Хасебе, добавив свои крики к шуму боя, который слышали солдаты 2-го

батальона. Однако с рассветом советские войска внезапно прекратили атаку.

В течение дня советские пехотинцы провели несколько попыток разведки боем против взвода 7-й роты на высоте 742. Кадзикава и его адъютант решили, что эти нападения должны служить прикрытием для крупномасштабной атаки на позиции 5-й и 6-й рот^{xcvi}.

В 18:30 7 августа основные позиции 2-го батальона вокруг высоты 754 подверглись мощному артиллерийскому обстрелу. Следующие два часа советская полевая артиллерия, танковые пушки и 45-мм легкие орудия методично разрушали японскую оборону. Для измученных японских пехотинцев, в ужасе прятавшихся в окопах, этот обстрел казался бесконечным. Прямые попадания снарядов уничтожали пулеметные гнезда и окопы стрелков. После первых нескольких минут сильнейшего обстрела, окопы, вырытые в песке и не укрепленные досками, стали осыпаться даже от близких разрывов, засыпая прятавшихся в них солдат. Те оглушенные солдаты, которым повезло выбраться из-под осыпавшегося песка, были вынуждены или бежать под обстрелом к другому окопу, или заново выкапывать неглубокое убежище в песке и надеяться, что рядом больше не будут падать снаряды. Советские 45-мм пушки вели точный огонь фугасными снарядами, уничтожая замаскированные брезентом японские пулеметные гнезда, которые уже не могли использоваться при отражении последующей атаки советской пехоты. Потери японцев могли бы быть еще выше, но около 20% советских снарядов не разрывались, и песок уменьшал взрывное и шрапнельное действие. Были случаи, когда японские солдаты выживали и даже не были ранены после взрыва снаряда в нескольких метрах^{xcvii}.

В 20:30 противник перенес артиллерийский огонь за первую линию японской обороны, используя обстрел, чтобы не позволить японским подкреплениям подойти к сильно пострадавшим защитникам первой линии. После этого около 500 советских пехотинцев и 5 танков начали продвижение к позициям 5-й и 6-й рот. Когда над высотой 754 поднялась сигнальная ракета, советские танки открыли прикрывающий огонь, а пехота подошла на 40 м к японским позициям, и начала бросать ручные гранаты^{xcviii}. Японцы все еще пытались починить разрушенные траншеи, и эта работа уменьшила число солдат, участвовавших в отражении атаки. Кроме того, большинство

японских легких пулеметов были разбиты обстрелом или загрязнены песком. Японским солдатам приходилось ждать, пока советские пехотинцы покажутся из укрытий, или выбивать их с помощью гранатометов. Первая советская атака, которая фактически являлась разведкой боем, была отражена.

После этого советские войска нанесли главный удар, проводившийся силами около трех пехотных рот. Поднявшись по склонам высот, и снова остановившись примерно в сорока метрах от японских позиций, советские пехотинцы начали бросать ручные гранаты в японские траншеи на гребне высот. Ошеломленные постоянными взрывами и, казалось, бесконечным запасом гранат у советской пехоты, японцы отбивались как могли, пытаясь с помощью гранатометов выбить противника из мертвых пространств перед японскими позициями. Противник, очевидно, научился уважать это оружие, потому что японцы видели, как некоторые советские пехотинцы бросали оружие и бежали, только услышав выстрелы гранатометов. Противник перед позициями 5-й роты не проявлял намерения подходить ближе к японским траншеям, и бой с обеих сторон велся только гранатами. Такое нежелание переходить в штыковой бой было, по мнению японских пехотинцев, характерно для их советских противников.

Но солдаты 1-го взвода 6-й роты в тот момент так не считали. На том участке советские пехотинцы ворвались в японские траншеи, и начался ожесточенный ближний бой, позиция несколько раз переходила из рук в руки. Если противника выбивали с позиции, советские солдаты переходили в атаку снова, отбрасывая контратакующих японцев. Каждый советский солдат, казалось, выполнял назначенную ему работу, не проявляя инициативы, даже если ситуация требовала ее^{xcix}. Численное превосходство и упорство советских войск, заметное на примере многократных атак этой позиции, истощало силы японских защитников. Наконец командир 6-й роты связался с батальонной артиллерией, и 70-мм гаубицы открыли огонь почти в упор по атакующей советской пехоте. Артиллерийский обстрел наконец заставил советские войска прекратить атаку и отступить. У позиций 6-й роты осталось около 60 трупов вражеских солдат. Однако противник не паниковал. Советские пехотинцы отступали в порядке, под прикрытием огня своей артиллерии и автоматического оружия, и забрали с поля боя своих раненых, которых, по японским оценкам было около трехсот человек.

Бойцы обескровленных 5-й и 6-й рот пытались перегруппироваться и реорганизовать оборону. Японская полковая артиллерия во время советской атаки не стреляла, возможно, потому что это был первый раз, когда японцы подверглись массированному фронтальному удару советских войск с использованием тактики общевойскового боя^c. Выжившие солдаты батальона знали, что постоянные атаки советских войск истощают их боеспособность.

Майор Кадзикава, ожидавший следующей советской атаки, весь батальон держал в боевой готовности. Разведчики из 5-й и 6-й рот поползли к советским окопам, чтобы разведать позиции противника и его приготовления к новой атаке, но обнаружили, что советские войска отошли на 500 м. Очевидно, противник боялся японской ночной контратаки и на время своей перегруппировки хотел увеличить дистанцию между собой и японцами.

Примерно в то же время рота советской пехоты атаковала позиции 7-й роты к югу от высоты 742, но эта атака была отражена с потерями для противника. В ретроспективе эта атака могла быть диверсией, чтобы прикрыть проникновение группы артиллерийских корректировщиков, подкрепленной стрелками для защиты. Старший лейтенант Сайто, командир 7-й роты, первым обнаружил корректировщиков и доложил об их продвижении в штаб, направивший один взвод на подкрепление 7-й роты.

Оборона позиции

Далее к югу 5-я и 6-я роты все же смогли собраться с силами и реорганизовать оборону, несмотря на снайперский огонь противника. «Между 9:00 и 16:00 противник периодически вел артиллерийский огонь». За этой простой записью в журнале боевых действий батальона скрывается страшная реальность Номонгана. После недели напряженных боев, постоянно находясь под обстрелом, японцы были истощены. У личного состава стала проявляться апатия, все, о чем могли думать солдаты – возможность поесть чистого риса и запить его чистой водой. Фактически батальону приходилось собирать дождевую воду в бочки из-под горючего и каски, но со времени передислокации на высоты Норо дождь был только один день. Солдаты, страдая от жажды, искали хоть какую-то воду и пили из

застойных луж, в связи с чем появились случаи амёбной дизентерии. Два батальонных врача не справлялись с количеством раненых, а больным могли уделять внимание только в самых тяжелых случаях. Тридцать или более случаев кровавого поноса в день не всегда считались достаточной причиной для отправки в тыловой госпиталь. Стали появляться даже случаи тифа. Из-за постоянных обстрелов советской артиллерии больные японские солдаты могли справлять нужду только в окопах, усиливая зловоние, и так невыносимое из-за гниющих раздувшихся трупов, лежавших вокруг. Огонь советской артиллерии был таким смертоносным, что японские солдаты были вынуждены жить под землей, как кроты, а офицеры запрещали разводить костры, опасаясь, что это может выдать японские позиции. Иногда доходило до того, что солдаты ели траву^{ci}.

И все же 2-й батальон 28-го полка сохранял единство как подразделение и продолжал оборонять позицию. Солдаты продолжали исполнять приказы и даже в таком измученном и истощенном состоянии сохраняли достаточно высокий боевой дух. И офицеры и нижние чины обладали сильным чувством единства и корпоративного духа, потому что по японской системе призыва части от полка и меньше комплектовались по возможности из жителей одного города или деревни, что обеспечивало дополнительную общность внутри батальона или роты. Таким образом, солдаты были земляками и соседями в мирной жизни, и на военной службе они заботились друг о друге и разделяли тяготы и победы^{cii}.

Дополнительно обеспечивали единство подразделения командир и младшие офицеры. И хотя батальон каждый день обстреливала советская артиллерия, и приходилось наблюдать, как советские солдаты нагло купаются в Халхе, в то время как у японцев не хватало питьевой воды, бойцы батальона видели, что японские подразделения на обоих флангах удерживают позиции, и знали, что их батальон является частью общего плана обороны.

В этой обстановке тяжелых лишений главными событиями стали подвоз снабжения и пополнений. 8 августа восемь солдат под командованием старшего лейтенанта, направленные из другого батальона того же 28-го полка, прибыли на позиции 2-го батальона. После этого несколько особенно тяжело больных стало возможно отправить в тыл. Но доставка снабжения и пополнений под

постоянным наблюдением с советской стороны была смертельно опасным делом.

В основном снабжение и пополнения доставлялись ночью. Пехотинцы из пополнений шли на позиции, уже зная, что надо соблюдать тишину, обозным извозчикам также было приказано поддерживать тишину. Но на плохих дорогах, ведущих к позициям батальона, испуганные чем-либо лошади (большая часть грузов к линии фронта доставлялась на гужевых повозках и вьючных животных) могли встать на дыбы и заржать, обнаружив тем самым колонну транспорта, и привлечь огонь советской артиллерии. Эти колонны транспорта снабжения, работавшие в темноте, выполняли свои жизненно важные для войск задачи в неизвестности, и несли потери без помпы. К концу боев у Номонгана было убито и ранено до четверти солдат тыловых служб.

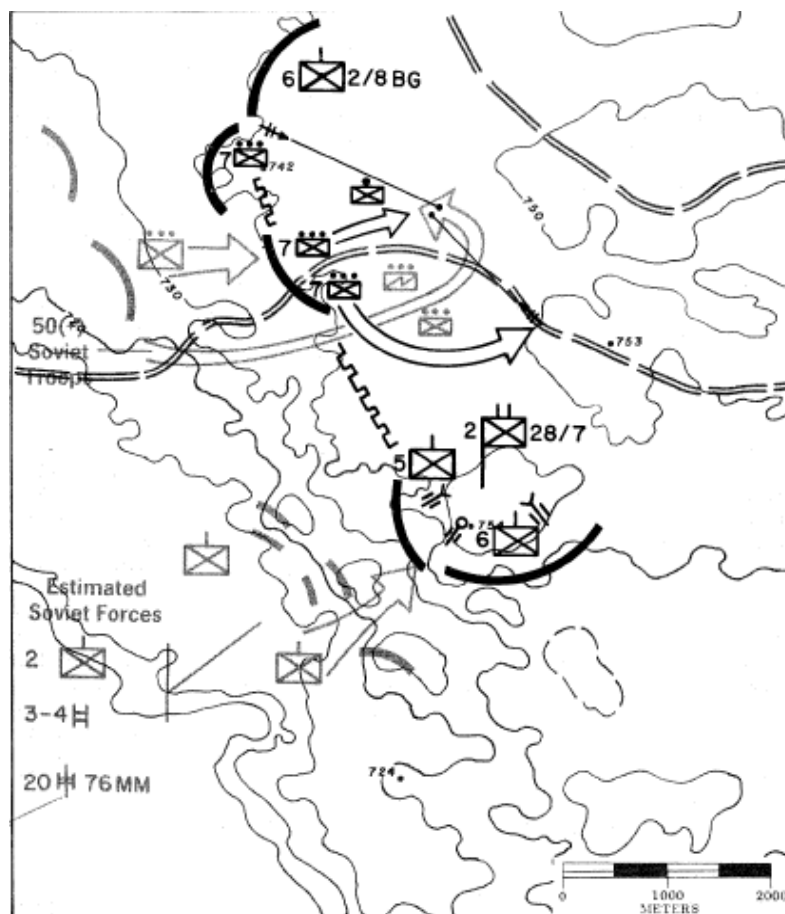
Боевой дух подразделения оставался высоким, в японском понимании это было прежде всего благодаря умелому командованию батальонных офицеров. Кроме того, японцы могли наносить урон врагу и даже причинять больше вреда, чем терпели сами. В тот день после полудня патрули 5-й роты отогнали около 15 вражеских солдат, проводивших разведку японской обороны. Более того, японцы были способны наносить советским войскам сильные удары. 7-я рота провела такую операцию 8 августа.

Разведчики 7-й роты следили за группой советских солдат, пытавшихся подобраться к японским позициям и обнаруженных старшим лейтенантом Сайто. Вероятно, это была группа артиллерийских наблюдателей и прикрывавшие их пехотинцы численностью до взвода. В предрассветной темноте офицеры быстро направили своих уставших солдат на окружение советской группы. Один японский тяжелый пулемет на высоте 742 был повернут на запад и наведен на северный советский фланг, а другой пулемет в 800 м далее был наведен на открытый советский южный фланг. Соседний батальон подполковника Сугитани^{ciii} обеспечивал огневую поддержку с позиций, а один взвод 7-й роты вышел на исходную позицию к югу от песчаных дюн, за которыми укрылись – как они считали, надежно – советские солдаты.

Советские наблюдатели поняли, что что-то пошло не так, когда японские пулеметы начали осыпать пулями их позиции с обоих флангов. Батальонная артиллерия открыла по тесно скучившемуся

противнику огонь фугасными снарядами. Огонь прекратился только когда японские солдаты атаковали советскую позицию и прикончили выживших мечами и штыками. После боя японцы насчитали более пятидесяти убитых советских солдат, был взят только один пленный. Хотя в журнале боевых действий сказано, что советские солдаты сражались до последнего, более вероятно, что 7-я рота в этот раз сводила старые счета.

Обыскав место боя, японцы нашли двадцать винтовок, три ручных пулемета, одну снайперскую винтовку, и около двадцати различных элементов полевого телефонного оборудования, в связи с чем можно предположить, что более трети советских солдат могли быть безоружны или являлись не боевыми пехотинцами, а связистами. Тем не менее, все они были убиты.

Map 15. Annihilation of Soviet infiltration attempt 8 August 1939.

Отражение попытки просачивания советских войск 8 августа 1939 г.

Отличительными чертами этой операции были скорость и внезапность действий японцев. Японцы считали это доказательством верности своей наступательной доктрины и образцового наступательного духа солдат и младших командиров. Этот бой стал считаться классическим

примером предотвращения тактики просачивания на широком фронте^{civ}.

Обе стороны истощили свои силы, и день 9 августа прошел в относительном затишье. Советские войска продолжали активно укреплять позиции на высотах Моко и получали новые подкрепления. На высоте 754 японские офицеры, осматривавшие местность в бинокли, заметили, что Советы передвинули значительные силы к югу, на позиции против 71-го пехотного полка полковника Мориты. Это был крайний левый фланг всех японских позиций к югу от реки Хольстен.

В сумерках на позиции батальона прибыли 200 солдат пополнения, восполнившие потери, понесенные в боях и от болезней. Пока новоприбывшие обменивались новостями и слухами с усталыми ветеранами, батальонный штаб распределял пополнения и формировал резерв батальона. Кроме относительно мирного дня и пополнений пошел дождь, обеспечив дополнительную питьевую воду. В ту ночь боевой дух батальона был единодушно высоким.

10 августа советская артиллерия снова проявляла активность, но не с прежней интенсивностью. Это был беспокоящий огонь, который действительно сильно отравлял жизнь японцам. Относительное затишье также дало время решить в более высоких штабах вопрос о новой дислокации 2-го батальона.

3-й взвод 5-й роты был назначен в общий резерв отряда Хасебе и таким образом вышел из-под командования майора Кадзикавы. У высоты 742 взвод младшего лейтенанта Такасимы вместе с подразделениями батальона Сугитани пытались укрепить свою оборону на этой важной высоте. Разделение секторов ответственности между двумя батальонами к северу от высоты 742 оказывало пагубное влияние на японскую систему обороны в целом, потому что ни у одного командира подразделения не было полномочий отменить приказы другого. Пытаясь исправить ситуацию, полковник Хасебе приказал обоим батальонам координировать свои планы артиллерийской поддержки, расчистить полосы обстрела для взаимной поддержки огнем при обороне и разработать комплексный план огневой поддержки, включавший поддержку противотанковой, батальонной и полковой артиллерии. После тяжелого опыта боя 7 августа было направлено больше усилий на строительство полевых

укреплений. Рабочие команды были отправлены в Чаньчуньяо для рубки деревьев и заготовки бревен, необходимых для укрепления траншей.

Хорошая погода 11 августа подняла настроение солдат, но командование быстро испортило его, приказав присоединенной к батальону роте противотанковых 37-мм пушек вернуться в распоряжение 71-го полка. Эта утрата единственного эффективного противотанкового оружия была серьезна сама по себе, но манера, в которой были отданы приказы, должно быть, заставила пехотинцев задуматься, понимает ли кто-нибудь в штабе реальную обстановку на фронте.

Майор Кадзикава неохотно приказал расчетам 37-мм пушек готовиться возвращаться в свой полк той же ночью. Из штаба полка позвонили снова и передали приказ, который в истории подразделения описан как «злополучный». Приказ требовал, чтобы 37-мм пушки были возвращены как можно скорее. Кадзикава понимал, что если советские наблюдатели обнаружат движение пушек днем, позиции его батальона подвергнутся артиллерийскому обстрелу. Его опасения подтвердились, когда советская артиллерия начала обстреливать расчеты 37-мм пушек, пытавшиеся прицепить орудия к лошадям для перевозки. Так важнейшее оружие оборонявшихся было отнято у них собственным командованием.

Были и другие причины для тревоги. Вражеские 45-мм пушки, недавно установленные на высотах Моко, заявляли о своем присутствии периодическими обстрелами южного фланга батальона до наступления ночи. На северном фланге 2-й взвод 7-й роты отразил очередную попытку противника провести разведку боем на высоте 742. Японские потери в этом бою снова описаны как «незначительные». Эти слова «незначительные потери» с середины августа встречаются все чаще и чаще.

В цифрах слово «незначительные» могло означать потери в 3-4%. Несомненно, такие потери не являлись большими, но, как заметил один из штабных офицеров после боя, в ходе еще одного месяца такой войны на истощение, все японские силы могут быть уничтожены^{CV}. Анализ боевых потерь показал, что более половины убитых и раненых японских солдат (51% и 53% соответственно) были жертвами артиллерийского огня. Год назад у Чжангуфэна/озера Хасан

примерно 37% потерь японцев были результатом действий советской артиллерии^{сvi}.

Постоянные обстрелы не только наносили потери японцам, обескровливая их силы. Обстрелы и разведки боем также помогали отвлечь внимание японцев, заглушали звуки передвижения советских войск, совершавшихся исключительно ночью. Почти каждый день советские патрули прощупывали японскую оборону, пытаясь найти слабые места. Например, 13 августа отделение из 15 вражеских пехотинцев подошло на 50 м к позициям 6-й роты, но огонь гранатометов отогнал советских солдат. Ночью произошла еще одна подобная попытка. У высоты 742 противник также был активен, там 2-й взвод 7-й роты отогнал около десятка советских разведчиков. Эти беспокоящие рейды противника подчеркивали, с какими трудностями пришлось столкнуться ослабленной роте, пытавшейся оборонять километровый участок фронта^{сvii}.

13 августа было пасмурно. Сильный северо-западный ветер засыпал песком окопы и дул в лицо, из-за чего почти невозможно было что-либо разглядеть. Потом пошел дождь, что обеспечило японцам питьевую воду. Полковая артиллерия в течение дня стреляла по предполагаемым советским позициям. Тяжелые пулеметы 2-го батальона пытались помешать движению во вражеских ходах сообщения, но без особого успеха. Также японцы вели огонь по советским позициям в то время когда, как предполагалось, советские солдаты должны были обедать. Прерванный обед должен был стать мстью за прерванный сон. И каждый день еще 3-4 процента японских солдат становились потерями в этой войне на истощение.

Ранним дождливым утром 14 августа советская артиллерия начала обстреливать позиции батальона, тщательно и в почти неторопливой манере. Участок за участком, окаймляющий заградительный огонь обрабатывал японские позиции. Пехотинцы, прятавшиеся в окопах, и расчеты пулеметов в неукрепленных убежищах могли только ждать, пока обстрел не пройдет и не будет перенесен на другой участок.

Хотя майор Кадзикава и ротные командиры пока не видели значительных изменений на позициях противника, они заметили активное движение советских грузовиков на западном берегу Халхи и – более зловещий признак – передвижение войск противника к югу от левого фланга батальона. Эта активность могла быть частью

советских мер по введению японцев в заблуждение, чтобы японские солдаты привыкли к шуму двигавшихся танков и частому движению машин на советской стороне. С этой целью примерно за десять дней до советского наступления множество советских грузовиков без глушителей ездили по всему фронту^{cviii}.

Следующим утром 15 августа в туман и дождь противник впервые использовал против 2-го батальона минометы. В 10:00 минометные снаряды начали падать на позиции 6-й и 7-й рот – советские расчеты пристреливали свое оружие. Гранатометы 6-й роты ответили на огонь и временно заставили замолчать минометы, но около полудня позиции 6-й роты стали обстреливать 45-мм пушки с высот Моко. Позже в этот пасмурный дождливый день советские минометы возобновили обстрел позиций 5-й и 6-й рот. Батальонные 70-мм гаубицы отвечали на огонь. Советские войска в тот день использовали против 2-го батальона как минимум восемь минометов.

Ночью ливень перешел в холодный мелкий дождь, и промокшие японские солдаты мерзли в своих окопах. В 9:00 16 августа минометный огонь с высот Моко обрушился на позиции 2-го взвода 6-й роты. Ротный командир обратился за поддержкой батальонной артиллерии, направив огонь двух 70-мм гаубиц на вражеские минометы. Около полудня 45-мм пушки на высотах Моко начали стрелять по позициям 6-й роты. Снова с призывом о помощи обратились к батальонной артиллерии. На этот раз, по заявлениям японцев, их контрбатареиный огонь уничтожил одну вражескую пушку. В 16:00 советские минометы снова открыли огонь с того же места, но японская батальонная артиллерия снова ответила огнем, уничтожив, по данным японцев, наблюдательный пост противника, и, возможно, один минометный расчет.

Той ночью младший лейтенант Тахара из 5-й роты повел группу разведчиков – унтер-офицеров из 6-й роты – на разведку советских позиций у высот Моко, откуда противник вел наиболее эффективный артиллерийский огонь. Тахара обнаружил около усиленного взвода советских солдат – примерно 60 человек – укрепляющих высоты, но вражеские передовые посты и часовые были очень бдительны и реагировали на каждый звук или движение. Раньше такая бдительность советским часовым не была свойственна.

Во время отсутствия Тахары в штаб батальона прибыли еще пятьдесят солдат пополнения. Эти солдаты влились в обескровленные подразделения, восполнив «нормальные потери» (эвфемизм Первой мировой войны), продолжавшие каждый день отправляться в ненасытную пасть боя на истощение. Однако, боевой дух был все еще высок, возможно и потому, что, по слухам, батальон к середине сентября должны были отвести обратно на базу^{cix}.

17 августа советские войска пытались укрепить возвышенности между позициями 7-й роты на высоте 742 и 5-й роты на высоте 754. В 9:00 батальонный передовой артиллерийский наблюдатель в 6-й роте заметил вражеское минометное отделение, пытавшееся установить свое оружие примерно в 500 м от позиций 5-й роты. Огонь батальонной артиллерии заставил противника быстро отступить. После полудня батальонная артиллерия обстреливала наблюдательный пост противника на возвышенности примерно в 600 м к западу от позиций 7-й роты. Это вызвало ответный огонь советской артиллерии, и некоторое время обе стороны обменивались артиллерийскими залпами. Японцы, как и можно было ожидать, понесли «незначительные» потери.

Вторая ночная атака

Противник также проявлял активность в районе высот Боза, приблизительно в 200 м от позиций 6-й роты. Чтобы определить силы противника, командир роты капитан Цудзи после наступления темноты направил разведывательную группу провести разведку в том районе, но бдительность советских передовых постов снова не позволила провести тщательную разведку позиций противника. Разведчики доложили, что у противника на высотах Боза как минимум цепь стрелковых ячеек, и, возможно, советская оборона там эшелонирована в глубину.

Хотя разведчики не могли этого знать, они обнаружили признаки еще одной перемены в советской тактике. Передовая линия противника была самым слабым пунктом позиции, обороняемой в ширину и глубину. Атакующие японцы с легкостью могли прорвать передовую линию, но после этого они наткнулись на мощную оборону с огнем по перекрывающим участкам. Советская артиллерия также

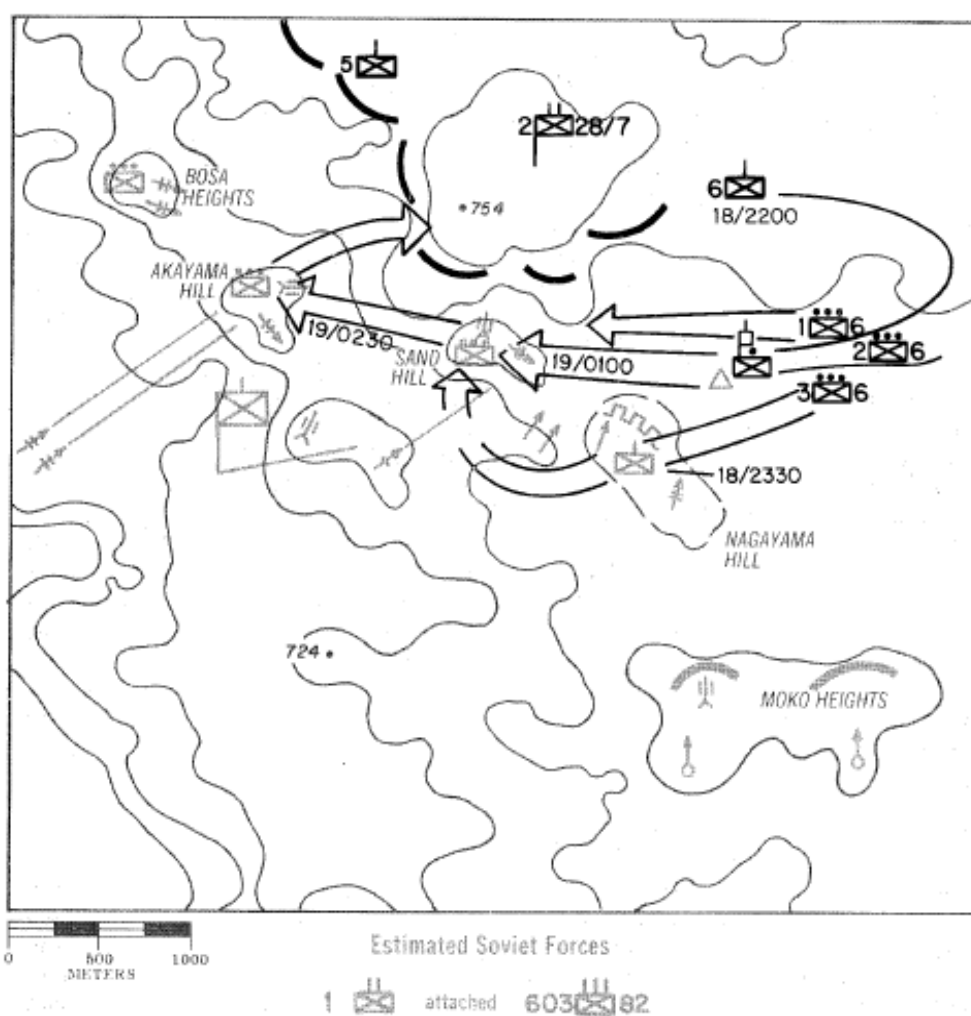
пристреливалась по этой передовой линии, и, как только японцы занимали эту линию, на них обрушивался артиллерийский огонь^{сх}. Японские разведчики, кроме того, слышали звуки работы молотков, лопат, пил и других инструментов, свидетельствовавшие о том, что советские войска строят новые укрепления. Согласно советским данным, частью их мер по введению японцев в заблуждение было использование мощных динамиков, передававших звуки работы инструментов^{сxi}. Цели противника оставались для японцев неясными, но враг явно «что-то замышлял».

На основании сведений, полученных его разведчиками, капитан Цудзи доложил майору Кадзикаве, что противник, вероятно, готовит какую-то новую операцию. Чтобы нарушить планы противника, уменьшить бессмысленные потери японцев и таким образом сохранить боеспособность для будущих операций, капитан Цудзи просил разрешения Кадзикавы провести ночное нападение на советские позиции. Командир батальона дал разрешение, и Цудзи провел весь день, подготавливая ночную атаку. Солдаты обернули свои подбитые гвоздями ботинки соломой или сменили их на матерчатые туфли с резиновыми подошвами. Подсумки с боеприпасами набили бумагой для уменьшения шума, наполнили фляги водой и наточили штыки. Капитан Цудзи надел на спину перекрещенные белые пояса, чтобы солдаты видели его в темноте. Командиры взводов для узнавания в темноте надели по одному белому поясу^{сxii}. В 22:00, пользуясь дополнительной маскировкой из-за начавшегося дождя, Цудзи повел свою роту, усиленную солдатами из других подразделений батальона, в ночную атаку на советские позиции. Цудзи шел в передовом отделении, за ним колонной следовали 1-й и 3-й взводы, 2-й взвод, замыкавший колонну, служил резервом.

Медленно продвигаясь в темноте, передовое отделение неожиданно наткнулось на советский пост охранения там, где японцы не ожидали его обнаружить. Как стало ясно во время боя, за 36-часовой промежуток между японской разведкой и ночной атакой советские войска сменили свои передовые позиции. Советские пехотинцы открыли огонь в направлении японцев. Так была заплачена цена за задержку между разведкой и атакой.

Цудзи, все еще надеясь использовать тот небольшой элемент внезапности, который у него еще оставался, приказал 3-му взводу

атаковать цепь советского охранения на высоте Нагаяма. 3-й взвод немедленно атаковал высоту. Советские тяжелые и легкие пулеметы сразу открыли сильный огонь. Но так как японские пехотинцы двигались, соблюдая тишину, большая часть огня советского автоматического оружия проходила над головами пригнувшихся японцев. Когда японские пехотинцы достигли вершины высоты Нагаяма, в них полетело множество советских ручных гранат, и их взрывы и осколки причинили больше потерь, чем огонь пулеметов. Но противник отреагировал слишком поздно, и японцы, спрыгнув в траншеи, застрелили и закололи штыками тех советских солдат, которые не успели сбежать.

Map 16. 6th Company, 2/28th Infantry, night attack on Soviet positions 18–19 August 1939.

Ночная атака советских позиций 18-19 августа 1939 г.

Тем временем капитан Цудзи пытался выполнить свой первоначальный план. Он приказал 2-му взводу захватить позиции вражеского пулемета и 45-мм пушки на песчаном кургане примерно в 400 м к северу. Когда 2-й взвод атаковал левый фланг противника, 3-й

взвод, развернувшись от высоты Нагаяма, ударил по правому флангу. И снова советские солдаты открыли сильный огонь из автоматического оружия и стали бросать гранаты в мелькающих в темноте японцев. Оба японских взвода снова не стали вести ответный огонь и наступали, соблюдая тишину и следуя за своими взводными командирами. Когда до советских позиций оставалось несколько метров, японские пехотинцы с боевым кличем бросились вперед и прыгнули во вражеские траншеи, закалывая штыками советских солдат.

Но советская оборона больше не была линейной, как у Чжангуфэна/озера Хасан. Вместо этого противник расположил свое автоматическое оружие в глубину от 500 до 1000 м за позициями первой линии. Это позволило советским пулеметам вести сильный прикрывающий огонь, пока советские пехотинцы отступали на новые позиции. Кроме того, физически и психологически уставшим от боя на первой линии обороны японским солдатам было уже труднее перегруппироваться и продолжать атаку на следующую позицию. Перед следующим броском вперед японцы сосредоточили огонь гранатометов на подавлении вражеского автоматического оружия. Эта тактика была эффективной, но стоила большого расхода боеприпасов.

Уцелевших солдат 3-го взвода, измученных после двух атак, Цудзи использовал как прикрытие для третьей атаки – наступления 1-го и 2-го взводов на высоту Акаяма, примерно в 300 м к северу от только что захваченной высоты Песчаной. Советские солдаты, выбитые с Песчаной, сейчас перегруппировались на высоте Акаяма, усилив ее оборону до общей численности около 300 солдат.

Рота открыла огонь из всех своих гранатометов одновременно, чтобы подавить советские пулеметы в траншеях и особенно, чтобы дезорганизовать советских солдат, которые, вероятно, окопались на другой стороне склона. Осветительные ракеты и трассирующие выстрелы с советских позиций осветили ночное небо, когда взвод, которым командовал лично капитан Цудзи, попытался использовать результаты гранатометного обстрела, атаковав советский фланг. Пока фланговая атака Цудзи отвлекала противника, главный удар японцев обрушился на слабо удерживаемый советский фронт. Действуя штыками и мечами, японцы очищали траншеи, и уцелевшие советские

солдаты отступили на подготовленные позиции в глубине обороны. Но советская пехота сражалась упорно, заставив японцев дорого заплатить за их успех.

Лейтенант Накано повел 1-й взвод в атаку на следующую линию советской обороны, рубя мечом защитников траншеи, но советский пехотинец, уклонившись от удара меча, смертельно ранил лейтенанта штыком. Командиры 2-го и 3-го взводов тоже были ранены, и Цудзи остался единственным японским офицером, не выбывшим из строя. Советская артиллерия открыла огонь по арьергарду атакующих японцев, пытаясь изолировать их на ничейной земле до наступления рассвета. Наконец, советские солдаты в темноте отступили, и японские разведчики, направленные вперед, доложили, что противник, очевидно, сбежал.

Примерно в 02:30 капитан Цудзи приказал усталым солдатам перегруппироваться, обыскать поле боя и готовиться отходить обратно, на позиции роты. Собирать убитых и тяжело раненых (всего 29 человек) было особенно трудно, потому что использование осветительных ракет для облегчения поиска могло привлечь огонь советской артиллерии. Как заметил адъютант командира батальона, «как бы тяжело это ни было, сбор убитых и раненых должен быть завершен», потому что оставление своих мертвых товарищей на поле боя оказывало очень плохое влияние на боевой дух^{cxiii}. Вдобавок, собирать обратно разбросанные японские патрули и команды, занимавшиеся сбором убитых и раненых, было трудно потому, что все попытки обозначить сигналами точки сбора сразу же привлекали артиллерийский огонь противника.

Вернувшись на свои позиции, японцы оценили результаты ночной атаки. По японским оценкам, были убиты около восьмидесяти солдат противника, захвачено десять винтовок, три легких и два тяжелых пулемета. В целом результаты были признаны успешными, и позже эта атака стала считаться образцовым примером ночного боя, основанного на наступательном духе^{cxiv}. Но в ретроспективе батальонные офицеры считали, что было бы лучше использовать все силы роты в одном сосредоточенном ударе, чтобы полностью уничтожить хотя бы один советский укрепленный пункт, чем проводить тремя взводами три отдельные атаки.

Утром 19 августа все еще шел холодный дождь, но, несмотря на это, боевой дух японских солдат был высок. Ночью они нанесли советским войскам такой сильный удар, что день 19 августа прошел тихо^{схv}. Спокойствие нарушили только несколько небольших перестрелок. Уже в сумерках 7-я рота открыла огонь из гранатометов и легких пулеметов по советским солдатам, которые в количестве около сотни человек пытались подобраться к позициям японцев. Противник быстро рассеялся и отступил. Позже, около 23:00, советские войска внезапно открыли огонь из пулеметов по низменности, которая находилась далеко впереди перед позициями 6-й роты. Потом у советских позиций начали взрываться ручные гранаты. Бойцы 6-й роты на высоте 754 с удивлением наблюдали за этим, а потом поняли, что напуганные советские солдаты решили, будто японцы снова подбираются к их позициям, и на самом деле стреляют по теням. Это сильно развеселило японских пехотинцев. Но на следующее утро, 20 августа, Советы сделали свой ход.

Квантунская Армия оказалась не в силах разгромить советские войска у Номонгана, но не могла выйти из боя, не уронив своей репутации главной силы, противостоящей советской экспансии на Дальнем Востоке. И поэтому штаб Квантунской Армии вынужден был предоставить генерал-лейтенанту Комацубаре силы для ведения боя на истощение. В первые три недели августа боевой опыт 2-го батальона 28-го полка был типичным для большинства японских войск в районе Номонгана/Халхин-Гола. Они сидели в окопах, сражались и умирали, все время находясь, как сказано в журнале боевых действий, «в соприкосновении с противником».

5. Советский блицкриг

Ошибки японской разведки

20 августа в 6:30 утра «большое количество» советских самолетов начало бомбить и обстреливать позиции артиллерии 2-го батальона. Это была лишь часть из 250 самолетов (в том числе 150 бомбардировщиков), участвовавших в ударе, который стал началом давно ожидаемого советского общего наступления^{cxvi}.

С конца июля японская разведка перехватывала советские сообщения о готовящемся наступлении. Однако подробности о масштабе и времени наступления оставались неизвестны^{cxvii}. Советские атаки проводились 1 и 2 августа, а позже – 7 и 8 августа, и некоторые аналитики японской разведки полагали, что это и есть итоги советских августовских наступлений. На самом же деле, в первом эшелоне советских войск для предстоящего наступления было сосредоточено две стрелковых дивизии, две мотоброневых бригады, семь артиллерийских полков и три кавалерийских дивизии. Силы второго эшелона состояли из еще одной стрелковой дивизии и пяти мотоброневых или танковых бригад. Эти силы были сосредоточены на 50-километровом фронте и почти вдвое превышали оценки японской разведки^{cxviii}.

Тактическая внезапность, достигнутая Советами, во многом была заслугой советской службы тыла. Японские штабные офицеры не могли поверить, что Красная Армия сумела сосредоточить такие силы, потому что огромные расстояния до советских ж. д. станций исключали такую возможность. Организовать снабжение советских войск в районе Номонгана было возможно только при использовании грузовиков. 1-я армейская (фронтальная) группа, сформированная в ходе боевых действий у Номонгана, располагала более 2600 грузовиками (в том числе 1000 топливозаправщиков). Но 750-километровый путь от станции Борзя к Номонгану требовал для адекватного снабжения такой группировки войск около 5000 грузовиков. В середине августа генерал Жуков получил из европейской части СССР еще 1625 грузовиков, но даже это едва

позволило обеспечить транспортировку достаточного количества грузов для готовившегося наступления, назначенного на 20 августа. Такое количество грузовиков было просто за пределами понимания японских штабных офицеров.

Примерно за две недели до советского наступления плохая погода и пониженная видимость мешали усилиям японской воздушной разведки. Но с 12 августа установилась в основном ясная погода. 19 августа японские пилоты обнаружили сосредоточение советских машин на западном берегу Халхи, но 20 августа их донесения еще анализировались в штабах^{схix}. Потенциально важные разведданные, собранные нижестоящими подразделениями, такими как отделения или взводы, недостаточно быстро докладывались в вышестоящие штабы, вероятно, в том числе и потому, что при штабе батальона не было офицера разведки для оценки такой информации.

Японские оперативные планы на случай наступления противника предусматривали нанести поражение советским войскам в оборонительном бою на японских позициях, за которым должно было последовать контрнаступление на уровне армии, результатом чего должен был стать охват советских флангов. Таким образом, японцы считали, что они способны отразить любое советское наступление, после чего возобновить свои наступательные операции против ослабленных советских войск^{схx}.

Советские сковывающие удары

После советского воздушного налета, длившегося час^{схxi}, позиции 2-го батальона начали обстреливать 14 (по японским оценкам) советских орудий. Первые же снаряды порвали телефонный кабель, нарушив связь подразделений батальона со штабом и вышестоящим командованием. В отсутствие взаимодействия между батальоном и полковой артиллерией советская артиллерия могла сосредоточить огонь на японских позициях, «почти уничтожив их», не опасаясь контрбатареинного огня^{схxii}. Обстрел длился 3,5 часа, разрушая японские укрепления и засыпая солдат в них песком и обломками.

В перерывах между обстрелами советские пехотинцы проводили разведку боем японских позиций. В 9:00 советские солдаты из 602-го

стрелкового полка атаковали высоту 742, но огонь тяжелого и легкого пулеметов и гранатомета, из которого стрелял сержант с наблюдательного поста, остановил продвижение противника в 100 м от японских позиций. Японцы обрадовались, увидев, что советские солдаты бросили свой тяжелый пулемет «максим» и побежали. Но секунду спустя снаряд советского танка уничтожил наблюдательный пост, тяжело ранив сержанта и превратив в обломки его гранатомет^{сххiii}.

С юга под прикрытием огневого вала начали наступление 12 советских танков, двигаясь к японским позициям от высот Моко и угрожая обойти фланг 6-й роты. Батальонной артиллерии пришлось прекратить борьбу с советской артиллерией и отражать танковую атаку, чтобы предотвратить окружение левого фланга батальона. Танки отступили, но советский артиллерийский обстрел продолжался с нарастающей интенсивностью. По японским оценкам 2-му батальону противостояли около 700 советских пехотинцев при поддержке 15 танков и 75 орудий.

Позже после полудня взвод 6-й роты, обеспечивавший левый фланг всего батальона, координируя свои действия с пулеметным взводом сержанта Танимуры, прижал огнем вражескую пехоту, занявшую дефиле в 500 м от позиций взвода.

В 17:00 четыре советских танка атаковали позиции 6-й роты. Японские противотанковые отделения под прикрытием огня батальонных пулеметов, смогли подойти достаточно близко к танкам, действовавшим без поддержки пехоты, и поджечь один танк ручными гранатами. Остальные три танка отступили к высотам Моко. Но спустя четыре часа эти три танка появились снова, чтобы отбуксировать горящий танк к своим позициям. Японцы пытались помешать огнем винтовочных гранат, но не смогли предотвратить эвакуацию танка.

Противник также прощупывал оборону основных позиций батальона в районе высоты 754. В полдень около двадцати советских солдат из 603-го стрелкового полка подошли к правому флангу 5-й роты, но японцы огнем гранатометов и ручными гранатами отогнали их. В 13:20 еще тридцать советских пехотинцев пытались провести разведку левого фланга роты, подойдя на тридцать метров к позициям роты, прежде чем японцы ручными гранатами отогнали их.

К северу около ста советских пехотинцев попытались продвинуться в 1000-метровый разрыв между позициями 5-й и 7-й рот. Взвод младшего лейтенанта Такасимы на возвышенности у высоты 742 огнем легких пулеметов и гранатометов рассеял противника, помешав его попытке проникнуть в периметр обороны батальона.

Японцы успешно отразили эти попытки разведки боем, но советская пехота выполнила свою задачу сковать японский центр, чтобы советские танки могли завершить окружение. Неизвестное количество вражеской бронетехники из 6-й и 11-й танковых бригад и 8-й мотоброневой бригады прошло на юго-восток мимо левого фланга японских войск под прикрытием длительного артиллерийского обстрела, после чего советские танки повернули на северо-восток, чтобы перерезать японские маршруты снабжения. В журнале боевых действий появляется зловещая запись: «подвоз боеприпасов, продовольствия и воды будет крайне затруднен»^{сххiv}.

Около 16:00 майор Кадзикава изложил ротным и взводным командирам свою оценку ситуации. Он полагал, что противник использует стандартную наступательную тактику Красной Армии, поэтому фронтальные атаки советских войск и их быстрые отступления являются сковывающими ударами, предназначенными для прикрытия маневра других советских частей. Это в свою очередь означало, что советские войска намерены отступить под прикрытием темноты или использовать ночь для перемещения на новые позиции, учитывая при этом вероятность контрудара японцев. С целью подготовки контрудара майор Кадзикава направил разведывательные группы для разведки района.

Когда разведчики вернулись, их сообщения были мрачными. Они обнаружили огромное сосредоточение советских машин – более 1000 грузовиков и не менее 500 танков и бронеавтомобилей, и вся эта масса техники двигалась вдоль левого фланга батальона. Кроме того, 6-я рота на высоте 754 обнаружила, что соседний 71-й полк отступает, оказавшись под массированным ударом советских войск. Против 71-го пехотного полка японской армии действовали советские 127-й и 80-й стрелковые полки 57-й стрелковой дивизии и 6-я танковая бригада. Советская бронетехника действовала особенно эффективно, потому что дополнительные меры защиты советских танков сделали их менее уязвимыми к возгоранию. Например, советские танкисты

использовали более тяжелое низкосортное горючее, натягивали над моторными отделениями проволочные сетки или укладывали кирпичи, чтобы уменьшить потенциальную опасность поражения коктейлем Молотова, основным противотанковым оружием японской пехоты. Из-за этих мер и более прохладных августовских температур японцам было труднее поджигать советские танки, чем раньше, в июле. Отступление 71-го пехотного полка оставило открытым левый фланг 2-го батальона. Вместо отступления Советы явно готовились к полномасштабному наступлению, что предвещало тяжелые бои.

21 августа советский артиллерийский обстрел начался в 8:00. Хотя огонь был не таким сосредоточенным, как в предыдущий день, он был очень сильным^{сххv}. Советские войска использовали разную тактику, чтобы сбить с толку оборонявшихся японцев. 20 августа советские артиллеристы вели огонь вдоль всего японского фронта, а 21 августа обстреливали опорные пункты японцев, выявленные предыдущей разведкой боем. Пока артиллерийский огонь громил ключевые японские позиции, советская пехота проникала в японскую линию обороны.

7-й роте пришлось выдержать одну такую атаку. Утром во время обстрела высоты 742 младший лейтенант Такасима сидел в траншее, ожидая, когда обстрел закончится. Внезапно над его головой пролетела ручная граната, и вскоре за ней последовал целый ураган гранат. Противник был уже на японских позициях. Такасима, собрав своих солдат, начал охоту за советскими пехотинцами, прятавшимися в узких теснинах, углублениях и мертвых пространствах^{сххvi}.

Японцы бросали ручные гранаты, а потом, набрасываясь на оглушенных вражеских солдат, приканчивали их штыками. Бой продолжался все утро, и склонность японцев к рукопашному бою помогла им победить. Японские пехотинцы считали, что их советские противники не умеют правильно действовать штыком и в штыковом бою один японский солдат стоит пяти советских^{сххvii}.

Если советские пехотинцы не произвели особого впечатления на японцев, то взаимодействие между пехотой и артиллерией выглядело впечатляюще. Советская артиллерия прикрывала продвижение пехоты и пробивала бреши в японской обороне, которые могла использовать пехота.

Советские танки, прорвавшиеся в тыл японцев, перерезали их пути снабжения, поэтому японская пехота, оборонявшая позиции, не могла наиболее эффективно использовать свои гранатометы из-за нехватки боеприпасов. Людей тоже стало не хватать, уже к 21 августа многие солдаты батальона были убиты или ранены.

Согласно сообщениям разведки 71-го полка, 23-я дивизия организовала контратаку против наступающих советских войск в направлении высоты 752, примерно в 16 км к северо-востоку от позиций 2-го батальона^{сxxviii}. Тогда майор Кадзикава разработал план прорвать советское окружение и соединиться с силами 23-й дивизии. Он направил разведчиков на разведку пути и вражеских позиций у высот Моко. Но эти усилия были напрасны, потому что 21 августа японцы не предпринимали попыток наступления.

В тот день командование 23-й дивизии передало приказ отряду полковника Хасебе (8-й полк пограничных войск и 2-й батальон 28-го пехотного полка) «поддерживать связь с 71-м пехотным полком полковника Морита Тецудзи и удерживать прежние позиции»^{сxxix}. Майор Ито из штаба дивизии лично передал Хасебе приказ командования «держаться до 24 августа», чтобы 23-я дивизия и 6-я армия могли подготовить контрнаступление. После этого Хасебе мог отойти на высоту 749.

22 августа в 8:00 начался новый мощный обстрел. Когда раскаленное солнце поднялось высоко в небо, некоторые солдаты начали сходить с ума от обжигающей жары, удушливой пыли, поднятой взрывами, жажды и криков раненых. Один рядовой на высоте 742 встал в траншее, истерически смеясь и прося воды. Санитар, пытавшийся утащить его в укрытие, был ранен осколком снаряда в горло^{сxxx}. Это указывало, какой могла бы быть судьба батальона, если бы дисциплина полностью ослабела.

Тем временем советские войска повторяли тактику, примененную им в предыдущий день, продвигаясь к японским позициям под прикрытием огневого вала. Огонь танков и автоматического оружия также прикрывал советских солдат, поднимавшихся по склонам высот. Советские пехотинцы продемонстрировали большую решительность, и в некоторых пунктах позиций батальона их атаки удалось отбить только в ожесточенных штыковых боях. Артиллеристы батальона и расчеты тяжелых пулеметов должны были тщательно выбирать цели,

чтобы сберечь боеприпасы, которых оставалось уже немного, и помочь пехоте отбить атаки противника. Однако когда первая советская атака была отражена, противник перегруппировался и повторял атаку в соответствии с первоначальным планом. Это была безыскусная тактика, но она истощала силы японских защитников. Той ночью противник выкопал траншеи в 100 м от позиций 5-й и 6-й рот, создав дугу, параллельную японским позициям и угрожая окружить японцев. На севере советские пехотинцы пытались обойти левый фланг 7-й роты и, хотя были отражены, но тоже смогли окопаться в 150 м от японских позиций.

Наиболее серьезной угрозой оставалась советская бронетехника, теперь действовавшая за японской линией фронта. Весь день офицеры 2-го батальона наблюдали в бинокли за неравным боем частей 71-го пехотного полка с советскими танками. Отступление 71-го полка неизбежно означало, что левому флангу 2-го батальона будет угрожать больше советских танков. Для обороны открытого левого фланга был направлен один взвод 5-й роты. В 21:00 около тридцати вражеских солдат поднялись по склону к позициям 5-й роты, но после применения ручных гранат и рукопашной схватки были отброшены. К тому времени по японским оценкам батальону противостояли около 1000 советских пехотинцев, 25 танков и 30 орудий.

23 августа вражеские гаубицы открыли огонь по японским позициям из естественных укрытий за высотами Моко, добавив свою огневую мощь к и без того сильному обстрелу. Огонь с высот Моко был особенно эффективным, и потери японцев продолжали расти. Казалось бы бесконечное количество имевшихся в распоряжении советских войск боеприпасов, танков, самолетов и живой силы начало влиять на боевой дух японских солдат. Хотя в журнале боевых действий утверждается, что боевой дух 2-го батальона по-прежнему был высок, позже японские военные психологи выяснили, что солдаты были разочарованы и подавлены невозможностью ответить на советские обстрелы^{сxxxі}. Офицер медицинской службы, служивший с 7-й ротой, удивлялся: «Чем заняты наши танки и авиация? Я не вижу ни одного японского танка или самолета»^{сxxxіі}.

Советская пехота снова наступала под прикрытием артиллерийского огня. В 7:30 пользуясь утренним туманом, до 150 солдат с двумя тяжелыми пулеметами при поддержке пяти танков попытались

прорвать центр позиций 6-й роты. Когда последний взводный командир был ранен, командование обороной принял сержант. Огнем пулеметов и штыковым ударом атака противника была отражена. Батальонная артиллерия, стреляя в упор, поддержала защитников, заставив противника отступать по песчаному склону. Хотя советские солдаты при отступлении бросили два тяжелых и два легких пулемета, японская батальонная артиллерия расстреляла почти все боеприпасы. Лишь немного снарядов оставалось для отражения следующих атак. Кроме того, по японским данным противник получал подкрепления, и к бою присоединились новые советские подразделения, таким образом, число вражеских пехотинцев, противостоявших 2-му батальону, увеличилось, по оценкам японцев, до 1200 солдат^{сxxxiii}.

Атаки японских позиций продолжались. 5-я и 6-я роты провели день, пытаясь укрыться от огня советской артиллерии и отбивая попытки разведки боем, проводимые советской пехотой. В 13:00 на позиции обеих рот начали падать минометные снаряды, и еще больше японских солдат было убито и ранено. Японская батальонная артиллерия молчала, у нее оставалось слишком мало боеприпасов, чтобы вести контрбатареиную борьбу с советскими минометами.

Еще более тяжелой, чем нехватка боеприпасов, была нехватка воды. Японские солдаты уже действовали как роботы, забыв о еде и сне, и сражаясь просто чтобы выжить еще несколько часов. Майор Кадзикава пытался вдохновить солдат своим примером, обходя позиции рот во время сильного обстрела. Присутствие командира среди воюющих над головой снарядов и взрывов помогло поднять дух солдат, хотя именно такое поведение и ожидалось от офицеров. «Важно, чтобы офицеры поступали именно так»^{сxxxiv}.

Но даже боевой дух не мог заменить боеприпасов. Ночью 23-24 августа 5 советских танков с взводом пехоты (около 30 солдат) снова попытались прорвать центр позиции 6-й роты. Только после ожесточенного рукопашного боя удалось отбросить вражескую пехоту, которая шла впереди танков, вероятно, пытаясь создать прорыв, в который могли бы войти танки. Еще советские танки и пехота атаковали взвод 5-й роты, защищавший левый фланг и тыл батальона, и захватили его слабо защищенную позицию. Дезорганизованные уцелевшие японские солдаты отошли на юго-

восток, к основным позициям батальона, а советские танки направились на север. По лязгу гусениц и реву моторов японцы приблизительно определили, что батальон окружают около двух десятков советских танков. Телефонные кабели были разорваны огнем вражеской артиллерии, и эта информация не могла быть своевременно передана в штаб полка или дивизии.

Всю ночь поле боя освещали ракеты и осветительные снаряды, советская авиация бомбила японские укрепления, а советская артиллерия стреляла по всему, что движется. Обстрел продолжался всю ночь.

Окружение 2-го батальона 28-го полка

На следующее утро, 24 августа, майор Кадзикава обнаружил, что 71-й полк снова отступил, не поставив его в известность. Вероятно, посыльные из штаба 71-го полка, направленные во 2-й батальон были убиты или ранены, но недостаточная координация действий 2-го батальона с соседними подразделениями была, прежде всего, результатом нехватки средств связи и штабных офицеров, чьей задачей было бы планировать и координировать взаимодействие частей. Однако более актуальной проблемой был обстрел, который вели вражеские гаубицы из естественных укрытий за высотами Моко. Они постоянно наносили потери японцам, в том числе был убит один младший лейтенант.

Перед фронтом батальона снова появились советские танки, вероятно, около тридцати. И снова под прикрытием утреннего тумана, советские пехотинцы, следуя за офицером, размахивавшим красным флагом, атаковали позиции 5-й роты. Поднявшись по склону, они метнули гранаты и вступили в ближний бой с японскими защитниками. В ход пошли штыки и мечи, и японцам все же удалось отбросить атакующих.

Большую опасность представляли советские танки, прорвавшиеся на северном фланге роты. Старший лейтенант Садакадзи, размахивая мечом, повел нескольких солдат своей пулеметной роты в отчаянную контратаку против танков. Согласно батальонному журналу боевых действий «они ничем не могли причинить вред вражеским танкам, но

атака, вероятно, испугала экипажи танков, которые внезапно отступили. Возможно, танки только проводили разведку боем наших позиций^{сxxxv}».

Со всех сторон бойцы 5-й роты видели только смерть. В тылу батальона семь вражеских танков открыли огонь по японскому складу и подожгли его, дым от пожара высоко поднялся в синее небо. Советские броневые автомобили прорвались в тыл 5-й роты, с них прыгнули пехотинцы и бросились вверх по склону. Расчет тяжелого пулемета сержанта Мацуситы своим огнем отразил эту атаку, на какое-то время обеспечив передышку^{сxxxvi}.

Потом Советские возобновили плотный артиллерийский огонь. Между 12:00 и 14:00 огонь «был особенно силен». После этого обстрела вражеские легкие и тяжелые пулеметы стали осыпать пулями позиции батальона на гребне высот. Советская полевая артиллерия также прикрывала огнем еще одну атаку пехоты, на этот раз направленную против 6-й роты.

Вражеские пехотинцы подошли на расстояние броска гранаты и метнули свои ручные гранаты в японцев. В штыковом бою удалось отбросить этих советских солдат, поднявшихся по склону, но они перегруппировались и поднялись снова, повторив ту же тактику против траншей 6-й роты. Каждый раз их отбрасывали назад, но японцы уже не могли позволить себе таких потерь, которыми сопровождался каждый ожесточенный ближний бой.

У японцев не осталось никаких резервов, и все чины штаба батальона, включая самого майора Кадзикаву, взяли винтовки и приняли участие в отчаянной обороне позиций 6-й роты. Все были вовлечены в жестокий рукопашный бой, японские и советские солдаты убивали и калечили друг друга в схватке лицом к лицу. Огонь винтовок и ручные гранаты выгоняли советских солдат из укрытий, в которых они прятались. Советские танки направились вверх по склону, чтобы поддержать свою пехоту, но отряды японских истребителей танков, вооруженных коктейлями Молотова, отогнали их. На позициях 1-го взвода 6-й роты бушевал рукопашный бой, прекратившийся только тогда, когда все солдаты взвода были убиты или тяжело ранены. Пулеметный взвод, чей огонь так помогал в отражении предыдущих советских атак, тоже был полностью истреблен. Сам майор Кадзикава

получил ранение в голову и, в конце концов, ему не оставалось иного выбора кроме оставления позиции.

Артиллерия 2-го батальона расстреляла последние снаряды по советским пехотинцам, теперь занимавшим левый фланг 6-й роты, и временно остановила прорыв врага. Однако вражеские танки подошли к захваченной позиции, заставив Кадзикаву отойти на восток.

Последние выжившие солдаты собрались в низине поблизости. Вокруг нового периметра были вырыты неглубокие окопы, обоз батальона сожгли во избежание захвата противником. В 17:00 подошли 40 солдат под командованием сержанта, направленные полковником Моритой в качестве подкрепления. Шесть часов спустя, во время затишья, Кадзикава все еще пытался собрать солдат, оставшихся на позициях батальона, и приказал взводу унтер-офицера Такады, временно включенному в состав 7-й роты и занимавшему позиции к югу от высоты 742, прибыть к штабу батальона.

Пройдя около 800 м, бойцы Такады наткнулись на одинокий советский танк, вероятно, заблудившийся к западу от японских позиций. Прячась в темноте, Такада подвел своих солдат достаточно близко к танку, чтобы они смогли забросать его гранатами и поджечь.

Этот маленький успех был слабым утешением, потому что большинство солдат и офицеров 2-го батальона были убиты или ранены. У уцелевших почти закончили боеприпасы. Кроме того, советские войска использовали захваченную позицию 6-й роты как исходный рубеж для прорыва в тыл батальона и затягивания петли окружения.

Прежде чем петля затянулась, батальонный взвод связистов сумел избежать советских патрулей и танков и проложить новый телефонный кабель до штаба 71-го полка. Майор Кадзикава доложил о своем отчаянном положении, но ему было приказано удерживать позиции любой ценой. Тогда Кадзикава попытался улучшить позиции и установить связь с 7-й ротой к северу. Однако, вражеские танки и пехота, оказавшиеся в тылу батальона, сделали этот план неосуществимым.

Остаток холодной ночи прошел под периодическими артиллерийскими обстрелами, советские войска, вероятно, перегруппировывались и готовились к наступлению на следующий день. В 6:00 советская

артиллерия начала обстреливать перекрестным огнем позиции 5-й и 6-й рот, левый фланг японцев стали обходить танки. Кадзикава запросил поддержку огнем полковой артиллерии по наступающим советским танкам, но получил отказ, потому что у полковой артиллерии не было боеприпасов.

Когда обстрел, длившийся два часа, поднял столько пыли и дыма, что стало трудно даже дышать, началась новая советская атака. Пехотинцы под прикрытием огня легких и тяжелых пулеметов зачищали японские позиции на гребне высот, поднимаясь по склону, и, размахивая красными флагами, врываются в японские траншеи. Разрозненные группы японцев оказывали упорное сопротивление. Младший лейтенант Тахара из 5-й роты ворвался в группу советских пехотинцев и успел зарубить троих мечом. Очередь из советского автоматического оружия поразила Тахару в бок. Тяжело раненный, но еще живой, Тахара крикнул «Да здравствует Император!» и застрелился из пистолета, чтобы избежать плена^{сxxxvii}.

Ручные гранаты лишь замедлили волну наступления советской пехоты, новые и новые вражеские солдаты поднимались на японские высоты. Немногие еще живые бойцы 2-го батальона пытались организовать круговую оборону вокруг двух последних гранатометов, но отовсюду слышались крики японцев «Отступаем! Отходим!». Советские солдаты захватили позиции японской батальонной артиллерии и пулеметной роты, оба японских командира были убиты. К 15:00 японцы израсходовали последние боеприпасы к гранатометам, но советские минометные снаряды продолжали падать среди японских пехотинцев, убивая их. В 16:00 советские танки изолировали позицию, и артиллерия начала обстреливать теперь почти беспомощных японцев.

Советские пехотинцы снова поднялись по склону, и снова японцы встретили их с примкнутыми штыками. К тому времени японцев осталось так мало, что оказывать помощь тяжело раненым стало некому. Многие умерли от отсутствия медицинской помощи. Тем раненым японским солдатам, которые смогли сами добраться до укрытий, раздали гранаты и приказали защищать позиции при атаке противника.

Почти все чины штаба батальона были убиты или ранены. Майор Кадзикава призвал уцелевших сражаться до последнего.

Вооружившись ручными гранатами, прикладами винтовок, штыками и даже камнями, японцы смогли как-то продержаться до наступления темноты.

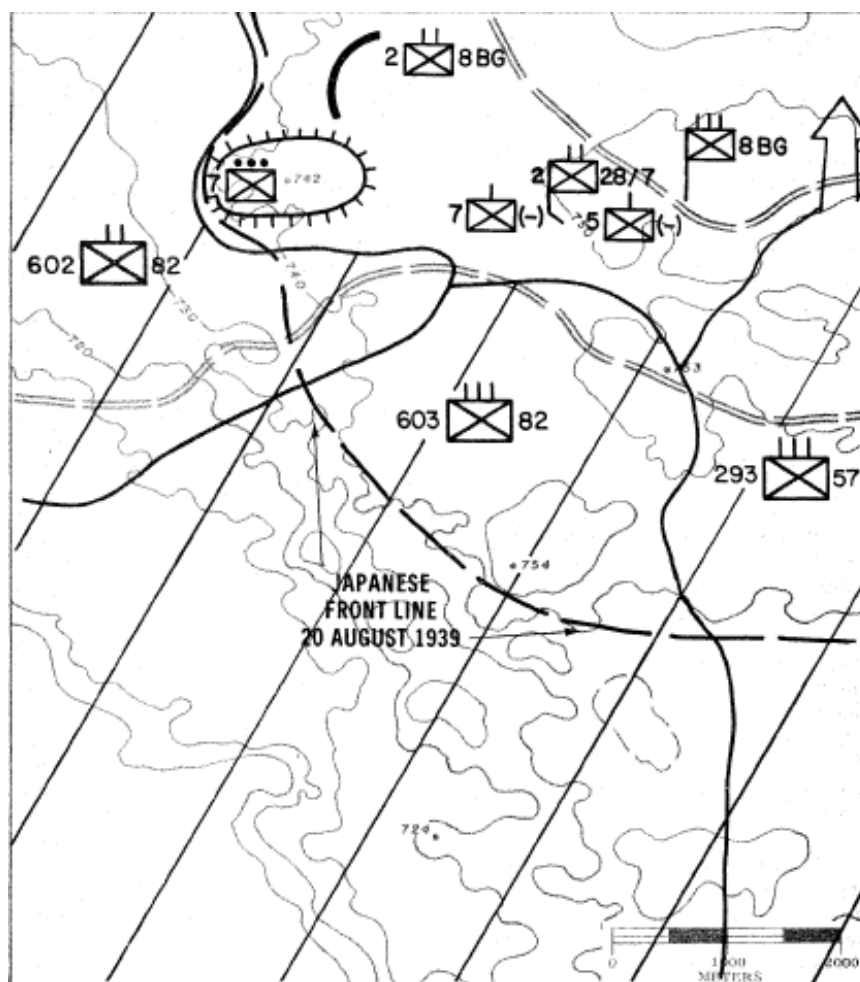
Те очень немногие японские солдаты, которые не были ранены, остались без боеприпасов, пищи и воды. Даже самые выносливые из них были крайне измучены и не могли больше продолжать бой. Выжившие решили прорываться через кольцо вражеского окружения, угрожавшее раздавить их.

В 21:00 уцелевшие солдаты батальона и ходячие раненые приготовились к прорыву. Они надеялись использовать ход сообщения, который вел к высотам Норо и позициям взвода 7-й роты младшего лейтенанта Такасимы. 5-я рота, в которой было меньше раненых, двигалась быстрее, и вскоре обогнала остальных солдат батальона и наткнулась на противника. Пытаясь обойти левый фланг противника, 5-я рота полностью оторвалась от батальона.

Майор Кадзикава приказал посыльному попытаться установить связь с 5-й ротой. Этот солдат пропал без вести, как и второй посыльный, получивший такой же приказ. Кадзикава приказал оставшимся солдатам двигаться из хода сообщения на северо-восток, чтобы найти взвод младшего лейтенанта Такасимы. Кадзикава и шесть сержантов шли впереди, но в темноте они наткнулись на советских пехотинцев (которых было около 30 солдат). В возникшей перестрелке арьергардный взвод младшего лейтенанта Сайто отделился от остальных, отклонившись к востоку, и смог прорваться к позиции, где должен был находиться взвод Такасимы. Однако солдат Такасимы там не было, и Сайто не смог никого найти^{сxxxviii}.

Отставшие солдаты из 5-й роты, пройдя в темноте около 500 м на восток, смогли пройти мимо вражеского патруля (около 20 солдат) и добраться до штаба полковника Хасебе. Нескольким выжившим из 6-й роты, также двигавшимся на восток, повезло меньше – они наткнулись на вражеские танки и все погибли. Майор Кадзикава вел остальных солдат батальона на запад, в обход правого фланга противника. Пройдя 350 м к северу, они оказались на основной позиции 7-й роты. Спустя еще два часа, в 2:00 26 августа, добравшись до штаба Хасебе, Кадзикава встретил старшего лейтенанта Саваду и узнал, что уцелевшие солдаты 5-й роты прибыли около полуночи^{сxxxix}.

Прорыв с юга был только первым шагом. Офицер из 8-го полка пограничных войск сказал Кадзикаве, что советские войска начали охватывать левый фланг отряда Хасебе, и любые передвижения внутри периметра обороны опасны из-за огня артиллерии и минометов противника. Сам отряд Хасебе тоже готовился к прорыву из окружения. На тот момент во 2-м батальоне 28-го полка оставалось только 55 человек, один тяжелый и два легких пулемета и один гранатомет^{cxl}.

Map 18. Soviet gains to 26 August 1939.

Положение советских войск на 26 августа 1939 г.

Пока выжившие из 5-й и 7-й рот добирались ночью до позиций отряда Хасебе, взвод младшего лейтенанта Такасимы столкнулся с новой атакой противника на высоту 742. Стояла мертвая тишина, не было артиллерийского огня или осветительных ракет, но черные силуэты показались на склоне высоты, подойдя на 50 м к японским позициям. Японцы обстреляли атакующих из трофейного советского пулемета, и советские солдаты отступили в той же странной тишине, в которой появились.

Утром 26 августа младший лейтенант Такасима осматривал в бинокль советские позиции ниже высоты 742, и на расстоянии 250 м заметил советского лейтенанта. Старший рядовой Нарита точным выстрелом застрелил советского офицера. В ответ с советской стороны начался минометный обстрел, и один снаряд попал прямо в японскую траншею, но Такасима и Нарита остались невредимы^{cxli}.

На южном фланге отряда Хасебе около 100 советских пехотинцев и 4 танка попытались прорвать новые позиции батальона. Артиллерия отряда Хасебе подбила один танк, и остальные отступили. Днем противник проводил атаки пехоты под прикрытием артиллерийского огня на позиции 7-й роты, но самая сильная атака началась вечером.

Около 19:30 множество советских пехотинцев в вечернем тумане подошли к позициям взвода Такасимы. Снова в японские траншеи полетели ручные гранаты. Японцы встретили противника штыками и мечами. С юга подходили новые вражеские солдаты. Старший рядовой за тяжелым пулеметом отстреливался, пока пуля в голову не убила его. Повсюду лежали убитые и тяжело раненные японцы. Только при поддержке четырех орудий отряда Хасебе, стрелявших в упор, удалось отразить атаку^{cxlii}.

Батальону было приказано защищать позицию до последнего солдата. После того, как все оставшиеся собрались у высоты 742, и была установлена связь с взводом Такасимы, в батальоне оказалось 124 человека. Им предстояло защищать 2000 м фронта. Боеприпасы, продовольствие и вода закончились, и все, что могли сделать оказавшиеся в ловушке японцы – окопаться и надеяться забрать с собой как можно больше врагов. Огневое взаимодействие было невозможно, и каждая изолированная группа японцев должна была в одиночестве оказывать сопротивление до последнего. Раненым солдатам тоже было приказано сражаться до конца. До позже батальон получил передышку. Полковник Хасебе, вспомнив приказ, переданный майором Ито – держаться до 24 августа, решил, что не сможет выполнить приказ, если просто позволит противнику уничтожить его оставшихся солдат. И поэтому в 21:00 Хасебе отдал приказ отходить.

По телефону Хасебе приказал майору Кадзикаве отступить. Ночь хорошо подходила для отступления, потому что не было звезд и лунного света, и туман покрыл берега реки Хольстен, через которую

батальон должен был переправиться, чтобы оказаться в безопасности.

Соединившись с подразделениями отряда Хасебе, 2-й батальон выступил в 1:00 27 августа вытянутой колонной. Младший лейтенант Такасима и 12 солдат шли в авангарде в 100 м впереди колонны, а 5-я рота в арьергарде, в 300 м позади колонны. Противник не преследовал, но авангард, медицинский взвод и рота полевой артиллерии заблудились в темной, лишенной ориентиров пустыне. Батальонный адъютант старший лейтенант Муранака тоже заблудился в темноте.

Младший лейтенант Такасима и его авангардное отделение наткнулись на советский патруль. Такасима попытался ответить на окрик часового по-русски, но в ответ раздались выстрелы. Авангарду пришлось рассеяться, и лишь немногие потом смогли соединиться с основной колонной.

Большая часть колонны достигла высот Кому, в 3500 м северо-восточнее высоты 742, но высоты были заняты советскими войсками. Около 6:00 произошла перестрелка, еще больше дезорганизовав колонну, и связь с майором Кадзикавой пропала. К счастью и главные силы колонны и отставшие повернули на запад, и вскоре смогли соединиться. При отступлении японцы наткнулись на советский патруль, но смогли отогнать его и даже взяли одного пленного.

Старший рядовой, укрывшийся в воронке, увидел, что в нее заглядывает советский солдат. Японец быстро схватил противника за шиворот и втащил в воронку, где бил, пока тот не потерял сознание. Потом японский солдат связал пленному руки ремешками от фляги и притащил свою добычу на японские позиции^{cxliii}.

Используя естественные укрытия, чтобы избежать обнаружения, остатки батальона к полудню добрались до высоты 739 и, спустя еще два часа, японские разведчики обнаружили подразделения 71-го полка. Размахивая японским флагом, чтобы их не приняли за противника, солдаты батальона присоединились к 71-му полку. Но советские танки обошли и 71-й полк, и солдатам Кадзикавы надо было отступать дальше.

Разведывательный патруль доложил, что была слышна перестрелка поблизости от понтонного моста через реку Хольстен, там, где

батальон собирался переправляться. Разведчики, направленные туда для выяснения обстановки, пропали без вести. Авангардное отделение, пулеметные расчеты и последние уцелевшие артиллеристы батальона погибли в бою с советскими танками, охранявшими понтонный мост. Когда противнику стало известно о попытке прорыва японцев, советская артиллерия обстреляла их позиции, убив и ранив еще нескольких солдат.

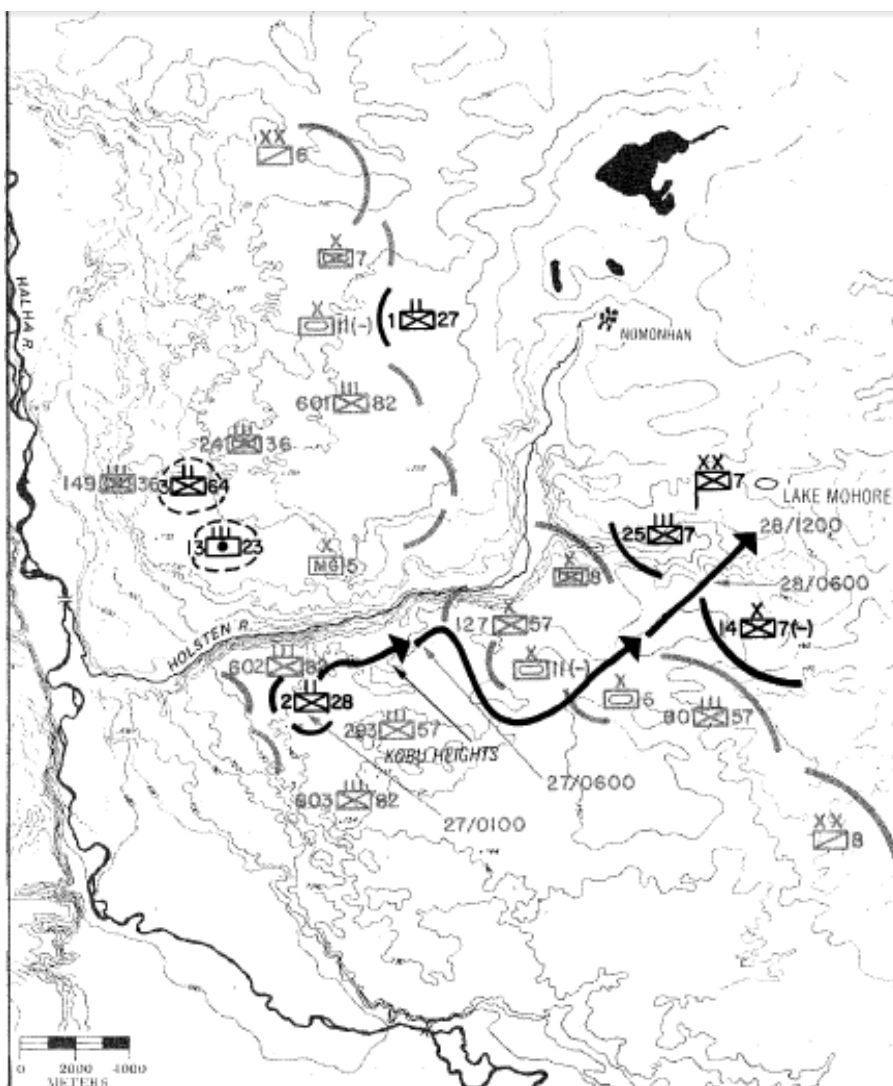
Когда позиция батальона стала полностью непригодна к обороне, майор Кадзикава ночью предпринял еще одну попытку прорыва. Солдаты шли тремя колоннами, авангард возглавлял сам Кадзикава. Около 22:00 японцы наткнулись на сломанный советский грузовик и застрелили четырех вражеских солдат, охранявших его. В грузовике оказались мясные консервы и сухари, и измученные голодом японские солдаты смогли подкрепиться перед дальнейшим отступлением^{cxliv}.

Когда японцы достигли южного берега реки Хольстен, казалось, что советские танки и пехота были повсюду. Солдаты Кадзикавы потратили много драгоценного времени, пытаясь найти свободный участок между вражескими патрулями, но так и не нашли. В 1:30 28 августа советские танки окружили их и периодически вели огонь в их направлении. Ждать наступления дня означало неминуемую гибель, и Кадзикава приказал двигаться к реке.

Вражеские танки, очевидно, обнаружили движение и вместе с пехотой открыли сильный огонь в темноте, надеясь попасть во что-то. Японцы, ориентируясь по звездам, смогли удачно проскользнуть в разрыв между патрулями, и направились дальше на восток. Японцы полагали, что пересекли реку (очевидно, они обошли болото и затопленные участки, граничившие с южным берегом Хольстена). Батальону снова повезло – наконец они встретили колонну японских грузовиков из 25-го пехотного полка. В конце концов, они вырвались из советского окружения.

Майор Кадзикава, оставив измученных, но счастливых выживших солдат батальона на позициях 25-го полка, прибыл с докладом к генерал-лейтенанту Огису Риппеи, командиру 6-й армии^{cxlv}. Из 28 офицеров и 854 чел. рядового и сержантского состава 13 офицеров и 264 нижних чинов погибли в бою. Раненых было 11 офицеров и 367 рядовых и сержантов, еще 47 нижних чинов считались пропавшими без вести^{cxlvi}. Из 24 офицеров первоначального состава батальона 17

были убиты или ранены, оба командира батальонной артиллерии погибли, 4 младших офицера из других рот 28-го полка, служившие в составе батальона, были убиты или ранены^{cxlvii}.

Map 19. Breakout of 2/28th and situation as of 28 August 1939.

Прорыв 2-го батальона и положение на 28 августа 1939 г.

2-й батальон был не в состоянии выполнять какие-либо задачи. Однако потребность 6-й армии в людях была так велика, что 2-й батальон был назначен во второй эшелон и перевооружен для подготавливавшегося общего наступления.

Хотя батальон располагался примерно в 10 км от советских позиций, огонь вражеской артиллерии заставил перейти на более безопасные позиции 30-31 августа. В начале сентября войска 6-й армии готовились к новому наступлению, но 16 сентября вступило в действие соглашение о прекращении огня. В журнале боевых действий об этом говорится кратко: «Мы завершили наши операции и стали ждать новых приказов»^{cxlviii}.

По иронии судьбы следующей кампанией 2-го батальона 28-го пехотного полка стала операция на Гуадалканале, где батальон был уничтожен.

6. Заключение

Результаты

Советское наступление, мастерски руководимое генералом Георгием Жуковым, которому позже суждено было прославиться во Второй Мировой войне, быстро завершило охват южного фланга 23-й дивизии японской армии. На севере наступление шло медленнее, но после ожесточенных боев в районе высот Фуи, где советские огнеметные танки выбили японских защитников с их позиций, «красный каток» раздавил правый фланг японцев. У деревни Номонган советские бронетанковые колонны разбили и блокировали японскую 23-ю дивизию. Несомненно, если бы советские войска продолжили наступление и преследование, вся японская 6-я армия была бы разгромлена. Однако они остановились на линии, которую СССР считал государственной границей Монголии, и начали закрепляться^{cxlix}. Дипломатические переговоры, которые уже велись между Японией и Советским Союзом, активизировались с наступлением затишья на фронте в начале сентября. Наконец, 16 сентября вступило в действие соглашение о прекращении огня^{cl}.

Можно предположить, что маневренные боевые действия у Номонгана были «первым боем» ожидаемой Японией «следующей войны» против Советского Союза. Бои у Чжангуфэна/озера Хасан годом ранее не могут считаться настоящей проверкой японской тактической доктрины из-за их относительно небольших масштабов и ограничений, которые накладывали особенности местности на способность каждой из сторон к маневру. Но летом 1939 г. в монгольских степях произошло воплощение в реальность советских принципов общевойскового боя, для противодействия которым Японская Императорская Армия и создавала свою тактическую доктрину. И хотя японская армия проиграла свой «первый бой», это поражение не оказало значительного влияния на принятую тактическую доктрину.

Доктрина

Японцы создавали свою тактическую доктрину для противодействия советской концепции общевойскового боя. В значительной степени японская доктрина полагалась на нематериальные факторы – боевой

дух, наступательный порыв, командные качества офицеров – чтобы компенсировать слабость материальных ресурсов японской армии по сравнению с Красной Армией. Доктрина должна была заменить танковые и механизированные дивизии, которых не хватало японцам для борьбы с массами советской бронетехники.

Как и все военные доктрины, доктрина Японской Императорской Армии использовала сильные стороны и достоинства нации для победы над врагом. Также она содержала определенные предположения о силах и способностях потенциального противника. Концепция короткой войны с быстрой и решительной победой (*sokusen sokketsu*), к примеру, лишь выражала четкое понимание командованием японской армии, что Японии не хватит живой силы и материальных ресурсов для ведения продолжительной войны против Советского Союза. Тактика для достижения такой победы, в особенности обходы и охваты для дезорганизации и деморализации численно превосходящих советских войск, была попыткой избежать дорогостоящих боев на истощение. Кроме того, доктрина, принятая японской армией, использовала такие качества японского солдата, как исключительная храбрость, инициатива и наступательный порыв, которые считались присущими исключительно японцам. Несомненно, такая доктрина была ценна и эффективна против вражеской пехоты.

Также японская доктрина содержала некоторые предположения относительно противника. Японцы не позволяли себе недооценивать материальное превосходство Советского Союза, но полагали, что японская «духовная сила» - нематериальные факторы – способна компенсировать материальную слабость японской армии. Японцы считали, что советская доктрина слишком негибка, а русский характер слишком безынициативен, чтобы быстро адаптироваться к японской тактике, упор в которой делался на внезапность и маневр. Если достоинства нации и способности ее противника можно описать как движущие силы, взаимодействие которых порождает доктрину, краткий обзор боевых действий у Номонгана проиллюстрирует, какой эффект произвел реальный бой на эти силы.

Доктрина японской пехоты предполагала инициативные командные качества, позволяющие командирам быстро адаптироваться к изменяющимся условиям на поле боя. И все же, после неудачи июльских наступлений 23-й дивизии, командование, по крайней мере,

на уровне дивизии и армии, приняло решение перейти к обороне в фактически позиционной войне, что полностью противоречило доктрине японской армии. Японцам пришлось вести войну на условиях противника. Таким образом, японская армия обнаружила не только отсутствие эффективных материальных контрмер против советского превосходства в артиллерии, бронетехнике и ВВС, но и не проявила достаточной гибкости.

В июле наступления японской армии против советских войск свидетельствовали о сильной психологической основе японского морального духа, не поколебавшегося в трудной и ожесточенной борьбе. Но материальная основа японской армии не соответствовала требованиям современной войны. Доктрина могла помочь в достижении успеха лишь до тех пор, пока японских танков и артиллерийских орудий не оказалось слишком мало, чтобы решительно повлиять на исход боя. Из-за этого японские пехотинцы, вооруженные лишь бутылками с бензином, были вынуждены противостоят атакам советских танков и пехоты, поддерживаемых многочисленной артиллерией. Это означало, что при наступлении японцы не смогут достигнуть своей цели, которой являлось поражение вражеской пехоты.

Стереотипные представления о противнике также отрицательно влияли на проведение операций японской армии. Японские командующие не могли поверить, что Советы способны сосредоточить столько живой силы и техники так далеко от железной дороги. Кроме того, японцы отвергали мысль, что противник может сам адаптироваться к японской тактике. На уровне дивизии это означало, что японские командиры были ошеломлены, когда их беспрецедентно мощная (для японской армии) артиллерийская подготовка перед наступлением 23 июля вызвала еще более сильный контрбатареинный огонь советской артиллерии. На уровне батальона это значило, что японские солдаты каждый день несли потери от частых обстрелов советской артиллерии, потому что японская артиллерия была гораздо слабее в количественном отношении и не могла заставить замолчать советские пушки.

Кроме того, японцы просто недооценивали противника. Подполковник Адзума повел свой отряд в ловушку, потому что считал противника слабым. Сходным образом, солдаты 7-й дивизии, выдвигавшейся к

Номонгану, были уверены в легкой победе. Из-за столь предвзятого мнения поражение для японцев было еще более ошеломляющим. Советское же командование, по каким бы то ни было причинам, относилось к японской угрозе очень серьезно, и готово было задействовать все людские и материальные ресурсы, необходимые, чтобы нанести японцам поражение.

Когда японцы в августе перешли к обороне, они оказались вынуждены действовать в доктринальном вакууме. Доктрина японской армии предусматривала оборону позиции только в порядке подготовки к контратаке. Неудивительно, что сначала японские солдаты оборудовали ненадежные убежища, потому что считали, что скоро покинут эти позиции и снова перейдут в наступление. После того, как советская артиллерия разрушила эти убежища, японцы стали окапываться основательнее. Отход от доктрины также повлиял на действия разведки. Японская доктрина, основанная на маневре и внезапности, предполагала, что противник должен быть дезорганизован и лишь реагировать на действия японцев. Нельзя сказать, что японское командование на всех уровнях игнорировало поступающие данные разведки о готовящемся советском наступлении. Но японцы не смогли должным образом оценить эту информацию. Одна из причин этого в следующем: японцы были настолько заняты идеей контрнаступления, что упустили вероятность того, что крупномасштабное советское наступление может просто лишить их возможности контратаковать.

Одно заблуждение японцев вело к другому. Так как они считали советское командование негибким, его тактика представлялась слишком косной, чтобы преодолеть японскую оборону. Таким образом, любое советское наступление должно было закончиться неудачей, после чего японцы смогут контратаковать и разгромить противника. В реальности вышло так, что советские войска продемонстрировали способность адаптироваться, например, в способах защиты своих легких танков, тогда как японцы, напротив, проявили негибкость.

Но и тут не все столь однозначно. Многие советские подразделения, первоначально противостоявшие 2-му батальону, были невысокого уровня подготовки. Советские 82-я и 57-я стрелковые дивизии являлись плохо обученными и поспешно сформированными территориальными соединениями. Их командование совершало много

ошибок, а солдаты 603-го полка 82-й стрелковой дивизии поддались панике и побежали, в первый раз оказавшись под огнем. Советская тактика была однообразной, повторяющейся – например, безыскусные лобовые атаки и повторения попыток просачивания за позиции японцев, несмотря на неудачные результаты. Такие ошибки укрепляли стереотипное мнение японцев о советских солдатах, и, вероятно, внушили японцам ложное чувство уверенности. Однако сила Красной Армии была в комбинированных действиях разных видов вооруженных сил и родов войск и масштабных общевойсковых операциях, а не действиях отдельных подразделений.

Сильная сторона японской армии, напротив, была в действиях небольших подразделений, в которых и воплощались лучшие примеры японской доктрины. Ночные атаки на уровне взвода или роты, стремление атаковать противника в ближнем бою были отличительными признаками японского пехотинца. Такая тактика действительно была очень успешной в действиях против отдельных советских пехотных подразделений.

Инициатива и отвага были главными компонентами успеха ночных атак, что видно на примере 2-го батальона 28-го полка. Офицеры всегда с готовностью шли на риск ближнего боя, рассчитывая на внезапность и психологическое воздействие на противника, чтобы компенсировать его численное превосходство. В действиях 2-го батальона у Номонгана более чем заметно выражены храбрость и упорство японского пехотинца. Но против советских танков и артиллерии эта храбрость и инициатива представляли лишь ограниченную ценность. Как бы ни были доблестны солдаты, как бы ни были компетентны их офицеры, они не могли преодолеть зону огня советской артиллерии, защищавшей советскую пехоту. Японский солдат просто не мог подойти достаточно близко к противнику, чтобы наилучшим образом использовать свою храбрость и наступательный порыв. Отделение японских пехотинцев могло атаковать советский пехотный взвод в штыковом бою с неплохими шансами на успех, но то же самое отделение было бы быстро уничтожено при попытке атаковать советские танки.

Аспект храбрости на поле боя также оказывал влияние на организационную структуру. Не было батальонного штаба для координации работы тылового обеспечения, разведки и работы с

личным составом. Батальонные командиры и их адъютанты должны были выполнять все эти задачи самостоятельно. Но главной задачей японских офицеров было вдохновлять солдат на поле боя своим командованием. Командные качества были более важны, чем ведение дел батальона.

Эта система предъявляла суровые требования к способностям офицеров, увеличивая нагрузку на них до предела. Также эта система требовала чрезвычайной храбрости и инициативы от младших офицеров. Несомненно, во 2-м батальоне были такие офицеры, но даже их доблесть была бессильна против советских танков. Более того, цена такой отчаянной храбрости оказалась чрезмерно высока.

Цена доблести

Потери 2-го батальона 28-го полка достигали 86% личного состава – это заметно выше, чем даже ошеломляющая цифра в 73% общих потерь японцев. И все же батальон не развалился, сохранившись как единое подразделение. Важно отметить, что в доктрине японской армии командные качества, подобные тем, что проявил майор Кадзикава³, являлись нормой, а не исключением. Даже если бы Кадзикава был убит или выведен из строя, выжившие младшие офицеры или даже сержанты не позволили бы батальону рассыпаться и, вероятно, проявили бы даже лучшие командные качества^{cli}. Это спорный вопрос, но стоит отметить, что, например, в 71-м пехотном полку за время боевых действий сменилось четыре командира, и это соответствующим образом сказалось на эффективности действий полка^{clii}. Доктрина предполагала, что все офицеры способны командовать одинаково хорошо, но боевой опыт ясно показал, что одни обладают лучшими командными качествами, чем другие.

Даже столкнувшись с невообразимыми трудностями и опустошительными потерями, 2-й батальон в течение всего периода боевых действий не прекращал функционировать как боевое подразделение. Батальон никогда не пользовался стабильным материальным обеспечением. Боеприпасы, пополнения, продовольствие прибывали нерегулярно, несмотря на все усилия тыловых частей. Японские солдаты никогда не получали полностью

³ Кадзикава умер от болезни в полевом госпитале в Северной Маньчжурии 1 февраля 1941 г.

того обеспечения, которое было необходимо. Вероятно, это отчасти было результатом того факта, что тыловому обеспечению уделялся низкий приоритет. Перегруженный батальонный командир мог запросить у командования артиллерийскую поддержку или боеприпасы, но ему могли ответить, что следует действовать более решительно. Командные качества решительных и энергичных младших офицеров были во многом основой слаженности подразделения. Платой за это стал тот факт, что потери офицеров в батальоне в процентном выражении даже превышали потери офицеров в других подразделениях. Кроме того, этот горький опыт подрывал веру выживших в командование^{cliii}. Например, штаб 7-й дивизии докладывал, что японские офицеры и солдаты претерпели такие страдания на фронте в боях против Красной Армии, что будет трудно восстановить их боевой дух до прежней высоты^{cliv}. А высокий боевой дух был центральным фактором в японской тактической доктрине.

Личная храбрость и высокие командные качества не могли преодолеть изъяны доктрины и недостаток материальных средств японской армии. В действительности, упор на боевой дух и наступательный порыв, вероятно, лишь увеличивали потери японцев. Потери у Номонгана/Халхин-Гола были значительно выше, чем во всех прежних военных кампаниях японской армии^{clv}. Даже в современной войне японцы считали духовную силу основой тактики и фундаментальным фактором. Духовная сила рассматривалась ими как «великий уравниватель». Командные качества скорее проистекали из таких воззрений, нежели являлись их источником.

Выводы, сделанные японской армией

Хотя японцы были разбиты у Номонгана подавляющим количественным и качественным материальным превосходством Красной Армии, их поражение нельзя приписать одной лишь материальной слабости японской армии. Тактическая доктрина, разработанная для пехоты и делавшая упор на наступление и достижение быстрой победы столкнулась в этом конфликте с доктриной, в которой акцент был сделан на общевойсковой бой и длительные военные действия. Решение японского командования

перейти к обороне и таким образом позволить втянуть себя в войну на истощение против превосходящих сил Красной Армии в ретроспективе является ошибкой. Следует помнить, что Квантунская Армия основывала это решение на своем представлении о том, как будет сражаться противник. Другими словами, из взглядов на достоинства японской нации и предполагаемые возможности противника появилась японская тактическая доктрина, которая стала недействительна, когда советские войска начали сражаться не так, как ожидали японцы. И только испытание боем выявило то, что последующие поколения будут считать очевидными истинами.

Старший лейтенант Садакадзи, с мечом атаковавший советские танки, стал воплощением дилеммы доктрины и организационной структуры, преследовавшей японцев. Скудость ресурсов и денежных средств требовала принятия организационной структуры легкой пехоты. Тактическая доктрина, дополняющая эту организационную структуру, появилась после десятилетий исследований и напряженных дискуссий. Решительно изменить тактическую доктрину Японской Императорской Армии означало, в сущности, лишить опоры японский дух – нематериальные факторы. Для японцев это было равнозначно отрицанию воинских ценностей. Вероятно, это могло быть осуществлено, и результатом - вероятно - могла стать армия хорошо вооруженная, но лишенная духа.

Поэтому не должно казаться странным, что основным уроком, который штабные офицеры японской армии извлекли из Номонганского конфликта, стала важность в бою нематериальных факторов, примером которых является исключительная храбрость японских солдат, защищавших свои позиции до конца. Будь то младший лейтенант Тахара, совершивший самоубийство, чтобы избежать плена, или капитан Цудзи, личным примером вдохновлявший своих измученных солдат продолжать атаковать противника в ожесточенном ночном бою, или сотни оставшихся неизвестными рядовых солдат, сражавшихся до смерти, невозможно было сразу отбросить обучение и доктрину, результатом которых были столь выдающиеся проявления воинской доблести.

В Японской Императорской Армии по-прежнему преобладала пехота. Ей всегда не хватало бронетехники, потому что достаточное количество танков было японской армии просто не по средствам.

Приняв свою основную организационную структуру (которая была принята за три года до Номонгана) японская армия так и не пришла к решению вопроса продуманного баланса между традиционными воинскими ценностями и современным оружием.

Несмотря на многочисленные обсуждения и исследования причин неудачи кампании в войсках и штабах, главным выводом, сделанным японской армией было то, что важнейшим уроком Номонгана стало блестящее проявление традиционной японской духовной силы как важного фактора современной войны^{clvi}. Естественно, следовало усилить огневую мощь, чтобы дополнить духовную силу, но важнейшим залогом успеха в бою японцы продолжали считать нематериальные факторы. Как пехотинцы японские солдаты были превосходны, но как солдаты, сражавшиеся в современной войне, они были анахронизмом, что, в конечном счете, продемонстрировала война на Тихом Океане.

Сокращения в примечаниях

KG – *Kantogun*

NJS – *Nomonhan jikenshi: Dai 23 shidan no sento*

SC – *Senjo shinri chosa hokoku: senjo shinri chosa ni motozuki shoken*

SWABP – *Small Wars and Border Problems*

ⁱ New York Times, 20 July 1939, p. 18.

ⁱⁱ Mark R. Peattie, *Ishiwara Kanji and Japan's Confrontation with the West* (Princeton University Press, 1975) – подробное описание японских амбиций и действий в Маньчжурии.

ⁱⁱⁱ Hata Ikuhiko, "The Japanese-Soviet Confrontation, 1935-1939"

^{iv} John Erickson, *The Road to Stalingrad* (New York Harper & Row, 1975). К 1937 г. танковый парк СССР составлял около 15 000 танков, и ежегодно производилось около 3000. В японской армии к 1940 г. было лишь 573 танка.

^v Alvin D. Coox, *The Anatomy of a Small War: The Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng/Khasan, 1938* (Westport, Conn: Greenwood Press, 1977) - наиболее детальное исследование инцидента у озера Хасан.

^{vi} Rikujo Jieitai kanbugakko5shiTshinkai, [Ground Self Defense Forces Command and General Staff College], ed., *Kindai Nihon sensoshi gaisetsu* [An outline of modern Japanese war history] (Tokyo: Rikujo Jieitai kanbugakk5 shushinkai, 1968), p. 180

^{vii} Hata, "Japanese-Soviet Confrontation," p. 159

^{viii} Kantogun shireikan [Kwantung Army Headquarters], "Kansakurei dai 1488 go bessatsu. Man 'So' kokkyo funso shori y5ko" [Principles for the settlement of Manchurian-Soviet border disputes], cited in Tsunoda Jun, ed., *Gendaishi shiryō*, vol. 10, *Nitchu SensT*, pt. 3 [Documents on modern history, vol. 10, *The Sino-Japanese War*, pt. 3] (Tokyo: Misuzu shobo, 1964)

^{ix} Boeicho senshishitsu [Ground Self Defense Forces Military History Room] ed., *Nomonhan jikenshi: Dai 23 shidan no sento* [A history of the Nomonhan Incident: the battle of the 23d Division], (1977) special study prepared for the use of students at the Japan Command and General Staff College, p. 24 (hereafter cited as NJS)

^x "Kohon sanden 194 sono 1-5" [Komatsubara headquarters staff transmission 194, pts. 1-5], 13 May 1939, GDSSR 10, pp. 107-8. Originally classified secret.

^{xi} NJS, pp. 14-15.

^{xii} NJS, p. 15. For a comparison of IJA square and triangular divisions see Boeicho boeikenshujōU senshishitsu, ed., *Senshi soshō Kantogun* (1) *Tai So senbi Nomonhan jiken* [Official war history series: the Kwantung Army, vol. 1, Preparations for the war against the USSR and the Nomonhan Incident] (Tokyo: Asagumo shimbunsha, 1969), pp. 166-69 (hereafter cited as KG)

^{xiii} KG, p. 145.

^{xiv} U.S. Army, Office of the Chief of Military History, Japanese Research Division, Military History Section, Headquarters U.S. Army Forces Far East, and Eighth U.S. Army (Rear), ed., *Japanese Studies on Manchuria*, vol. 5, *Infantry Operations*, 1956, p. 24.

^{xv} KG, p. 167; Hohei dai 28 rentai dai 2 daitai [Second Battalion, 28th Infantry Regiment], *Koanhoku-sho shin bakuko sayokuki fukin Nomonhan fukin sento shoho* [Detailed report of fighting in general area of Nomonhan in Hsing-an North Province], 20 June-16 September 1939, in Library of Congress, comp., *Archives of the Imperial Army, Navy, and Other Government Agencies, 1868-1945*, Reel 133 (hereafter cited as Archives).

^{xvi} Shirokawa Yoshinori Rikugun daijin [War Minister Shirokawa Yoshinori], *Sento koyo* [Manual of combat principles] (Tokyo: War Ministry, 1932; reprint ed., Tokyo: Ikeda shobo, 1977), pp. 1-2.

^{xvii} Rikugun kyoiku kanbu [Inspector General of Military Education], ed., *Meiji 42 nen Hohei soten* [Infantry drill manual, 1909 edition] (Tokyo: Rikugun insatsubu, 1909), pp. 2-6; Rikugun kyoiku kanbu, ed., *Hohei sento*

-
- hkyoren hensan yoshi [Outline of the editing of the drill manual for infantry combat] (Tokyo: Rikugun insatsubu, 1945), p. 1
- ^{xviii} Fujiwara Akira, Gunjishi [Military history] (Tokyo: T5oy keizai shinposha, 1961), pp. 109-10.
- ^{xix} Sento koyo, p. 12.
- ^{xx} KG, p. 28.
- ^{xxi} Там же, p. 34.
- ^{xxii} Fujiwara, Gunjishi, pp. 188-89.
- ^{xxiii} KG, p. 36.
- ^{xxiv} Там же, p. 174
- ^{xxv} О подробностях этого боя см. А. Соох, *Anatomy of a Small War*
- ^{xxvi} KG, p. 177
- ^{xxvii} Kantogun heibi kenkyu chosa iincho [Chairman of the committee for the research and investigation of the Kwangtung Army's military preparations], Nomonhan jiken kenkyu hokoku [Research report on the Nomonhan Incident], 27 November 1939, Archives, Reel 109. В оригинале документ был засекречен.
- ^{xxviii} KG, p. 533.
- ^{xxix} U.S. Army, Office of the Chief of Military History, Japanese Research Division, Military History Section, Headquarters U.S. Army Forces Far East, Japanese Night Combat, pt. 1, Principles of Night Combat (1955)
- ^{xxx} KG, p. 176
- ^{xxxi} KG, pp. 441-43; NJS, pp. 24-28.
- ^{xxxii} John G. Campbell, Major, U.S. Army, "The Khalkhin-Gol or Nomonhan Incident," (Research paper, U.S. Army Command and General Staff College, 15 May 1980), pp. 10-11.
- ^{xxxiii} Terrain and climate conditions adapted from NJS, pp. 19-23; KG, p. 536
- ^{xxxiv} KG, p. 536.
- ^{xxxv} KG, p. 429.
- ^{xxxvi} NJS, pp. 21-22; KG, p. 493
- ^{xxxvii} NJS, pp. 30-42; KG, pp. 447-62. Всего потери японцев составили 159 убитых и 119 раненых. Японцы утверждали, что было убито 440 советских или монгольских солдат и уничтожено 22 танка или броневедомоги.
- ^{xxxviii} Tsuji Masanobu, Nomonhan (reprint ed., Tokyo: Hara Shobo, 1975), p. 95.
- ^{xxxix} NJS, p. 47.
- ^{xl} Ibid., p. 47; KG, pp. 468-69.
- ^{xli} NJS, pp. 48-49. Tsuji, Nomonhan, pp. 99-100,
- ^{xlii} NJS, p. 51; KG, pp. 469-70. Цудзи позже с горечью писал, «На месте Комацубары я бы совершил сэппуку» . Tsuji, Nomonhan, p. 104.
- ^{xliii} "Dai 7 shidan shoko koto bunkan shokuinhyo" [A list of officers and high ranking military officials of the 7th Division], 20 March 1939. В оригинале было засекречено.
- ^{xliv} Это описание взято из книги А. Соох, *The Anatomy of a Small War: The Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng/Khasan*, 1938, p. 142.
- ^{xliv} "Senjo shinri chosa hokoku: Senjo shinri chosa ni motozuku shoken." [Report of investigation of battlefield psychology: observation based on investigations of battlefield psychology], дата написания неизвестна, но точно написано в 1939 г. (hereafter cited as SC). В оригинале засекречено
- ^{xlvi} Там же
- ^{xlvii} "Tai So sento yoko" [How to fight the Soviets], 1933, pp. 3-5. A much abbreviated form of this manual appears in KG, pp. 182-85. В оригинале засекречено
- ^{xlviii} Согласно книге Э. Кукса (А. Соох) японцы сочли советских солдат в боях у Чжангүфэна/озера Хасан в общем туподумными и апатичными противниками, не проявлявшими наступательного духа и инициативы, но отметили, что советские солдаты способны оказывать упорное сопротивление. См. А. Соох, *The Anatomy of a Small War: The Soviet-Japanese Struggle for Changkufeng/Khasan*, 1938. Одной из причин посредственных результатов действий советских войск названо присутствие у Чжангүфэна высокопоставленного армейского комиссара Льва Мехлиса, представителя Народного Комиссара Оборона. Согласно Дж. Эриксону, «Мехлис проявлял почти преступное пристрастие к фронтальным атакам; советские войска атаковали японские пулеметы, расположенные на высотах». См. John Erickson, *The Road to Stalingrad*
- ^{xlix} "Tai So," pp. 14-15.
- ⁱ Цудзи и Хаттори на самолете провели разведку советских позиций на западном берегу Халхи, после чего предложили этот план.
- ^{li} Квантунская Армия уже отправила почти весь свой понтонно-мостовой парк на китайский фронт, поэтому японским инженерным войскам для наведения моста через Халху пришлось использовать оборудование, ранее применявшееся лишь для учебных целей.

^{lii} 2 июля примерно в 19:40 японский разведывательный самолет сбросил сообщение для штаба Ясуоки. В сообщении говорилось, что советские войска отступают через Халху, таким образом, необходимо было срочно начать преследование, чтобы поймать их в ловушку. Однако из-за туч и дождя видимость в тот день была ограничена, и японский пилот мог ошибиться.

^{liii} KG, p. 505.

^{liv} Yasuoka shitai 'Nomonhan' jiken shiryō (Showa 14-7-1-14-7-10) [Documents of the Yasuoka Detachment during the Nomonhan Incident, 1 July 1939-10 July 1939], "Kimitsu sakusen nikki (an)" [Operations diary (draft)], entry for 2 July 1939. В оригинале засекречено.

^{lv} Запись в журнале боевых действий 2-го батальона от 3 июля 1939.

^{lvi} Yasuoka shitai, "Ji 7 gatsu futsuka itaru 7 gatsu toka Sento yoho" [Report of combat operations from 2 July to 10 July], entries for 3 and 4 July.

^{lvii} Mita Naohiro, ed., Shichi shidan senki Nomonhan no shito [Battle record of the 7th Division: the death struggle at Nomonhan], n.d., p. 172.

^{lviii} Rikujo Jieitai dai 28 futsuka rentai, ed., Hohei dai 28 rentai gaishi [A general history of the 28th Regular Infantry Regiment] (Hakodate, 1969), p. 173.

^{lix} KG, p. 493.

^{lx} Запись в журнале боевых действий батальона от 5 июля

^{lxi} Там же

^{lxii} «Отделения ближнего боя» - эвфемизм, обозначавший отряды истребителей танков, использовавшиеся для фактически самоубийственных атак вражеской бронетехники. Такой отряд – группа из трех человек, вооруженных коктейлями Молотова и противотанковыми минами. Предполагалось, что они сумеют подойти вплотную к танку и поджечь его или взорвать мины на его корпусе или под гусеницами. Обычно в составе японских пехотных батальонов не было противотанкового оружия, и такие отряды были основным способом борьбы с танками для японской пехоты.

^{lxiii} SC, p. 162.

^{lxiv} See Sanbo honbuyaku [Translation section, General Staff Headquarters], Sekigun tokuhon [Red Army handbook] (Tokyo: Kaikosha, 1936), pp. 169-76. Этот источник, ранее засекреченный для использования только офицерами, является переводом наставления по вопросам боевого применения танков за авторством А. И. Седякина 1935 г.

^{lxv} Kaikōsha, ed., Sekigun yagai kyūrei [Red Army field training regulations], 1936 ed. (Tokyo: Kaikōsha, 1937), pp. 50-51.

^{lxvi} В этом разделе журнала боевых действий точные потери не указываются. Но частое упоминание того, что солдаты «гибнут один за другим» подразумевает большие потери.

^{lxvii} Rikujo bakuryūbu [Ground Self Defenses Staff] ed., Nomonhan jiken no hoheisen [Artillery combat during the Nomonhan Incident], 1965, pp. 53-59. Основной причиной этого названы недостаточный опыт артиллеристов, незаконченная боевая подготовка подразделений и нереалистичные условия учений, перевод наиболее опытных кадров артиллеристов на китайский фронт и предписание экономить боеприпасы, основанное на нереальном условии «один выстрел – одно попадание».

^{lxviii} See Nomonhan jiken no hoheisen, p. 68. Системе тылового обеспечения не уделялось достаточного внимания, командующие на уровне армии или дивизии плохо представляли себе уровень потребности обеспечения боеприпасами.

^{lxix} Nomonhan jiken kenkyū hokoku; Kotani Etsuji, Rekishi to tomo ni arukunda Watukushi no zenhansei [Walking with history: the first half of my life], 1963, p. 9.

^{lxx} Kajikawa butai sento kodo gaisetsu [Outline of combat operations for the Kajikawa Unit], n.d., probably 1939. В оригинале было засекречено.

^{lxxi} Эти приказы отмечены в журнале боевых действий как дополнения 13 и 14.

^{lxxii} Следующее описание боев 8 июля взято из журнала боевых действий и Kyotku sokanbu ed., Nomonhan Jiken shosen reishu [Collected examples of skirmishes during the Nomonhan Incident] (Tokyo: 1940), fig. 16. В этом источнике содержатся схемы стрельбы и анализ боев.

^{lxxiii} Эти критические замечания отмечены в журнале боевых действий батальона.

^{lxxiv} Daihon'ei Rikugunbu 'Nomonhan' jiken kenkyūkai iinkai [Imperial General Headquarters, Army Department, research subcommittee on the Nomonhan Incident], 'Nomonhan' jiken kenkyū hokoku [Research report on the Nomonhan Incident], 10 January 1940. Согласно этим источникам на потери от ручных гранат приходилось менее 5% общих потерь японских солдат в Номонганском инциденте.

^{lxxv} SC.

^{lxxvi} Rikugun gijutsuteki honbu dai 1 bu dai 3 ka [First Bureau, Third Section, Army Technical Headquarters], Heiki tokuyukai kiji (Nomonhan jiken) [Study of weapons and munitions in light of the Nomonhan Incident], 1939, Archives, Reel 133. В оригинале было засекречено.

^{lxxvii} Там же.

^{lxxviii} 26-й пехотный полк принимал участие в боях на западном берегу Халхи в начале июля и выполнял задачи арьергарда при отступлении японцев через Халху. Полк последним из японских частей оставил западный берег. С 9 июля полк (за исключением одного батальона и двух рот) участвовал в боях на восточном берегу.

^{lxxix} Запись в дневнике Комацубары от 9 июля 1939 г. Цитируется в KG.

^{lxxx} SC.

^{lxxxi} KG, pp. 555-56. Записи в дневнике Комацубары от 12 и 13 июля.

^{lxxxii} См. дополнения 18 и 19 в журнале боевых действий батальона.

^{lxxxiii} Такие случаи происходили довольно часто. Японские разведчики, непривычные к пространствам степи и отсутствию заметных ориентиров, ночью легко могли заблудиться или наткнуться на тщательно замаскированные советские полевые укрепления.

^{lxxxiv} 26-й пехотный полк был отведен назад для перегруппировки перед общим наступлением 23 июля.

^{lxxxv} Mita, Shichi shidan, p. 230.

^{lxxxvi} Hata, "Japanese-Soviet," p. 167.

^{lxxxvii} Source: KG, p. 561. Nomonhan jiken no hoheisen, pp. 70-71.

^{lxxxviii} Журнал боевых действий батальона, запись от 31 июля

^{lxxxix} SWABP, C, pp. 520, 525.

^{xc} Shimanuki Takeji, Major, IJA, "Sakusen yoheiyo yori mitaru 'Nomonhan' jiken no kyojun" [Lessons of the Nomonhan Incident seen from operational handling of troops], 30 September 1939.

^{xci} Дневник Комацубары, KG p. 571.

^{xcii} SWABP, C, p. 522.

^{xciii} Nomonhan jiken no hoheisen, p. 69.

^{xciv} Запись в журнале боевых действий от 5 августа 1939 г.

^{xcv} Запись в дневнике Оки Сигэру от 6 августа 1939 г. (дневник опубликован частным порядком). Оки был военным врачом, приписанным к 1-й дивизии, и в то время служил на высотах Норо.

^{xcvi} Эти выводы, очевидно, были основаны на перехваченных советских радиосообщениях

^{xcvii} Heiki tokuyukai.

^{xcviii} Описание советской тактики из NJS, p. 119.

^{xcix} Heiki tokuyukai.

^c Запись в журнале боевых действий от 7 августа 1939 г. Также см. Nomonhan jiken no hoheisen

^{ci} NJS, pp. 137-38.

^{cii} В "*Senjo shinri chosa hokoku: Senjo shinri chosa ni motozuku shoken*" (далее SC) дается краткое описание этих критериев боевого духа подразделения. Эта система укомплектования полков земляками могла иметь и негативный эффект. У солдат батальона, временно включенного в состав другого полка, вместо слаженности и взаимодействия могло проявиться чувство изоляции и оторванности.

^{ciii} Подполковник Сугитани командовал пехотным батальоном 8-го полка пограничных войск

^{civ} Shosen reishu, fig. 21.

^{cv} Shimanuki, "Sakusen yohei"

^{cvi} Konuma Haruo, Lieutenant Colonel, IJA, " 'Nomonhan' jiken yori kansatsu seru tai 'So' kindaisen no jisso" [Observations from the Nomonhan Incident on the realities of Soviet modern warfare], February 1940.

^{cvii} Обычно участок фронта на одну роту не превышал 600 м

^{cviii} SWABP, C, p. 594.

^{cix} Oki, Nomonhan, p. 59.

^{cx} Nomonhan jiken kenkyu hokoku.

^{cxii} SWABP, C, p. 594.

^{cxii} Cooh, Anatomy, pp. 142-43,

^{cxiii} Запись в журнале боевых действий батальона от 18 августа 1939 г.

^{cxiv} Shosen reishu, fig. 2.

^{cxv} Вероятно, советские войска готовились к общему наступлению, которое началось 20 августа

^{cxvi} NJS, p. 148.

^{cxvii} KG, p. 588.

^{cxviii} Shimazaki, Sakusen yuhei and NJS, pp. 152-53. По оценкам 2-го батальона противостоявшие ему силы 16 августа составляли около 500 чел. пехоты, 5 танков и 20 орудий; 20 августа 700 чел. пехоты, 16 танков и 25 орудий; 22 августа – до 1200 пехотинцев, 30 танков и 30 орудий.

^{cxix} NJS, pp. 152-53.

-
- ^{cxix} Советские войска развернули для наступления 35 пехотных батальонов (в 2 раза больше японцев), 216 артиллерийских орудий (в 3 раза больше японцев), 500 танков и 346 броневых автомобилей (превосходство советских войск в бронетехнике было абсолютным). См. Hayashi Saburo, Kantogun to kyokuto Sorengun [The Kwantung Army and the Soviet Far Eastern Army] (Tokyo: Fuyo shobo, 1974), p. 177.
- ^{cxixi} Советская авиация захватила господство в воздухе в ходе боев на истощение, в которых численно уступавшая японская авиация была обескровлена. См. Boei kenshujo senshibu ed., Nomonhan jiken okuksakusen no kyosatsu [Considerations of air operations during the Nomonhan incident] (1975)
- ^{cxixii} Запись в журнале боевых действий батальона от 21 августа 1939 г.
- ^{cxixiii} Mita, Shichi shidan, p. 389.
- ^{cxixiv} Запись в журнале боевых действий от 20 августа 1939 г.
- ^{cxixv} Oki, Nomonhan, p. 62.
- ^{cxixvi} Mita, Shichi shidan, pp. 389-90.
- ^{cxixvii} Журнал боевых действий, раздел выводов
- ^{cxixviii} Эти сведения были неверны. 23-я дивизия сама вела тяжелый бой к северу от реки Хольстен.
- ^{cxixix} NJS, p. 158.
- ^{cxixxx} Mita, Shichi shidan, p. 390.
- ^{cxixxxi} SC.
- ^{cxixxxii} Oki, Nomonhan, entry for 22 August 1939, p. 64.
- ^{cxixxxiii} В советских источниках не упоминается ввод в бой новых частей к югу от реки Хольстен 23 августа.
- ^{cxixxxiv} Запись в журнале боевых действий от 23 августа 1939 г.
- ^{cxixxxv} Запись в журнале боевых действий от 24 августа 1939 г.
- ^{cxixxxvi} Mita, Shichi shidan, p. 391.
- ^{cxixxxvii} Mita, Shichi shidan, p. 392. Во время боевых действий у Номонгана были случаи, когда офицеры и с советской стороны совершали самоубийство, чтобы избежать плена.
- ^{cxixxxviii} Полковник Хасебе, не сообщив командиру батальона, приказал взводу младшего лейтенанта Такасимы присоединиться к 8-му полку пограничных войск.
- ^{cxixxxix} Shosen reishu, fig. 25.
- ^{cxli} Без учета взвода младшего лейтенанта Такасимы.
- ^{cxlii} Mita, Shichi shidan, p. 393.
- ^{cxliiii} Mita, Shichi shidan, p. 394.
- ^{cxliiiii} Mita, Shichi Shidan, p. 397.
- ^{cxliv} Mita, Shichi Shidan, p. 397-398.
- ^{cxlv} 6-я армия была сформирована 4 августа 1939 г. для общего управления обороной в районе Номонгана.
- ^{cxlvi} 46 чел. из них позже были занесены в список убитых.
- ^{cxlvii} Все четыре офицера были младшими лейтенантами из 2-й, 9-й, 10-й и штабной рот соответственно.
- ^{cxlviii} Запись в журнале боевых действий от 16 сентября 1939 г.
- ^{cxlix} Hata, "Japanese-Soviet," p. 170.
- ^{cl} Там же, p. 170-175, рассказывается о процессе деэскалации конфликта у Номонгана/Халхин-Гола. В июле 1940 г. Япония почти полностью согласилась на советские условия по границе.
- ^{cli} Из переписки с господином Аримой Сэйити и дискуссий с полковником Мацумурой Цутому, японским офицером связи при Командно-штабном колледже сухопутных войск США.
- ^{clii} Полковник Окамото Токудзо был ранен в бою и позже убит в госпитале своим коллегой и одноклассником по военному училищу, который считал Окамото ответственным за поражение 71-го полка. Принявший командование после него полковник Накано Эйджо также был ранен. Полковник Морита Тецудзи был убит в бою, как и подполковник Адзума Судзи, во время августовского наступления советских войск. В SC потеря командира считается оказывающей наиболее пагубное влияние на слаженность и моральный дух подразделения.
- ^{cliii} Интервью с господами Аримой Сэйити и Ито Цунео.
- ^{cliv} Dai 7 shidan shireibu [Headquarters, 7th Division], Sento kodo hokoku [Report of combat operations], 1939. В оригинале засекречено.
- ^{clv} Nomonhan jiken kenkyukai hokoku.
- ^{clvi} Nomonhan jihen kenkyu hokoku, и IGHQ's Nomonhan jiken kenkyu hokoku.